

Андрей
ЕГОРОВ

Вечный мент
или
Светоч справедливости

Андрей Егоров

**Вечный мент, или
Светоч справедливости**

«Автор»

2009

Егоров А. И.

Вечный мент, или Светоч справедливости / А. И. Егоров —
«Автор», 2009

Легко ли сделать своего человека Великим грешником? За эту непосильную задачу берется бес Кухериал - большой пройдоха и карьерист. Для этого всего-то и надо - заставить своего подопечного в первичной реальности убить Светоча справедливости, человека, живущего на Земле много веков по воле святых и самого бога. В нашем времени Светоч тоже нашел себя - работает простым ментом, в чине капитана. Казалось бы, задача предстоит совсем не сложная. Ведь сам сатана обещал свою всемерную поддержку, и все семь герцогов ада одаривают убийцу Светоча уникальными дарами. Но беда с этими людьми, подопечный Кухериала хоть и наемный убийца, но отнюдь не лишен остатков совести и даже определенной морали, свойственной, правда, скорее асасинам далекого прошлого. Да и крылатые святые все время мешают осуществлению плана.

© Егоров А. И., 2009

© Автор, 2009

Содержание

1		5
2		6
	Адские пределы	6
	Онтологическая иллюзия	13
	Чистилище	20
	Онтологическая иллюзия	24
	Судебный чертог	39
	Онтологическая иллюзия	45
	Конец ознакомительного фрагмента.	78

Андрей Егоров

Вечный мент или Светоч справедливости

Посвящается соавтору идеи, который претендовал на часть гонорара, но не получит ничего, потому что нет в этом мире справедливости.

Невежды думают, что все рассказы о колдунах и чародеях, которые они слышат, невероятны. Безбожники и лжеученые не хотят признать то, что они видят, и, не зная причины того, что видят, отрицают виденное. А колдуны и чародеи смеются над ними по двум главным причинам: во-первых, чтобы отвести от себя подозрение, а во-вторых, чтобы обеспечить торжество царства Сатаны...
Боден «Демонomanия», 17 век

1

Смерть героя

В моей душе сгустилась тьма...

Всякий раз, когда я думаю о своей никчемной жизни, мне хочется скрипеть от ярости железными зубами – их у меня шестьдесят шесть, в два ряда.

Силы Тьмы сделали меня своим верным слугой, использовали и низвергли в геенну огненную.

Вы, может быть, разделяете точку зрения церкви, что каждому человеку после смерти воздается по делам его. Но я бывал в аду еще при жизни, а, умерев, был несправедливо осужден...

2

Вечный мент

Адские пределы *7519 год от Сотворения Мира*

– А мне сдается, ничего у него не выйдет! – демон-управитель первого круга ада, отвратительный Гаармиит, чья физиономия напоминала кучу куриного помета, с хрустом почесал в затылке. – Сомневаюсь я. Ясно? – Когда он говорил, из пасти извергались целые водопады желтой слюны.

– А ты не сомневайся! – с вызовом ответил бес-искуситель Кухериал, стараясь не замечать, что оплеван с головы до ног. – Сколько земных лет с ним вместе. Я за него могу любую гарантию взять. Мой человек – самый надежный.

– Все так говорят. Мой – самый надежный. Мой – самый плохой. Мой – самый мерзкий ублюдок на земле. А на деле по-другому выходит! – Гаармиит зевнул во всю морду, обнажив крупные желтые клыки: – Все вы одинаковые! Приходят, просят – просят, а толку! – Очередной зевок прервал поток зловонных словоизлияний.

Леность, уныние и скука пронизывали первый круг от самого основания в нижней точке конусообразной адской действительности до массивного каменного свода, замыкающего пределы вселенского зла.

Герцог Велиал с унылым видом слушал, как пререкаются подвластный ему демон-управитель и мелкий бес, обитатель онтологической иллюзии ¹. Вот уже пять темных веков Велиал выглядел воплощением порочной красоты, красавец-мужчина, сошедший с плаката в девичьей спальне – прямые черные волосы ниспадают на плечи, на гладком белом лице выделяются неестественно синие глаза, на крупном породистом подбородке – глубокая ямочка. Самому Велиалу человеческое воплощение радости не доставляло. И даже напротив – раздражало до зубовного скрежета.

Герцог поднялся с трона, распрямился во весь гигантский рост – почти два с половиной метра, подошел к забранному ажурной решеткой окну и выглянул, обозревая обширные адские территории взором истинного владыки.

Вблизи герцогского дворца обилия происшествий не наблюдалось.

Бес-палач низшего сословия вяло охаживал хлыстом аппетитную грешницу. Трудился без энтузиазма, все больше пялился на упругие прелести, сглатывая слюну. Слюны было много, она текла по подбородку и падала на горячую растрескавшуюся землю.

Несколько сонных демонов рангом повыше, вооруженные кривыми трезубцами, едва перебирая ногами, гнали толпу на утреннее погружение в крутой кипяток. Сопровождал шествие рогатый архидьявол ² в черной мантии, недавно назначенный на эту ответственную работу, важничал, задирая к кроваво-красным небесам острый подбородок с бородкой клинышком.

¹ Онтологическая иллюзия – так в аду именуют мир, созданный богом и населенный людьми.

² Архидьяволы – одна из наиболее могущественных адских рас. По слухам, к этой расе принадлежит сам сатана. Архидьяволы могуществом равнозначны демонам и могут занимать в адской иерархии самые разные по степени значимости места. Любой дьявол имеет возможность стать архидьяволом, поднявшись по карьерной лестнице. Карьерный рост архидьяволов, как и прочих адских существ, напрямую зависит не только от удачи, но и от их магических способностей.

Грешники причитали, падали на колени, молили о пощаде. Но порождения тьмы жалости не знают. Мольбы о снисхождении действуют на адских существ однообразно – радуют черную душу, вызывая в ней счастливый трепет, пробуждают аппетит и страсть к размножению.

Велиал зевнул, прикрыл рот усеянной перстнями ладонью. Все как обычно. И продолжается так уже пять веков, с тех пор как он попал в опалу. Ску-учно! Как и всем на первом круге. Хорошо демонам и дьяволам из высших пределов, куда он сам когда-то входил. Они могут плести интриги, строить козни против святых – пресветлых ангелов и самого бога, даже вступать с ними в баталии на границе Света и Тьмы. А он сидит на самом затрапезном из семи кругов, куда души умерших попадают за безобидные прегрешения – лень и уныние, и день ото дня наблюдай пытки грешников. А иногда, как сегодня, занимайся совершеннейшей ерундой, слушая, к примеру, как переругиваются между собой два полудурка – мелкий бес-искуситель, одержимый идеей привести своего человека к высшей ступени грехопадения, и бездарный демон-управитель Гаармиит, неспособный самостоятельно принять самое простое решение. А кругом – тоска, лень и скудоумие... Все в пределах первого круга подчинено греху уныния. Скука! Жуткая скука! Вот уж воистину, грех предаваться унынию, когда кругом столько замечательных пороков. Взять хотя бы прелюбодеяние. Разве сложно было Сатане в тот злосчастный час, когда он впал в немилость, низвергнуть его на четвертый круг – в Предел похоти, где правит бал оголтелый разврат? Компания там подобралась самая веселая, и грешницы, готовые на все, чтобы облегчить себе посмертное существование, вылетают через огненные врата в адские пределы одна за другой...

– Нет-нет-нет, пшел прочь, прочь, – услышал Велиал и медленно повернулся. Гаармиит подталкивая беса в спину, теснил к выходу из тронной залы. – Ничего тебе тут не светит. Так и знай!

– Кончай базар! – рокочущим басом провозгласил Велиал, и уже тише добавил: – Подпишу.

Бес Кухериал, пройдоха, мигом оказался рядом, протянул договор.

– Вот здесь подмахните, ваше мракобесие. Чудесно. Какая у вас восхитительная подпись. Мрачнейшая подпись. Подпись настоящего властителя тьмы, я бы сказал. И вот здесь. Спасибо преогромнейшее, ваше мракобесие... Знаете, я всегда считал, что с вами несправедливо обошлись...

Говорил он с заискивающей интонацией, но при этом отчаянно тараторил, маленькие глазки быстро бегали, стараясь не встречаться с суровым взглядом герцога первого круга. Всем известно, смотреть высшему демону в глаза – значит подвергать себя смертельной опасности.

– Не будем об этом, – проворчал Велиал, крайне недовольный упоминанием о своем нынешнем положении изгоя. – Человечка не забудь ко мне привести, бес.

– О чём речь, ваше мракобесие?! К вам в первую очередь. Я правила знаю. Все сделаем, как полагается.

– В первую очередь! – подчеркнул герцог. На его памяти бесы нарушали заведенный порядок трижды, и каждый раз потенциальный убийца Светоча завершал свои дни на кругу уныния, а забывчивые бесы в Пыточных чертогах, истязаемые умелыми палачами Зарах Ваал Тарага³. сатана каждый раз оказывался недоволен быстрой расправой, но порядок есть порядок, даже Лучезарный не в силах его отменить.

Бес свернул важную бумагу в трубочку, склонил рогатую голову, демонстрируя признательность, метнулся к черным створкам магических дверей, и растворился за ними, будто его и не было.

³ Зарах Ваал Тараг – по слухам, младший брат самого Люцифера, происхождением архидьявол. Принц Вечной Ночи, Тьмы и ненависти. Лучший и самый могущественный советник Сатаны. Находится в весьма натянутых отношениях с Вельзеволом, герцогом Предела чревоугодия. Основная должность в аду – управитель Пыточного предела. Именно он измышляет все новые пытки для грешников и провинившихся адских созданий.

– А если человек не справится?.. – начал Гаармиит.

Велиал смерил подчиненного презрительным взглядом.

– Если не справится, я сам за все отвечу. Ты, наверное, плохо рассмотрел документ? На пергаменте герцогские подписи из всех Пределов. Даже Адрамелех ⁴ поставил свою. И сам Люцифуг Рокофал...

Последний не имел высокого герцогского титула, но пользовался всеобщим страхом и ненавистью, являясь своего рода премьер-министром ада, главным доверенным лицом Сатаны в делах политических. Рокофал заведовал переговорами с райскими посланниками и тщательнейшим образом следил за тем, чтобы неустойчивое равновесие не нарушалось.

Между тем, провокации со стороны святых случались регулярно. Взять хотя бы заключенное по инициативе бога семьсот семьдесят шесть земных лет назад пари с Люцифером. Со стороны Князя Тьмы было чистейшим безумием согласиться на столь опасный спор...

Впрочем, говорить об опрометчивости данного поступка в адских кругах не решался никто. Прогневив Сатану, можно подвергнуться телесной метаморфозе, пыткам, низвержению, а то и чему похуже – фантазия Лучезарного почти безгранична, не зря же он покровитель всех земных искусств, включая живопись, скульптуру и главенствующую над другими родами искусства литературу.

– Вы абсолютно правы, герцог. Почему, собственно, не подписать? – пошел на попятную Гаармиит. – Сделает этот человек дело или не сделает, разницы для нас нет. Все равно ниже уже не сошлют. – И распахнул громадную пасть, зевая. Им снова начинали овладевать лень, скука и уныние.

– Ты понимаешь, что мелешь, червь?! – Велиал побелел от гнева. – Мне оказана честь этим назначением!

– Ну да – ну да, это конечно, – отозвался Гаармиит и многозначительно покрутил пальцами в слуховых отверстиях – ушами мясистые отростки, торчащие из неровного черепа, не осмелился бы назвать даже художник-абстракционист.

– И потом, – продолжал Велиал, – если пари будет проиграно, святые получают преимущество, которым непременно воспользуются... Этого нельзя допустить.

– Какое преимущество, ваше мракобесие? – немедленно заинтересовался управитель.

– Не твоего ума дела, – проворчал герцог. – Я и сам не знаю, что им толк в *таком* преимуществе, но какой-то определенно имеется. Советники у пресветлого бога семи пядей во лбу. Что есть, того не отнять. К сожалению...

– Не думаю я, ох, не думаю, – Гаармиит мелко захихикал, – уж Его темнейшество найдет, как их обхитрить. Как их вот так вот вокруг пальчика обвести, а затем в рот положить, прожевать и проглотить.

Велиал скривился – что может понимать этот болтливый недоумок. И решил больше в диспуты с подчиненным не вступать. Вернулся на трон и занялся самосозерцанием. В этом занятии он находил успокоение. Почти такое же благоприятное воздействие на него оказывало массовое сожжение грешников под музыку Бетховена.

Композитор, к несчастью, достался Адрамелеху.

– Вечно ему все самое лучшее, – пробормотал уязвленный Велиал, вспомнив застарелую обиду. За Бетховена он в свое время предлагал Адрамелеху сотню мелких бесовок, фигуристых и весьма искушенных в плотских утехах, правда, иногда засыпающих очень некстати – что взять с несовершенных созданий Предела уныния. Но герцог седьмого круга, погруженного в гордыню по самый свод, решительно отверг это выгодное предложение. Многочисленные попытки договориться с Адрамелехом так ни к чему не привели. Ему, видите ли, доставляло

⁴ Адрамелех – высший демон. Герцог Предела гордыни.

искреннее удовольствие беседовать с великим Бетховеном о музыке, а затем лично заставлять гения переживать кошмары последних лет жизни – немощь и глухоту.

Проворный бес Кухериал вскоре влетел в приемную Лучезарного. Секретарша Сатаны, бесовка Исиола, одарила земного беса-искусителя безразличным взглядом – к тем, кто обретался среди людей, многие обитатели адских пределов относились с пренебрежением. В следующее мгновение бесовка заметила бумагу, всю в росчерках когтей герцогов адских кругов, и переменялась в лице. Губки ее дрогнули, верхняя поползла вверх, обнажив мелкие, подпленные на манер племенных людоедов зубки, по последнему слову адской моды.

– Сам на месте?! – рявкнул Кухериал. Несмотря на старательную улыбку, первоначальное настроение секретарши от внимательного беса не укрылось. Недостаточное почтение со стороны населяющих ад существ вызывало у него острые приступы раздражения, граничащего с желанием кого-нибудь замучить до смерти.

– Сейчас доложу.

«Вот ведь лярва, – подумал Кухериал, – они мне все тут пятки лизать должны за то, что я из своего человека сделал закоренелого грешника, достойного внимания адской канцелярии. А она на меня смотрит, как на шваль бесовскую, что в аду испокон веков без дела ошивается, по игорным домам и пыточным чертогам. Попробовала бы, как мы, – на передовой! Среди людей! Где в любое мгновение, неровен час, перекрестить могут, а то и святой водой окропить»...

К удивлению беса, Люцифер принял его уже через час. Что само по себе было удивительно. сатана любил, чтобы посетитель как следует промариновался в приемной – парутройку адских суток, а то и недель. А уже затем, утомленного и подавленного, гостя приглашали в тронную залу.

Лучезарный выказал мне расположение, понял бес, и чуть не прослезился от счастья. Подумать только, ему, простому бесу-искусителю, и вдруг такая честь. Сам властитель ада принимает его без проволочек. В то время как гений⁵ тьмы Гарфанкул, поговаривают, так и не дождался аудиенции – скончался прямо в приемной, к искреннему удовольствию зловредной секретарши.

сатана поднялся с высокого трона, взял Кухериала за тощие, покрытые черным волосом плечики, приподнял, прижал к широкой груди, совсем как родного сына Антихриста, и проговорил рокошущим басом:

– На тебя вся надежда, бес. Земных часов осталось совсем мало. А святые все торопят и торопят время, вращая земную ось. Как будто не знают, что этим исполненным суетности действием приближают Апокалипсис. – сатана замолчал. Стал, загибая длинные пальцы, подсчитывать что-то про себя. Всякий раз, когда речь заходила о Последней битве, Князь тьмы впадал в математическую задумчивость. – Не подведешь? – проговорил он, наконец. Прошло не меньше получаса. К этому времени бес уверился в мысли, что о нем окончательно забыли, и помышлял только о том, как бы незаметно покинуть кабинет Лучезарного, чтобы не навлечь на себя сатанинский гнев. Неожиданный вопрос заставил парнокопытного искусителя вздрогнуть.

– Не сомневайтесь, Ваше темнейшество! – выпалил он. – Я в своем человеке уверен! – Несмотря на патетику заявления, голос беса заметно дрожал. Имея дело с сильными мира сего, обитающими за пределами онтологической иллюзии, как здесь называли мир людей, созданный богом, он начинал утрачивать врожденный артистизм. Общаться с самим Сатаной – это

⁵ Гении – одна из адских рас. Темные души, сумевшие сделать карьеру в аду. Они либо прижизненные злодеи, начавшие свой карьерный путь после смерти, либо чернокнижники, избравшие служение тьме. Последние, как правило, покидают земную жизнь добровольно, кончая жизнь самоубийством в полном расцвете сил.

вам не заносчивых бесовок осаживать. – Великий грешник! Великий! Без всяких преувеличений. Видели бы вы, как он людей убивает из винтореза. Бах – и готов. Бах – и еще один улетел на тот свет. У меня каждый раз от гордости челюсти сводит. Чуть не плачу, глядя на моего родимого душегуба. – Скороговоркой поведал Кухериал и уронил скупую слезу. Она сползла по покрытой жесткой щетиной щеке и затерялась в густой козлиной бородке.

– Молодец, – одобрил Люцифер. – Всем бы твое рвение, бес, мы бы святым давно шеи посворачивали, как... – сатана замялся. – Как...

– Как умелый сантехник вентиль, – подсказал сравнение бес.

– Где бумага? – Лучезарный посуровел, тон его сделался деловым и Кухериал понял, что со сравнением оплошал.

– Вот, – он поспешно передал в когтистые лапы свернутый в трубочку пергамент.

Князь тьмы развернул документ и углубился в изучение, покусывая тонкие губы. Бес понял, что «его темнейшество» вновь охватили черные мысли, потому что кроме росчерков герцогских когтей в документе ничего не было – ни единой буквы официально принятой в аду латинской письменности. К тому же, всякий раз, когда сатана делался мрачен, обуреваемый параноидальными идеями и математическими подсчетами, атмосфера рядом с ним густела и делалась настолько тягостной, что скрадывала дыхание.

– А вот скажи мне, бес, – пророкотал Люцифер, когда Кухериал стал понемногу задыхаться, – все ли подписали бумагу с охотой?

– Сомнения были... у всех, – ответил бес с готовностью, жадно сглатывая воздух, – наверное, боятся ответственности.

– Ну, это уже я буду судить, ответственности они боятся или что-то замышляют. А что Мамон?!

– Думал дольше всех.

– Так я и знал! – Черные глаза Люцифера полыхнули алым. – Никакого уважения к высшей власти. Прибрал к рукам все золото ада. И думает, всё у него под контролем, всё ему можно. На мое место метит, паразит.

– На место Князя Тьмы?! – ужаснулся Кухериал. – Да разве такое возможно?!

Он вращался в высших кругах адской аристократии впервые, и от всего услышанного у него голова шла кругом. Могущественным высшим демонам ничего не стоило раздавить его, словно букашку. В бесовском мозгу роились стремительные и страшные мысли. Не сболтнул ли он чего-нибудь лишнего в разговоре с Сатаной? Не хотелось прогневить могущественного Мамона. С виду герцог Предела алчности прост и жизнелюбив, но характер имеет сложный, с подвывертом, и известен в аду не только своей непомерной жадностью, но и лютым нравом. А ну как Мамону донесут, что бес Кухериал в общении с Лучезарным отзывался о нем нехорошо? Говорят, у властителя Предела алчности соглядатаи всюду. Как известно, даже у стен есть уши. Впрочем, в Пыточном пределе Зарах Ваал Тарага Кухериалу доводилось видеть и не такое: не только уши на стенах, но и носы на потолке, и даже растущие из пола целые рогатые головы обреченных на муки за мелкие провинности низших бесов и чертей. Тела их в это время продолжали работать на благо ада, добывая с толпой грешников золото в Пределе алчности, на созданных герцогом Мамоном рудниках.

– Нет, это совершенно невозможно! – Кухериал затряс козлиной бородкой, застучал копытами, сильно волнуясь за целостность своего организма.

– Возможно, бес. В аду все возможно, – проговорил Лучезарный. – Я откровенен с тобой, потому что вижу, ты едва ли не единственный, кто без страха идет на такое дело. Все остальные уже отказались от этой идеи, отягощенные знанием о множестве наказаний, что измыслили для них коварные герцоги ада в случае неудачи. А ты, бес, знаешь ли, что с тобой будет, если дело завершится провалом?

– Знаю, – Кухериал быстро закивал. – Но очень надеюсь, что у меня все получится...
Очень хочется демоном стать, – сообщил он доверительно.

– Тех искусителей, что до тебя были, видел?!

– Показывали, – внутренне содрогнувшись, пробормотал бес.

– Мамон показывал? – заинтересовался Лучезарный.

– Абаддон⁶. Освежаванных. Шкурки отдельно. Тушки отдельно. И прочих...

– И это только начало долгих мук, бес. Только начало. А все потому, что гордыня должна быть наказуема. И стремление на самый верх у низших тоже. Ладно, пугать мне тебя ни к чему. Одно дело делаем. Я наверху. Ты внизу.

– Именно так, ваше темнейшество. Именно так...

– А ты храбр. Хотя и выглядишь трусливым мерзавцем. Я, признаться, думал, уже никто не решится. Но раз ты один такой смелый и глупый остался, прямо тебе говорю: на тебя возлагаю последнюю надежду, бес. И награжу, как никого ранее, если дело будет сделано, и пари у бога выиграю. И возвышу до ранга демона. Обещаю.

– А можно с маленькой просьбой обратиться заранее? – решил Кухериал. Момент, вроде бы, был подходящий.

Люцифер вскинул вопросительно бровь. Свирепое лицо отразило неудовольствие. Опасаясь, что владыка ада разгневется, – а такое с ним частенько случалось, порой без всякого повода, – Кухериал поспешно забормотал:

– Нельзя ли мне ту бесовочку, что в вашей приемной сидит, того...

– В каком смысле «того»?! – рыкнул сатана.

– Получить в пользование. На одну ночь. Очень она мне понравилась.

сатана смерил беса внимательным взглядом. Поинтересовался с пониманием:

– Зазнается?

Кухериал кивнул, потупил взор.

– Смотрела на меня, словно на шваль бесовскую. А я ведь для дела все... Я же самый верный слуга тьмы.

Люцифер щелкнул пальцами. Из-за двери послышался душераздирающий, но быстро угасший вопль...

– Это все? – поинтересовался Князь тьмы.

Кухериал в ответ собирался было кинуться целовать копыта Лучезарного, но тот жестом остановил беса.

– Пшел вон! – уставшим голосом проговорил он. – И поторопись. Мое терпение не безгранично...

Копыта Сатаны за многие века были исцелованы до зеркального блеска.

Кухериал поспешно покинул кабинет Лучезарного, пятясь задом, вывалился через двери в приемную. Выяснилось, что здесь теперь пусто – только в полу зияет дымящийся пролом. Зарвавшуюся бесовку вместе с мебелью низвергли на один из кругов, в услужение кому-то из суровых герцогов.

– Потрудись теперь, чтобы заслужить расположение нового хозяина, – пробормотал мстительный бес, крайне довольный суровым наказанием. Низвергнутым в аду приходилось несладко. На них по обыкновению проверяли все новые пытки. Изобретательный ум хранителя пыточного чертога Зарах Ваал Тарага измышлял самые ужасные наказания. Мысль о том, как будет корчиться и молить о прощении подвергнутая многолетней муке бесовка, заставила Кухериала злорадно расхохотаться.

⁶ Абаддон – высший демон. Герцог Предела ненависти.

Он ударил копытами в пол, обернулся вокруг себя... и оказался возле огненных врат. Отсюда уже рукой было подать до онтологической иллюзии – реального мира, где обитали божественные образы – люди.

Несколько злых духов, испуганных неожиданным появлением Кухериала, разлетелись с недовольным шипением. Лишенные телесной оболочки, они представляли низшую ступень иерархии падших. К их помощи бесы прибегали, когда нужно было нагнать на кого-то страх или внушить черные мысли. Духи тьмы умели вызывать зависть, гнев, делать человека ленивым и слабым. Но по своей воле действовали неохотно – боялись, слишком многие из них рассеялись под сияющими мечами ангелов-хранителей и сильно пострадали от наложенной на человека благодатной молитвы.

Служители бога действовали, не утруждая себя лишними терзаниями: клинок из ножен, короткий выпад, и создание тьмы исчезает навсегда, а вместе с ним нехорошие мысли и чувства в душе человека.

«Еще бы им не демонстрировать такую решимость, – думал Кухериал, материализуясь – этот процесс по причине отсутствия подлинной демонической силы занимал у беса довольно много времени, – с такой крышей и я был бы спокоен. Всепрощающий боженька всегда прикроет, даже в случае злоупотребления служебным положением. А у нас чуть что – сразу к Зараху Ваал Тарагу или на плаху, и ходи потом пару веков, таская повсюду голову, словно кочан капусты. Если, конечно, ее не определяют в пыточный чертог. А тебя, лишённого головы, на рудники».

Бес-искуситель заспешил через кладбище – традиционное место материализации детей ада. Концентрация зла здесь была такой сильной, что люди ощущали ее физически, опасаясь забредать на погост по ночам и не испытывая охоты приходить на кладбище днем. Изпод земли до Кухериала доносились стоны и причитания. Мертвецы ворочались в могилах, скребли крышки гробов длинными ногтями, грызли обивку обломками зубов. Все эти звуки очень веселили беса. После посещения Люцифера и низвержения секретутки Исиолы настроение у Кухериала установилось самое замечательное.

«Только бы какая-нибудь сволочь не спутала планы», – подумал он и спохватился: надо контролировать себя – высшие святые умеют слышать мысли на значительном расстоянии. Что касается падших, то никому из них этот дар недоступен. Даже высшим демонам и архидьяволам. Поэтому и одерживают ангелы победу за победой. Зато на стороне слуг Сатаны изощренное коварство и отсутствие необходимости следовать заповедям. У детей ада только одна заповедь – брось в грешника камень потяжелее.

Онтологическая иллюзия *2010 год от Рождества Христова*

Все дела обычно начинаются одинаково. На сотовый звонит неизвестный и, старательно коверкая голос, предлагает встретиться, чтобы «обсудить детали».

Знаем мы эти детали. Карданный вал от автомобиля «Мерседес» – вот это деталь. Или шасси сверхзвукового истребителя – тоже деталь. А тут не детали, а сплошные убийственные подробности. От которых у простого обывателя волосы шевелятся, и хочется немедленно оформить выезд за рубеж, чтобы никогда больше не возвращаться в эту страшную злую страну.

Еще бывает, приходит сообщение по электронной почте, где написано что-нибудь вроде этого: «Здравствуйте, уважаемый администратор сети, возникла проблема, необходимы ваши услуги по очистке системы от вируса. Слейте координаты для встречи на почтовый ящик».

Всем этим людям нужен именно я – просто потому, что я реальный профи. И на сегодняшний день один из самых востребованных специалистов «по очистке системы от вирусов» в стране. Заказы я получаю намного чаще, чем мои коллеги по опасному бизнесу. Вовсе не потому, что я какой-нибудь особенный, и даже не в той связи, что репутация у меня безупречная, а по той простой причине, что берусь за дела самые невыполнимые и грязные с точки зрения личного риска. И потом я не только крупный специалист по отстрелу больших шишек, я еще и крупный специалист по отстрелу крупных специалистов.

Любой нормальный киллер, узнав какого динозавра придется валить, непременно откажется лезть в такую серьезную заваруху. Я единственный, кто берется за заказы любой сложности. Мне гигантских ящеров и их подручных стрелять даже интересно.

Люди меня знают – и друг другу советуют. Позвонит, к примеру, некий депутат Пупкин своему помощнику и спросит: «Кто у нас главный специалист по динозаврам?» А тот ему и ответит: «Конечно, Вася... Вася... Вася... Ну, кто его не знает?». Песня такая была. Почти про меня написана. И даже если заказчик оказался настолько туп, что поручил крупный заказ какому-то другому Васе, это непростое дельце покружит по стране и все равно найдет меня.

Учитывая мою весовую категорию, работать чаще всего приходится по контингенту внутреннему: банкиры, директора крупных фирм, преступные авторитеты разных мастей, главари бандформирований и прочие богатые господа. Ну да, есть у меня на совести парочка известных на всю страну журналистов и несколько общественных деятелей, но они сами напросились: вели себя нагло, задвигали вредные речи, копали под солидных людей. Вот и погорели за излишнюю инициативность и принципиальность.

Меня работа с людьми социально значимыми устраивает: чем выше объект летает, тем серьезнее сумма вознаграждения, когда я сбиваю его с небес и отправляю под землю.

У меня зазвонил телефон.

«Кто говорит? Слоны», – всплыло из памяти. Я к стихам равнодушен. Но пара стихотворений запомнилась с детства, и по сию пору строчки из них крутятся на языке: «Я рассердился, да как заору: Нет, это чужая квартира. – А где Мойдодыр? – Не могу вам сказать. Позвоните по номеру сто двадцать пять». Хорошие стихи. Смешные. Сейчас такие не пишут. Я, правда, детские стихи редко читаю.

Когда слышалось треньканье телефона, я по обыкновению слушал речи любимого телевизионного психолога и чистил винтовку. Настоящий профессионал оружие всегда держит в боевой готовности. Поэтому комплект для чистки винтовки у меня не застаивается. Ершики, удлинители шомпола, разнообразные западные и отечественные протирки приобретаю регулярно. Я нажал кнопку, поднес трубку к уху.

– Кто говорит?..

Оказалось, вовсе не слон. А человек весьма влиятельный и серьезный. Мне приходилось несколько раз вести с ним дела, и я доверял ему в плане чистоты интриги. Как впоследствии выяснилось, напрасно.

- Надо бы встретиться, – коверкая голос, прохрипел заказчик.
- За «Пушкинским», – сказал я, – в сквере, в десять вечера.
- Договорились. – Он отключился.

Если спокойствие напускное, тревожное настроение рано или поздно прорвется наружу, и тогда жди беды. Нервничать в моем деле нельзя. Настоящий профессионал никогда не теряет лица, сохраняя внутреннюю гармонию и внешний лоск.

Я мирно сидел на лавочке и ждал. Место за кинотеатром «Пушкинский» удивительно тихое для центра Москвы. Никаких тебе волнений по поводу милиции. Никакого беспокойства из-за граждан, способных помешать беседе двух серьезных людей.

В руках я держал газету, но текст не видел. Во мне царило безмолвие тишины. В голове плавно перетекали тягучие мысли. Я был незаметен даже самому себе, не то, что окружающим.

Я никогда не привлекал лишнего внимания. Внешность у меня самая что ни на есть неприметная. «Среднего роста. Плечистый и крепкий. Знак ГТО на груди у него. В кожаной куртке. И кожаной кепке. Больше не знаю о нем ничего». Это про меня написано. Второе стихотворение, которое вечно вертится на языке. Только кепку я не ношу. Слишком заметный аксессуар. Никаких головных уборов. Предпочитаю аккуратный полубокс. Да и вместо куртки на мне неприметный кожаный пиджак, больше подходящий для теплого августа.

Черная Волга, автомобиль чиновников, демонстрирующих, насколько они близки к народу, остановилась неподалеку. Заказчик выбрался из машины, склонился к водителю, дал указание ждать и вальяжной походкой уверенного в себе мужчины средних лет и далеко не среднего достатка направился через парк. Я давно заметил, у «хозяев жизни» походка похожая. Наверное, потому, что все они принадлежат к одной человеческой разновидности – шишка с ветки, некто сверху. Заказчик опустил министерский зад на скамейку. И начал без предисловий излагать «убийственные подробности».

Слив информацию, мой старый знакомец коротко на меня глянул. Я сидел, не оборачиваясь, будто все сказанное меня не касалось. Позу эту можно описать следующим образом – я отдыхаю после тяжелого рабочего дня, читаю газету, и мне невдомек, с чего это какой-то тип вздумал сам с собой поговорить.

- Справишься? – спросил он тихо.

Вопрос явно лишний. Я коротко кивнул. Принял из его рук плотный пакет с наличными, сунул в карман пиджака. Поднялся и быстрым шагом направился к выходу из сквера.

У выхода из сквера толпились *темные личности*. Такое у меня о них сложилось странное впечатление. Около десяти человек. Все в черном. Топчутся на одном месте, перешептываются тихо. Лиц не видно, словно специально прячут. Я проследовал мимо. На какой-то миг мне показалось, *темные личности* пристально смотрят в спину, замышляя что-то недоброе. Звериное чутье меня никогда не подводило. Я обернулся. Но, к своему удивлению, никого не увидел. Только освещенную фонарем с улицы дорожку и силуэт дворничкой будки в обрамлении низкого кустарника.

Незнакомцы исчезли в мгновение ока. Испарились подобно миражу. Я мог бы поклясться, что пару секунд назад наблюдал их сутулые спины и размытые в тусклом освещении лица. Не спрятались же они всем скопом за дворничкой будкой?!

Я поежился, возникло желание пойти проверить, не толпятся ли там действительно подозрительные шутники. Но заказчик продолжал сидеть на скамейке, мое поведение вызовет у него лишние вопросы, поэтому я поспешил убраться из чертового сквера.

Казалось бы, этому происшествию не стоило придавать лишнего значения. Мало ли подвыпивших студентов и любителей разыгршей бродит по московским улицам. Но меня вдруг охватило ощущение, что я ввязался в очень нехорошую историю... Смешно, если вдуматься. Вот уже несколько лет я только и делал, что ввязывался в нехорошие истории, но настоящую тревогу почувствовал впервые.

Гавриил Натанович Северцев, помощник депутата и учредитель нескольких серьезных фирм по продаже российского леса Китаю буравил спину наемника недовольным взглядом. Гавриилу Натановичу было не по себе. Когда в прошлый раз понадобилось убрать одного не в меру ретивого журналиста, он не испытывал и тени сомнений. Надо – значит надо. Журналиста накопил компромат, способный похоронить весь бизнес разом. Дело в том, что в фирме Гавриила Натановича имелось несколько специалистов узкого профиля – по поджогам. Согласно российскому законодательству, горелый лес подлежит вырубке. Китайцы скупали его с удовольствием, платили без запинки. Тогда все было просто. Теперь же бизнесмена посетило несколько иное чувство – что-то здесь не так. Он и сам не знал, с чего это вдруг испытал столь острое желание, во что бы то ни стало осуществить этот заказ. Ведь с потенциальной жертвой он даже не знаком.

– Гаврила?!

Гавриил Натанович вздрогнул всем телом, его напугал пронзительный и злой голос – такие модуляции, раз услышав, уже не забудешь. Помощник депутата перевел взгляд на темно-волосую красотку в черном кожаном плаще. Девушка появилась перед ним словно из ниоткуда. Бросался в глаза ослепительно яркий рот, обведенный красным, и не менее яркие ногти.

– Ты кто?.. – успел поинтересоваться Гавриил Натанович, когда эти самые ноготки вонзились ему под подбородок, оказавшись острее и тверже японских ножей для суши.

Мужчина задергался всем телом, захрипел придушенно. Боль была такой сильной, что если бы не железная хватка, он зашелся бы пронзительным криком. Но позвать на помощь и просто оповестить окрестности о своих невыносимых страданиях Северцеву не дали. Зрение заволкло черным, помощник депутата понял, что зрит изнанку собственного черепа. Но прежде чем его глаза закатились, он успел увидеть, как девушку обступают со всех сторон какие-то типы, одетые, как и она, во все черное. Мерзавцы глумливо скалились, демонстрируя голые гнилые зубы – не иначе, радовались происходящему в сквере смертоубийству. На бледных лицах синели пятна. А у одного, самого высокого, вместо правого глаза темнел провал. Эти нелепые рожи стали последним, что увидел умирающий Северцев.

Покидая привычную реальность, Гавриил Натанович отрывисто мыслил: «Боже, как глупо... И как невовремя». Карьерные дела в последнее время шли в гору. Молодая любовница разгоняла кровь по венам. И припрятанные до времени в дачном домике пачки евровалюты внушали самые радужные надежды на будущее. К тому же, маячила перспектива переезда в теплую богатую страну.

Мысли окончательно смешались, стали похожи на размазанный по плоскости фруктовый кисель, и помощник депутата умер окончательно...

Гадкие рожи тут же возникли снова. Правда, черные незнакомцы прибавили в размерах и отрасли кожистые крылья и клювы. А вот жестокая убийца с кровавым ртом таинственным образом растворилась.

Гавриил Натанович внезапно понял, что его сознание снова при нем. Он осознает себя личностью, мыслит, следовательно, существует. Конечно, с ним происходит необъяснимое. Но сойти с ума может каждый. Есть специальные врачи. Они приведут его в чувство.

– Пошли, – рыкнуло одно из страшилищ.

– Куда?! – голос Гавриила Натановича сорвался. Он тут же вспомнил, с ним только что сотворили чудовищное злодеяние, схватился за горло, но рана таинственным образом исчезла.

– На судилище!

– Шутите?! – с надеждой поинтересовался усопший. Но, глянув в ничего не выражающие лица, пустые глаза существ, понял, что шутки для него закончились, возможно, навсегда, и за все содеянное придется расплачиваться. Он кинулся в сторону, еще на что-то надеясь, но его тут же схватил за одежду десяток цепких рук... да и не рук вовсе – лапищ, на каждой по три пальца с закорючкой острых когтей. Грешника подбросили вверх, раскрутили, словно детскую игрушку – при этом Гавриил Натанович наконец-то зашёлся в истошном крике – и зашвырнули в обнаружившийся в земле разлом.

Следом за усопшим в недра скользнули двое: один – рогатый, покрытый клоками рыжей шерсти, другой – чистый лицом, в белоснежной хламиде, с сияющим нимбом над золотыми кудрями...

Главную ценность для любого профессионала представляют навыки и интеллект. И если первое можно наработать, то точность и логичность мышления – ценность врожденная, ее невозможно приобрести с опытом. Зато можно утратить. Конечно, хватает профессий, где для успешной деятельности важны одни только навыки. Но для убийцы-профессионала моего уровня ясность ума представляет главную ценность. Именно поэтому я не мог позволить себе многие простые удовольствия, доступные людям иного рода занятий. Под запретом был, к примеру, алкоголь. Я строго дозировал спиртное, осознавая, как важно быть постоянно в форме. Я не мог позволить себе утрату самоконтроля даже на краткое время. Поэтому я отлично запомнил этот страшный день. День, когда я сошел с ума.

Встреча с *темными личностями* сильно меня покорила. Прежде я не испытывал проблем с восприятием действительности. Обуреваемый мрачными предчувствиями, я внезапно заметил, что у стены лежит нечто притягательное – потерянная кем-то крохотная вещица, посверкивала, словно специально сигнализировала: «найди меня». Я поднял блестящий предмет. В ладони лежал золотой кулон в виде глаза с красным камнем зрачка. Украшение поражало изяществом исполнения, тонкие линии сочетались с приятной тяжестью золота. Я сунул находку в карман.

Впоследствии я неоднократно прокручивал в памяти этот момент и всякий раз убеждался, что именно тогда, с обретением золотого ока, я почувствовал, что с головой творится неладное.

Я начал видеть то, чего нет. Просто потому что этого не могло быть. Поначалу все было в порядке, я даже успокоился немного. Затем физиономии пассажиров со встречного эскалатора вдруг стали отливать мертвенной синевой. Они напоминали делегацию оживших трупов, чей конечной целью является кладбище, а пока они решили посетить центр города. Дежурная у эскалатора с лицом, будто вываренном в кипятке, – чудовищная старуха, – подмигнула, когда я встретился с ней взглядом, и облизала морщинистый рот. А затем мне навстречу вывалилась со станции Чеховская толпа очень странных граждан – карлики в широкополых шляпах, гиганты с руками ниже колен, гримасничающие клоуны со злыми лицами. И много-много хохочущих пожилых женщин. Они мельтешили вокруг меня, словно я стоял в центре гигантской карусели.

Вжав голову в плечи – мне казалось, все они смотрят на меня – я поспешно скрылся в одном из вагонов. В этот час в поезде было многолюдно. Почему-то всеобщее внимание привлекал именно я. Люди оборачивались, смотрели на меня с недоумением, открывали рты и молчали, будто хотели что-то поведать, но никак не могут вспомнить, что именно. Во взглядах

читался неподдельный интерес, словно все они ждали, когда я, наконец, перестану прятать лицо и достану из кармана белого кролика. Или начну распиливать женщину...

В темных стеклах вагона метро прыгало неясное отражение. Очертания моей фигуры время от времени исчезали, сменяясь парой едва различимых существ. Иногда мне казалось, они сцепились между собой в беззвучном поединке. А после очередного перегона существа начинали пританцовывать, строить рожицы. Затем я вдруг обнаруживал, что они исчезли, и стекло снова отражает мою перекошенную от страха физиономию.

Я выбежал на перрон, расталкивая людей, кинулся вниз по лестнице. Это он. Заказчик. Каким-то образом он отравил меня. Но как? Сверток с деньгами. Он передал его мне. Яд попал на кожу. А через кожу просочился в организм. Надо как-то избавиться от яда. Но где найти противоядие?

В переходе несколько музыкантов создавали чудовищную какофонию. Непомерно толстый тромбонист, раздувая щеки, терзал инструмент – извлекал из его медных недр отвратительные звуки. Флейта вгрызалась в слух пронзительным дискантом. Ее держал в руках тощий субъект в зеленом цилиндре, похожий на стручок фасоли. Секцию духовых дополняли два слепых гитариста. Оба с бельмами вместо глаз, рвали струны и ревели в иступлении парой белуг.

Самое странное, что никто из пассажиров метрополитена не обращал на чудовищный оркестр никакого внимания. Лишь один нетрезвый мужик попробовал отплясывать под лишённые гармонии звуки. Но потом упал и растекся радужной бензиновой лужей. Мне стало страшно, что со мной может произойти нечто подобное. Внезапно я понял, что уже довольно продолжительное время стою посреди перехода, пораженный удивительной картиной. Люди наткнулись на меня, но я их попросту не замечал.

Происходящее все больше напоминало сон. Или кошмарные видения торчка, наглотавшегося галлюциногенов.

Нет, заказчик не мог меня отравить. Он заинтересован в выполнении заказа. Или все же мог? А заказ был просто предложением. А если предположить, что это не он? Тогда кто? Кто мог желать... нет, не убить меня, а свести меня с ума? Да и какой в этом прок?

Я попробовал вспомнить, когда последний раз ел. Выходило, что с утра, дома. С тех пор я не принимал пищу. А может, наркотики ни при чем? Вдруг я просто устал, ведь, если вдуматься, то я постоянно испытываю стресс – вот организм и отозвался таким образом. Очень хотелось надеяться, что всему виной переутомление.

Я прислонился к стене, еще раз глянул на оркестр – и похолодел от ужаса. Диковинный квартет исчез, на его месте стоял тощий бородатый музыкант с гитарой и горланил: «На ковре из желтых листьев в платице простом...»

Галлюцинации наполнили мир новыми нереальными образами. Я больше не мог доверять органам чувств – они обманывают меня. Я понял, что начинаю утрачивать связь с реальностью. И если сейчас же что-нибудь не предприму, то окажусь в желтом доме. Это в лучшем случае. А в худшем, меня просто убьют. Мало ли у меня врагов, которые только и ждут, чтобы я утратил контроль и проявился. Только в Москве две группировки, приговорившие меня к смерти.

– Необходимо избавиться от этой заразы, – бормотал я под нос, направляясь к дому...

По дороге происходило много странного. Я постарался не обращать внимания на диковинные происшествия: летающие собаки с рогами, торчащая из канализационного люка голова в дамском чулке, гигантский пучеглазый таракан на кнопках лифта, марширующие в лифте новогодние елки, висящие по всей лестничной площадке портреты известных политических деятелей и отползающие от меня домашние тапочки... И это далеко не полный список того, с чем мне пришлось столкнуться.

Окончательно я утвердился в мысли, что я схожу с ума, когда в комнату через форточку, прорвав капроновую сетку, с громким жужжанием ворвалась стая комаров и расположилась на потолке причудливым узором, напоминающим неровную пятиконечную звезду. Я решил,

что насекомые за мной наблюдают, и стал лупить их свернутой в трубу газетой, издавая нечленораздельные крики. Совсем обезумел от увиденного. Успокоился я только тогда, когда на потолке от их сплюснутых крупных тел осталась уже совершенно отчетливая пятиконечная звезда. Зато теперь я был уверен, что ночью эти твари не нападут на меня и не загрызут до смерти.

Я схватил трубку, набрал номер своего помощника и заорал:

– Владик, найди мне врача, срочно!

– Пулевое? – откликнулся деловитый голос. – Куда?

– В голову. Не пулевое. – Я вскрикнул от ужаса, потому что из зеркала шагнула темная фигура и, упав на пол, принялась перекатываться волнами по ковру. – Похоже, меня чем-то накачали. Пусть врач возьмет все что нужно, чтобы очистить кровь. В общем, сделайте все, что надо, чтобы я быстро оклемался. Сам знаешь, чем это грозит.

– Будет сделано! – сказал Владик. За что я его ценил, так это за понятливость.

С расторопностью дела обстояли хуже. «Скорая» помощь прибыла только через час. К этому моменту я из цельной личности, морально устойчивой и нордически характерной, превратился во взлохмаченного субъекта, старающегося параноидальным синдромом. Я держал дверь на цепочке и долго допрашивал Владика, дабы удостовериться, что он – это он.

Когда мой помощник, наконец, попал в квартиру, вид у него был действительно обеспокоенный.

– Что, действительно в голову ранили? – выпалил он.

Доктор сделал все, что мог – поставил капельницу, посоветовал больше отдыхать и отбыл. Владик внял моей настойчивой просьбе остаться на некоторое время.

– Но только на час, – сказал он. – У меня потом свидание, с девушкой.

– Имей совесть, – возмутился я. – За что я тебе деньги плачу? Насчет девушки мог бы и не уточнять. Я в курсе, что ты не из этих...

– Деньги ни при чем, останусь из дружеских побуждений. Но ненадолго.

Владик присел на стул, глядя на меня с сочувствием. И тут же вскочил, переполошившись, когда я заорал во все горло:

– Ты это видишь?!

На дверце шкафа проступали явственные очертания лица. Размером оно было метр на метр. На месте рта и глаз чернели темные провалы.

Владик, пребывая в недоумении, осмотрел шкаф, но не нашел в нем ничего необычного. Я понял, что медикаментозное лечение не помогло – видения не желали покидать мой отягощенный нервной работой разум.

Вскоре мой помощник ушел, нервно посмеиваясь, а я остался один на один со своей паранойей. Разумеется, я мог бы задержать Владика, но мне хотелось разобраться в себе. Если в моем нынешнем состоянии виноват не наркотик, и я действительно свихнулся, надо понять, как дальше жить с мозгами набекрень.

«Некоторые живут, и ничего, – размышлял я, – взять хотя бы большинство художников и писателей. Особенно – фантастов. Среди них процент сумасшедших очень велик. И ничего, малюют что-то, пишут всякую ерунду».

– Черт бы вас побрал! – заорал я, глядя, как по потолку стелятся клубы воображаемого дыма, а занавеска сама собой заворачивается, обрисовывая четкие очертания женской фигуры.

Тут я сел на кровати, взял себя за нижнюю челюсть, зафиксировал – она тряслась так, что стучали зубы, и сказал себе: «Сей же час ты возьмешься за это дело. А что касается галлюцинаций, придется с ними свыкнуться. Помнишь, Вася Кулаков, как выглядела реальность раньше? Вот так и будем ее воспринимать. А весь этот бред пусть себе существует вокруг. Лечение бреда займемся позже. Когда дело будет сделано, и объект упокоен».

Я включил телевизор и под бормотания телевизионного психолога через некоторое время заснул. Что и говорить, даже в самых необычных обстоятельствах я умел проявить характер.

Чистилище

7519 год от Сотворения Мира

– По вопросу пари... Остался год, – архангел Михаил поправил нимб, так и норвящий съехать на левое ухо.

Люцифуг Рокофал скривился. Разговор доставлял ему почти физические страдания. Вот уже несколько веков он ведет переговоры со святыми в Чистилище, но хотя бы смягчить условия пари так и не удалось. А ведь он еще в самом начале знал, что спор, затеянный семьсот семьдесят шесть лет назад Люцифером и богом, ничем хорошим для падших не закончится. Но увещевать Князя тьмы не совершать стратегическую ошибку, занятие неблагоприятное. Не дай вершитель, Его темнейшество разгневется и низвергнет на один из кругов. Страшное дело! И как он с таким вспльчивым характером умудрился на протяжении стольких веков управлять Адскими пределами?!

Однажды Люцифугу Рокофалу, премьер-министру ада, заведующему переговорами с ангелами и богом, уже довелось испытать на себе сатанинский гнев. До низвержения, да восславится Тьма, не дошло, но теперь он был вынужден пребывать в жалком облике горбуна с квадратной головой, без возможности сменить личину. Святые порядком потешались поначалу над кубической формой демонического черепа, то и дело норвили поставить сверху кружку с амброзией и портвейном «777», но потом попривыкли. Люцифуг сносил насмешки стойко, знал, что когда-нибудь заслужит прощение, и Люцифер вернет ему способность перекидываться. В лучшие времена Рокофал предпочитал облик пятиметрового уroda, с толстыми лапищами и широкой пастью, наполненной тонкими, острыми, как иглы, зубами. В этом образе он внушал ужас и содрогание всякому, кто его видел. А бесовки и дьяволицы из Предела похоти сотнями падали перед его совершенной демонической красотой и поспешно раздвигали колени. Было у премьер-министра до опалы и еще несколько излюбленных личин. Одна страшнее другой.

Хотя с Люцифером ему, конечно, было не тягаться. Владыка ада мог принимать тысячи образов. Кроме того, он слышал и видел все, что происходит в Царстве зла. От его темной воли можно было укрыться разве что в раю или в созданном богом мире, привычно называемом в аду онтологической иллюзией. Да и то далеко не везде. Были такие места, где власть Люцифера становилась безграничной...

– Что вам даст обычная справедливость? – проговорил премьер-министр ада вкрадчиво. – Может, все же, пересмотрим условия договора?! Ведь это же сущий грабеж, если подумать. А я бы тебе такую бесовочку подогнал, Михаил... Буфера – во, – Рокофал вытянул руки и продемонстрировал размеры. – Бедра вот такие... вот такие вот. Сама стройненькая, гладенькая, любо-дорого поглядеть. Ну, чистый ангелочек. Если пожелаешь, можно ее и в блондиночку перекрасить. И в рыжий цвет. Или предпочитаешь брюнеток?

– Похоть – грех! – ответил Михаил. Он давно привык к тому, что адский премьер-министр пытается его искушать. Это качество было частью демонической природы, и Люцифуг Рокофал попросту не мог с собой ничего поделывать.

– Золото? – одними губами шепнул он.

– Еще одна попытка подкупа?! – архангелу, наконец, надоел этот балаган, и он свел брови над переносицей, от чего его лик сделался грозен.

– Да ты что?! – Рокофал всплеснул руками. – Я ж так, просто из врожденной щедрости. Ну и чтобы переговорный процесс разнообразить. Ну, скажи на милость, на кой ляд вам

справедливость в мире? Неужели не понятно, что справедливость – понятие абстрактное? Argumentari ⁷?

Речь адского премьер-министра отличалась изрядным разнообразием. Высокопарные фразы сменялись нецензурной бранью. А благородная латынь, появляясь в том или ином обороте, вдруг в следующее мгновение обращалась языком уголовной среды. Так изъяснялись почти все падшие создания, обнаруживая даже в речи лукавство и лживость натуры. Разумеется, только те из них, кто умел говорить. Ведь некоторые даже языка не имели. Их примитивный речевой аппарат состоял из одной утыканной иглами гортани, способной, правда, извергать пламя.

– Сократ сказал: справедливый человек счастлив.

– Вы верите этому безумцу? Я понятия не имею, как он оказался в раю. За ним числится множество прегрешений. Он – настоящий сумасшедший. И сексуальный извращенец, к тому же.

– Мы верим не безумцу. Мы и сами полагаем, воцарение справедливости даст людям укрепление веры в бога, позволит очиститься, – голос Михаила звучал торжественно, святые питали склонность к вычурной патетике. – Ведь если каждому воздастся по делам его еще при жизни, человек станет верить, что бог есть.

– И перестанет верить в существование загробного мира.

– Это обстоятельство абсолютно не важно. Ведь после смерти все невинные души окажутся в раю. Там они прозреют. Поймут, что бог есмь, и загробный мир тоже есмь. И тогда наступит царство добра и всеобщей благодати во веки веков, аминь.

– Да это же просто блядословие какое-то! – вскричал выведенный из себя Люцифуг Рокофал.

– Не смей сквернословить в моем присутствии! – возмутился Михаил.

– Между прочим, «блядословие» – слово церковное, на языке богословов означает пустую, праздную болтовню. Упоминается в литературных источниках неоднократно, в частности в «Славянском именованном» протоиерея Михаила Морошкина, изданного в Санкт-Петербурге в одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году. Ну, это так, научная справка для непросвещенного ума.

– И протоиерей, может, порой ошибаться при жизни, ибо грешен человек. Похвально то, что он стремится к божественному совершенству.

– Раз для вас все так кондово складывается, уважаемый Миха, сними хотя бы контрибуцию очищения с тех, кто уже томится в аду.

– Ни в коем случае, – возразил архангел, брезгливо морщась на фамильярное «Миха», – мы спасем миллионы душ. Теперь с этим ничего не поделаешь. – Он выставил перед длинным носом премьер-министра указательный палец и проговорил: – Год. Один год.

В ответ Люцифуг Рокофал показал средний палец и пропел тенорком:

– Фак. Один фак.

Архангел Михаил схватился за рукоять сияющего меча. Премьер-министр кинулся за трезубцем. Оба одновременно отдернули руки от оружия, спохватились. И над Михаилом, и над Рокофалом довлела сила владык вселенной. Перейти границу в мирном переговорном процессе значило вызвать их гнев и впасть в немилость. В прошлый раз Рокофал лишился всех личин, кроме человеческой, став квадратноголовым карликом, в этот раз вполне мог лишиться ответственной должности и бегать в течение пары веков на побегушках у какого-нибудь Адра-мелеха, чистить его павлиний хвост и драить шкуру на потном лошадином крупе. Обычным обликом герцога была нижняя часть тела мула, а на ней – человеческий торс с песьей головой.

⁷ Доказать? (лат.)

Из лошадиного крупа торчал павлиний хвост. Выглядел Адремелех, надо отдать ему должное, жутковато. Было у него и несколько иных личин. Не менее чудовищных.

– Продолжим? – поинтересовался Михаил. Как и все святые, он быстро забывал обиды.

– Валяй! – согласился Рокофал.

– Значит так, – Михаил извлек из воздуха скрученный в трубочку список, развернул его и прочитал: – Двадцатое дело на сегодня. Обольщение почтенного Василия Скифийского бесовкой Армалой. Скифийский покаялся. Но это не в первый раз. Отец думает, прощать его или нет.

– Absque omni exceptione, immo ⁸! – жарко выдохнул Рокофал. К этому делу он хорошо подготовился: – Распутник совершил грех прелюбодеяния в двадцать шестой раз. Нет ему прощения!

– Отец склоняется к тому же мнению, – грустно заметил Михаил, – но хочет быть уверен, что в аду Василий Скифийский не будет сильно мучиться.

– Конечно, не будет, – заверил архангела Рокофал. – Мы его пристроим зрителем в борделе. Там ему самое место. Будет заниматься любимым грехом с утра до вечера. Ну, как? Низвергаем?

– А наказание?

– А наказание определим самое легкое. Скажем, по четвергам парочка моих бесовок может прищемить ему детородный орган дверью.

– Но функциональность органа сохранится? – уточнил Михаил.

– Безусловно, – ответил Люцифуг, – ты же знаешь, все, что у нас происходит, это всего лишь иллюзия. Мы их жарим, а на телах потом ни единого ожога. Варим в крутом кипятке, а они, как новенькие. Единственное, для полноты ощущений мне придется время от времени менять пытку. Ко всему привыкаешь, знаешь ли, – и к хорошему, и к плохому. Но ты не волнуйся. Сильно мучиться он не будет. Придумаем что-нибудь настолько же безобидное.

– Скажи, пожалуйста, – Михаил нахмурился, – тебе когда-нибудь зажимали дверью детородный орган?

– Это еще зачем? – насторожился Рокофал.

– Просто мне кажется, если кому-то зажимали дверью детородный орган, он никогда не будет называть эту процедуру безобидной.

– Ах, вот ты как повернул, – обиделся премьер-министр. – Для вас, между прочим, стараюсь. Хочу наказание смягчить. А ты меня зажиманием органа пугаешь.

– Хорошо, – пошел на попятный Михаил, – Василия Скифийского низвергаем в пучину огненную. Но помягче с ним, пожалуйста. За него сам бог просил.

– Жалеет, значит, – Рокофал подмигнул, – может, потому, что и сам плотских грехов не чурается?

Архангел отшатнулся:

– Не смей кощунствовать, о боге говоришь, нечисть!

– Ишь ты, как нашего владыку нечистым звать, это у них запросто, а как вашего по маме приложить или о мелких шалостях упомянуть, сразу кипешитесь, плесень белая!

– Ну, все! – Михаил легким движением выхватил сияющий меч. – Терпение мое не безгранично.

– Ой, мама, убивают! – закричал Рокофал, падая на колени. – Давай, руби, злодей, безоружного. И пусть потом тебе будет стыдно. Будешь меня вспоминать. И замучат тебя муки совести от того, что прикончил, меня бедолажку.

– Тьфу ты, нечисть, – сплюнул архангел в сердцах и вложил меч обратно в ножны.

Люцифуг Рокофал громко хохотал, катаясь по полу.

⁸ Вне всяких сомнений, нет (лат.)

– Ой, мама, ой, не могу, ну, придурки... Пожалел меня. Ну, спасибо. Спасибо. Ха-ха-ха.

Михаил смотрел на адского премьер-министра с презрением.

– Может, вернемся к делам?!

– Давай, – Рокофал резко прервал веселье, вскочил на ноги и бухнулся в кресло. – Что там у тебя следующим по списку?..

Переговоры продолжались без малого восемь земных суток, а когда, наконец, завершились, премьер-министр ада чувствовал себя вконец разбитым.

Как он не увещевал Михаила, тот был непреклонен – пари необходимо довести до конца. Ни один аргумент не возымел действия. Хотя Люцифуг Рокофал шел на самые виртуозные ухищрения, лишь бы изменить условия давнего соглашения между Лучезарным и Пресветлым богом. Припомнил даже давнюю некрасивую историю, когда одного праведника после смерти отправили напрямик в ад. А когда он полюбопытствовал, за что же, собственно, с ним такое приключилось, черти в Пределе Гордыни доходчиво объяснили. Оказывается, бог решил обменять бедолагу на Вагнера. Дескать, увертюра «Фауст» зацепила. Создатель этой увертюры, разумеется, в раю по справедливости никак не мог оказаться. Он и чаять не мог, что протекция самого бога поможет. Больше подобных случаев не было, но и этот один, позволил в свое время премьер-министру ада добиться многих важных уступок во внешней политике.

«Люстрации, что ли, провести, дабы думалось хорошо, – размышлял Люцифуг Рокофал через двенадцать часов, перенесясь наконец в родные адские пределы, – рассечь десяток неживых грешников прямо по сагиттальной плоскости, и покамест они истекают черной кровью, кружиться в па-де-де с бесовкой Исиолой... Пора-пора уже немного отдохнуть. А то от всех этих хаджей к святым вратам и переговоров с архангелами у меня скоро начнется тремор рук, ног и половых органов»...

И все же, в целом результатами переговоров премьер-министр был доволен. Наконец удалось исключить целый замок, набитый умершими младенцами, из адского Лимба, обширной области, расположенной на самой границе первого круга. Сатану эта крепость невинности раздражала невероятно. Еще бы, что делать младенцам в аду?! Не пытаться же их, в самом деле? По указанию святых, сам папа Римский выступил со специальным указом – отныне Лимб считать частью рая. Так что замок перешел под юрисдикцию божественных сил.

«Может, даже перепадет какая-нибудь награда, – подумал Люцифуг Рокофал, – я ее заслужил... Вот только проклятое пари».

Онтологическая иллюзия *2010 год от Рождества Христова*

Для меня чрезвычайно важен четкий план действий. Не то, чтобы я излишне педантичен, просто не люблю совершать ошибок. В моей профессии они чреватые самыми плачевными последствиями. Поэтому прежде чем взяться за ствол, я собираю подробные сведения об объекте. Детальные досье не только способствуют успешности выполнения заказа. Есть и другая, моральная, причина столь скрупулезного подхода. Я пытаюсь разобраться, в чем клиент провинился перед людьми. И почему заслуживает смерти. И всегда нахожу ответ на этот вопрос. Совсем невинных людей не бывает. Об этом феномене человеческой природы хорошо известно следователям прокуратуры и сотрудникам налоговой полиции. А если кто-то считает себя невинной овечкой, пусть бросит в меня камень. Только за последствия я не ручаюсь...

Я бы назвал такой подход нетипичным. Обыкновенные рядовые киллеры предпочитают об объекте ничего не знать. Так проще жать на курок, а то окажется у человечка семеро детей, и дрогнет в ненужный момент рука. Но я – совсем другое дело, я – человек несентиментальный. Мне что семеро детей, что козлят, что старуха-мать на полном пансионе, жена-стерва – все равно. Семейные ценности меня не трогают. Душа очерствела. А когда – я и не заметил. Может, когда был на войне. А может, еще раньше.

Вообще, я с детства лишен некоторых ненужных чувств. Жалость, сострадание – это все для слабых духом. Меня питает здоровая злость. Ведет по жизни. Я очень остро чувствую несправедливость... проявленную ко мне. И всегда на нее реагирую.

Вот, к примеру, пока я на войне был, жена ушла к другому. Они, правда, и не пожили совсем – скоропостижно скончались, как только я вернулся. Но травма душевная осталась... А впрочем, зла я не помню. Особенно от покойников.

Да и не кажутся мне людьми те, кто в перекрестье прицела – так, зверьки, слабые и беспомощные, ручками-ножками шевелят, суется по жизни, не понимая, что все подчиняется одному небесному закону, а по этому закону – либо ты зверек, либо – хищник. И если ты сейчас у меня на прицеле, значит – так предрешиено судьбой, и должен я тебя пожрать. Я по жизни хищник, и зверьком никогда не буду...

Если все тебя считают параноиком, это еще не значит, что ты им являешься. Возможно, все они сговорились. В августе две тысячи десятого года от Рождества Христова параноией взялась за меня всерьез. Нет, я и раньше испытывал проблемы со сном. Мне казалось, что с каждым новым убийством у меня все больше понижался порог чувствительности. Интересно, у всех убийц так, или это только у меня амплитудные отклонения в психике? Я даже фильмы ужасов не смотрел по вечерам – жуть пробирала, так что страшно было перемещаться по квартире. Но по ночам я видел такие кошмары, которые не снились ни одному режиссеру страшных сказочек. Просыпаясь, я испытывал страх, мне казалось, меня преследуют. Так продолжалось уже года два.

Обшарпанные кирпичные лабиринты, кто-то идет по моим следам – шаг в шаг, наступая со скрипом тяжелой обуви точно на те места, где я только что прошел, вот-вот он меня настигнет. Во сне я балансирую над пропастью и обязательно срываюсь вниз... Но самое неприятное – разнообразные монстры. Среди них хуже всего те, что обладают человеческой фигурой, хотя могут быть самого разного роста и телосложения – от злобных горбатых карликов до трехметровых гигантов. У них пластилиновые, отекающие цветным воском лица, меняющиеся черты со скорострельностью – сто кадров в секунду. Они всегда наблюдают за мной, стоят неподалеку – они никуда не спешат. Мне от них не уйти.

Но тогда, просыпаясь в горячем поту, я понимал, что очередной кошмар миновал. Хотя следующей ночью все повторялось вновь. Уже очень давно я хотел не видеть снов. Совсем.

Теперь же чудовища были реальны. И страх мой тоже реален.

Полночи я трясся от ужаса. Фантомы, порожденные моим свихнувшимся сознанием, возникали вновь и вновь. Мне удавалось забыться тревожным сном лишь на краткие мгновения. Но затем я вновь просыпался от бесконечных шорохов, стуков и бормотания. Ключковатые тени то и дело проплывали над постелью и превращались в страшные зубастые морды. Монструозные физиономии зависали надо мной теперь уже реальным ночным кошмаром, беззвучно разевали рты, а затем медленно расползались по комнате, теряя контуры...

Утром я встал с постели совершенно разбитый, сварил кофе и выпил залпом. По квартире продолжали шастать смутные призраки, в ванной завывали и заходились хохотом, унитаз спускал воду, шкафы вздрагивали, хлопали дверцами. Холодильник открывался сам собой, то и дело включал и гасил свет, словно в нем поселились невидимые жильцы.

Я твердо решил, не обращать на мистику внимания, – все кошмары, понятное дело, происходят только у меня в голове, – а значит, надо собраться и делать дело. Если у меня хватает выдержки убивать таких «мастодонтов», за каких не взялся бы ни один киллер, то справиться с безумием я тоже смогу. Силы воли хватит.

И я действительно, сжав волю в кулак, сумел на некоторое время привести мысли в порядок. Даже галлюцинации, уловив мою решительность, стали появляться намного реже. Избавиться от них полностью мне так и не удалось. Но, по крайней мере, я уже не вздрагивал от каждого звука и явления.

Я позвонил Владуку.

– Рад, что ты в порядке, – сказал он. А в голосе звучит неподдельная радость. Должно быть, я его сильно перепугал накануне.

– Ну, тебя вчера и колбасило, мне аж жутко стало, – подтвердил мои умозаключения Владик. – Никогда не видел тебя в таком состоянии. Вел себя, как готовый пациент психушки. То есть, – поправился он, сообразив, что перегнул палку, – я имею в виду, ты всегда так хорошо соображаешь, Вась...

– Спасибо за комплимент, – перебил я. – Приезжай. Дело есть.

– А вчера чего не посвятил в подробности?..

– Вчера было не до того. Ты же сам все видел.

– Ага. Ну, да. Конечно, – ответил Владик, – скоро буду. – И повторил: – Рад, что ты в порядке.

– Да-да, я тоже рад, – отмахнулся. Со стороны окна к моему лицу тянулись полупрозрачные щупальца. По стене растекались фиолетовые узоры – словно некто невидимый производил искусный татуаж. А у самого потолка шарил рука, отделенная от тела, с хрустом скребла серыми когтями по побелке.

Я положил трубку, сел к компьютеру. Плевать на призраков. У меня есть заказ.

Киллер, не использующий современные технологии, бесконечно отстал от жизни. Я бы не дал за его жизнь и ломаного гроша. Такие продвинутые конкуренты, как я, очень скоро убьют отсталого убийцу по просьбе очередного толстосума, заинтересованного в неразглашении «убийственных подробностей» прошлых лет.

Первым делом я лезу в Интернет. Порой достаточно задать имя в строке поиска, и получишь множество полезных сведений об объекте. Ведь работаю я по тем, кто сидит на самом верху. Такие люди обычно на виду, как бы не пытались скрыть свою личную жизнь от общественности. Общественность ведь интересуется не только их общественной жизнью. Такая вот социальная тафтология.

Я достал из конверта фотографию. Объекту было не больше двадцати пяти. Русоволосый. Тонкие черты лица. Внешность, пожалуй, слишком интеллигентная для сотрудника органов. Усики, бородка. Глаза пустоватые, что существенно упрощает внешность. Бывают лица грубые, словно вылепленные из глины, а в глазах – столько ума и жизненных страстей, что сразу понимаешь – перед тобой личность. А бывают подлинные красавцы, с такими лицами только в любовных сериалах играть – а глаза пустые. Вот и капитан милиции Андрей Счастливец лицом обладал чистым и приятным, но выражение глаз его заметно портило. Такие глаза бывают у тех, кто разочаровался в жизни. Как говаривал телевизионный психолог: «эмоционально выгорел». Впрочем, надо будет посмотреть на объект поближе. Возможно, просто фотография неудачная. Меня, к примеру, однажды так обезобразили на армейском снимке, что я всерьез подумывал о том, чтобы выбить корреспонденту местной газетенки зубы.

Я поставил фото рядом с компьютером, облокотил на кружку с чаем. Во время первоначального этапа работы – когда я собираю камни, и пока не начал их кидать – я люблю пить зеленый чай. Говорят, его пили еще китайцы пять тысяч лет назад. Древние китайцы знали, чем взбодрить свой узкоглазый организм. Меня зеленый чай всегда тонизирует, приводит мысли в порядок...

Над поисковой строкой маячил баннер агентства по трудоустройству. Придуманый некой креативной головой слоган гласил: «Хорошая работа для хороших людей». Далее следовал список вакансий: системный администратор, менеджер по продажам, офис-референт... Моя причудливая фантазия тут же дорисовала полярную картинку. «Плохая работа для настоящих подонков: забойщик скота, санитар морга, надзиратель в колонии, ассенизатор». Да мало ли работы для тех, кто плохо уживается с обществом и с самим собой?..

Взять, к примеру, Владика... Почему он работает на меня, хотя мог бы найти себе приличную, и главное, вполне законную, а значит – безопасную – работу? Но нет, Владика нравился именно так зарабатывать себе на хлеб. Добывая сведения о будущих мертвецах. Жалости к объектам отстрела мой помощник не испытывает. Есть в нем определенная жестокость и бездушность. Хотя внешне – обыкновенный очкарик-студиоз. Улыбчивый, если понадобится – даже робкий. Я подобрал паренька практически на улице и пристроил к делу. Бывший студент Суриковского училища, начинающий художник. Влез в нехорошую историю с наркотиками, едва не угодил на нары. Отмазал парня по своим каналам. Не за здорово живешь, разумеется. За это он мне слил кое-какую информацию о друзьях своего папаши-банкира. Я ему подкинул пару сотен баксов от щедрот, думал – все, на этом наша совместная деятельность закончена. А он вдруг вышел на меня через тот же канал связи – написал письмо по электронной почте. Так, мол, и так, увлекла меня эта работа, нельзя ли еще что-нибудь такое сделать – может сведения какие-нибудь раздобыть, или еще что-нибудь? В общем, захотелось пареньку поиграть в криминальные игры. Я поначалу очень сомневался насчет его кандидатуры. Проверил, не пытаются ли мне его подсунуть менты или конкуренты. Убедился, все чисто. Парень действовал по собственной инициативе. Дал ему первое задание – нарыть сведений о некоем юном депутате от ямало-ненецкого округа. А Владик так расстарался, что с этим депутатом едва ли не лучшими друзьями заделался, вместе водку глушили и ездили по клубам баб кадрить на депутатском Мерседесе. Когда я депутата завалил, он порядком струхнул. Я же ему до этого не говорил, кто я такой. А тут выложил все, как есть. Поведал, что убираю людей за деньги.

– Ну, что? – спрашиваю. – Будем работать дальше? Или слил?

– Да, ладно, – махнул рукой Владик, – если честно, он мне даже не нравился.

Серьезных душевных привязанностей мой помощник не признавал, считал их пережитком романтической эпохи. Хотя мне частенько говорил о дружеском расположении, но я не очень-то обольщался на этот счет, успев хорошо изучить сложный внутренний мир бывшего студента худграфа. Станным он был человеком. Впрочем, у всех хватает тараканов.

Само собой, одним Владиком круг тех, кто поставлял сведения, не ограничивался. Информаторы у меня имелись в самых разных ведомствах. В том числе, и в органах внутренних дел. Милиционеры, как известно, деньги любят не меньше, чем прочие граждане. Так что несколько сотрудников правоохранительных органов давно и прочно сидели у меня на крючке. Спрыгнуть с острой рыболовной снасти не так-то просто, грехи не пускают. Данные об объектах от них поступали регулярно. Я даже наружное наблюдение мог заказать при желании. Хотя пользовался этой услугой нечасто.

Еще оборотни в погонах работали «синоптиками». Как только тучи сгустились над моей головой, я получал сообщение на мобильный телефон. И всегда очень вовремя переезжал с квартиры на квартиру, став за долгие годы городским кочевником. Согласен, такая жизнь утомляет. Но я рассчитывал в обозримом будущем сделаться богатым домовладельцем в стране с мягким и благотворным климатом. Как только на счету в швейцарском банке будет лежать определенная сумма. Мне оставалось накопить совсем немного, когда я получил прокля тый заказ...

В этот раз через поисковики удалось найти всего два упоминания новой цели – обе о награждениях по службе. Неудивительно, что ссылок так мало. Ведь мне заказали завалить не генерала или правительственного чиновника, а простого опера – рядового сыскаря в чине капитана. Я сразу подумал: не все ладно в Рассейском государстве, если меня, профи со стойкой репутацией тяжеловеса, – а я сбиваю шишки, которые растут на самом верху, – запрягают прихлопнуть обычного мусора. Мне-то что, я, конечно, кончу служивого, мое дело крайнее – заказ есть, значит надо его исполнять. Но поскольку мент – не министр органов внутренних дел, и за него много не дадут, я первым делом полез в конверт – чтобы поинтересоваться ценой головы, а то стану я из-за всякой мелочи мараться. Да и репутацию мне убийство простого мента, ясное дело, не улучшит. Сумма оказалась конкретная. Нехилый гонорар, прямо скажем. Одного аванса – пятнадцать тысяч евро.

Я предпочитаю авансовую систему оплаты. Пятьдесят процентов сразу – остальное по факту смерти объекта. Конечно, у меня, как у всякого профессионала, имеется твердая такса. Ниже определенной суммы я не опускаюсь, и если накинута сверху, никогда не отказываюсь. Объекты бывают очень неудобные. За некоторых не грех и доплатить. Кое-кто из заказчиков, помнится, упрекал меня в излишней алчности. Что ж, деньги я люблю, и давно этого не стесняюсь. Могу позволить себе этот маленький грешок. Как и прочие незначительные грехи, которые за мной водятся. По совету одного телевизионного психолога, принимаю себя таким, какой есть. У психолога вид ненормального и голова лысая, но советы мозгоправ дает дельные. Мне нравятся. Я его даже на двд-рекордер пишу. И прокручиваю время от времени для успокоения мятущейся души.

«Все наши недостатки, – он говорит, – надо ощущать достоинствами. Гордыня, алчность, похоть, гнев, чревоугодие, зависть и лень – что может быть прекраснее для человека высокой душевной организации. Когда вы научитесь обращать ваши недостатки в достоинства, только тогда вы сможете ощутить, что есть истинное счастье»...

Самым тщательным образом пересчитав купюры, я задумался. Кому же, размышляя я, мог так насолить простой мусор, раз за его убийство отвалили столько бабок. Не иначе, он какого-нибудь авторитета за решетку отправил. Что в наше время дело далекое от реальности – по тюрьмам все больше вошь подзаборная, да шелупонь беспредельная обретается, а реальные криминальные авторитеты на дачках из красного кирпича потягивают коньячок, да в высоких кабинетах заседают. Как говорится, редкий авторитетный человек не хочет стать уважаемым. Отдельные случаи с дележами власти в расчет не берем. Накат на первых лиц государства сладкой клюквой не может кончиться по определению...

В конверте имелось небольшое досье на Андрея Счастливецова. Сведения в нем содержались самые скудные. Отсутствовала даже дата рождения. Этот факт меня удивил, обычно

возраст сообщают в первую очередь. Как и имена ближайших родственников и друзей. Судя по этой бумажке, мент был круглым сиротой. Родился неизвестно когда, неизвестно где. И в друзьях никого не числил. Зато здесь имелся домашний и служебный адреса и какая-то невразумительная перепечатка анкетных данных из милицейских архивов, где черным по белому было записано, что Андрей Счастливец обладает некоторыми недугами, связанными с психиатрией, но, учитывая служебное рвение и боевые заслуги, будет продолжать службу. Подпись: полковник Воронин. Я понял, что у моего капитана имеется солидный покровитель.

Нет, я все понимаю. Можно обойти медкомиссию при приеме на работу, дать взятку, скрыть факт наличия психушки в личной биографии, но чтобы в личном деле содержались подобные сведения, и человек продолжал посещать службу – странная история.

Владик получил задание – узнать об объекте все, что только можно. В том числе и ту сугубо личную информацию, которая никогда не интересует среднестатистических киллеров. Но для меня является наиболее ценной...

– Слушай, Владик, а кто такой этот полковник Воронин? – спросил я через неделю, когда досье пополнилось многими ценными сведениями, и у меня все больше стало коротить мозг – я так и не смог понять, что за человек этот капитан Счастливец, и почему его биография выглядит настолько странно.

К тому же меня продолжали преследовать призраки. Приходилось постоянно отделять реальное от воображаемого. А это, знаете ли, порядком утомляет.

– Воронин – это начальник его, – ответил с готовностью Владик, – ценит его очень. Объект ему однажды жизнь спас. В отделение ворвались двое с пистолетами. А Счастливец их обоих застрелил.

– Прямо в отделение ворвались?

– Ну, да. Я тоже удивился. Это надо совсем с головой не дружить, чтобы налет на отделение милиции совершить. Наверное, наркоманы какие-нибудь. Братья Бербоевы. Выходцы с Кавказа.

– А-а. Эти могут... – пробормотал я. – Ты давай-ка, копай активнее. Отрабатывай гонорар. – Напутствовал я Владика.

– Я и так копаю, как трактор, – обиделся Владик. – Завтра в четыре с его коллегой в бильярдную идем. У нас общие знакомые оказались.

– Молодец, – одобрил я. – Ты запомни на всякий случай. Тракторы не копают. Копают экскаваторы. Так что ты лучше копай, как экскаватор.

– А ты отстегивай, как Центробанк, – парировал мой помощник. Чувство юмора ему порой изменяло. Но, учитывая его личностный склад, хорошо, что оно вообще у него присутствовало...

По мере поступления информации, я все больше приходил к выводу, что меня дурачат. Хотя поначалу противоречивые данные, – они противоречили даже здравому смыслу, – меня вовсе не насторожили, а только вызвали бо льший интерес.

Возможно, если бы я тогда проявил прозорливость и попытался избавиться от этого «дохлого» дела, моя судьба сложилась иначе, и мой жизненный путь не сделался столь извилист.

Но меня, к несчастью, захватил пытливый интерес, азарт естествоиспытателя. Я вцепился в досье Счастливецова, как запойный пьяница в единственную бутылку. Я размышлял о странном капитане днем и ночью, настолько меня захватило это дело. Совсем не мог уснуть. Мешали ночные визитеры.

Порой возникали самые неожиданные галлюцинации. Лысый психолог однажды ночью выглянул из телевизора, включил звук на полную и принялся вещать. Хорошо, что накануне

я приобрел беруши и очки из темной ткани для авиапассажиров. Нематериальным существам сложно запугать человека, который ничего не видит и не слышит.

Но сон все равно бежал меня. Спать не давали мысли об объекте. Прежде подобной одержимости я за собой не замечал. Но вновь не проявил прозорливости, не придав значения патологическому стремлению, во что бы то ни стало разузнать все о Счастливице.

Когда раньше я изучал депутатов и директоров крупных предприятий перед тем, как их завалить, то и представить не мог, до чего же все они скучные и серые людишки, как ущербна их маленькая свинская жизнь. Какие только факты мои дознаватели не приносили – и в бане они с проститутками парились, и в казино просаживали огромные деньжищи, и с юными содержанками отдыхали на экзотических островах, забыв о жене и детях, некоторые даже мальчиков выписывали из гей-клубов. И главное, все как-то обыденно у них происходило, без огонька... и без мистики.

Что же касается удивительного капитана Счастливице, то его жизнь была легендой. Я отнюдь не преувеличиваю. В органах о нем слагали истории одна другой краше. И все о героизме и неподкупности. Героизм его, на мой взгляд, был сродни идиотизму. Так ведут себя ненормальные, уверовавшие в собственную неуязвимость.

Складывая фактики один к одному, я все больше утверждался в мысли, что капитан этот ох как непрост, и хранят его от беды не только спасенный начальник – полковник Воронин, но и потусторонние силы. Некто рогатый, а может, наоборот – с сияющим нимбом над головой...

Негоже ударяться в мистику, размышлял я. Мое дело – выполнить заказ. Я в сказки и в раннем детстве не верил. Первым понял, что деда Мороза нет, схватил старика за бороду на резинке, оттянул как следует, и отпустил. Папаша мой, помнится, очень возмутился такому обращению с его персоной. А нечего детей дурить!

Расскажу, пожалуй, подробнее, что меня более всего впечатлило в капитане Счастливице, и почему я вдруг уверовал в его мистического покровителя. Этот тип отличался поразительной, почти потусторонней удачливостью. Даже кличка у него среди коллег по работе была какая-то неправильная, странная, прямо скажем, кличка для сотрудника российских правоохранительных органов, – «честный». Я сначала решил, что это сарказм. И что достался мне объект до денег жадный и на руку нечистый. Я бы понял, если бы Счастливице так прозвали за жлобство, лживость, хапужничество, взяточничество, ан нет – звали его так за то, что он на самом деле был человеком кристальной честности, твердых принципов и крайней нетерпимости к врагам общества. И что тем более для рядового опера удивительно, в общении отличался подчеркнутой вежливостью, физические меры воздействия к последственным не применял, даже не выражался, что совсем уже из рук вон – порой ведь так приятно облегчить душу крепким матерком. Напротив, Счастливице употреблял часто велеречивые речевые обороты, под старину. Я когда об этом узнал, сильно развеселился. Надо же, мент – и говорит задержанным: «милостивый государь, извольте проследовать в камеру», «вы, голубчик, ежели денег алчете, идите работать», «дабы вы вняли закону, придется вас посадить лет на десять»... Такое даже вообразить сложно. Куда проще представить, как человек в форме щелкает каблуками, протягивает даме букет и говорит: «Ну, это я, типа, тебе!», или кричит на последственного: «П... ц тебе, Финтифлюшкин, если не создаешься, падла!».

Что касалось допросов, проводимых капитаном Счастливицевым, то с подозреваемыми он вел себя сдержанно, и только однажды, по слухам, вышел из себя. Это случилось, когда задержанный плюнул ему прямо в благообразный лик и заявил: «Надо будет – я этого гада еще раз шлепну, поня л, ментяра?! Христом богом клянусь, шлепну!». Но и тогда капитан только покраснел от гнева, утерся, расстегнул ворот форменной рубашки и выдал: «Ну и мерзавец же ты!». Коллега его, конечно, церемониться с убийцей не стал, схватил мерзавца за уши и несколько раз приложил фейсом об тейбл – чтобы впредь был вежливее с предста-

вителями власти. Любому российскому гражданину известно, наши милиционеры терпеть не могут, когда с ними грубо разговаривают.

В привычные рамки поведения сотрудника правоохранительных органов неординарная личность капитана Счастливецва вписываться никак не желала.

Я всегда полагал, что в мире имеется ограниченное число человеческих типажей, и все они давно мне известны. К примеру, я знаю, что среди оперативников хорошие люди встречаются редко. Разве что на бумажной работе. Но кабинетных крыс в расчет не берем. Что же касается тех, кто занимается реальными делами, то все они давно обитают за гранью добра и зла. Либо ты успешный оперативник и жесткий, беспринципный человек, либо в милиции надолго не задержишься. Потому как волка надо зубами рвать, то есть быть таким же лютым и бесчеловечным, как преступник. Овца никогда не одержит победу над волком. Что касается капитана Счастливецва, то держал он себя скромно – зверек-зверьком, из тех, что у меня в перекрестии прицела. Но в нужные моменты вдруг превращался в настоящего бойца спецназа и работал исключительно успешно. У начальства он был не просто на хорошем счету, а считался одним из лучших оперативников района. Не человек – а загадка.

Через неделю я впервые с ним встретился. Подгадал время, когда он шел со службы и двинулся ему наперерез. Нет, я пока не собирался его убивать. Хотелось просто посмотреть на Счастливецва вблизи. Мучало любопытство. Фотография, присланная заказчиком, оказалась очень даже удачной. В жизни объект выражением лица походил на блаженного. Когда я увидел глаза Счастливецва, они были совсем, как на фотографии – блеклые, словно у похмельного нищего. Он был худ и где-то даже тщедушен. Шел медленно, будто каждый шаг давался ему с трудом, или словно его обуревают тяжкие думы. Потом глянул в небо и улыбнулся. Мне даже показалось – вот-вот перекрестится. Но он и не думал креститься, поулыбался и побрел дальше. Этакое дурачка, подумал я, убить ничего не стоит. Можно его пристрелить и скрыться прямо сейчас. Он был от меня всего в двух шагах. Когда мы разминулись, я даже замедлил шаг, размышляя – вернуться, нет? Но потом вдруг сердце екнуло и почудилось, будто кто-то на ухо вкрадчиво зашептал: «Гляди, Вася, будут у тебя с ним проблемы». И я поспешил дальше.

Вечером снова взгляделся в фотографию. Понял, кого мне напоминает капитан. Да он же вылитый князь Мышкин, сыгранный Мироновым в сериале по Достоевскому, чистосердечный идиот. Идиот-то он, может, и идиот. Вот только на его счету куча раскрытых дел. И если верить словам Владика, стреляет он с двух рук, почти не целясь, владеет приемами рукопашного боя – что неоднократно демонстрировал на задержаниях, а однажды, когда заклинило пистолет, убил двух вооруженных преступников голыми руками, чудесным образом увернувшись от пуль...

Информаторы в органах работали отменно. Копали так быстро и качественно, словно мне помогал некто влиятельный, желающий, чтобы я узнал об объекте как можно больше. Подобный информационный вал заставил меня усомниться в достоверности сведений. Подозрительно, что в бумагах заказчика не было ничего, и вдруг всплыла целая прорва деталей. Да и поверить в некоторые факты было совершенно невозможно. Черт знает что, а не факты. Все ощущимее веяло мистикой.

Помимо кликухи «честный» было у капитана Счастливецва и другое погоняло – «вечный». Не «у»вечный, как можно было бы подумать, глядя на фото, а просто вечный. Так мента прозвали за то, что его пуля бандитская не брала. Хотя вел он себя порой так, словно специально искал смерти. Да еще, по разным свидетельствам, лет ему было не меньше сорока. Выглядел он, повторюсь, максимум на двадцать пять. И откуда приехал «вечный мент» в столицу никто не знал.

Стали проясняться постепенно и причины заказа. О чувстве локтя Счастливецва, похоже, никогда не слышал, представления о справедливости имел самые архаичные, к современным российским реалиям не имевшие отношения, сцапал капитан целую толпу почтенных в прошлом российских граждан, ставших никем после конфискации имущества, и те, разумеется,

затаили на него жгучую обиду. А потому объединились однажды отнюдь не пролетарии – и порешили, что без Андрея Счастливецца жизнь их будет больше похожа на сказку.

По-своему я их понимал, хотя и презирал, конечно.

Карьера и семья капитана мало заботили, зато у него имелась утопическая идея – искоренить преступность в России. Этой мечтой он был одержим и порой начинал с жаром рассказывать случайным собеседникам, какая жизнь начнется, когда всюду воцарится справедливость. А однажды, когда праздновали день его рождения в кругу сослуживцев, – кстати, этот праздник он всегда отмечал в разное время года, словно, родился не один раз, а несколько, – кто-то из сослуживцев, порядком набравшись, поднялся и произнес тост, завершающийся словами: «В общем, Андрюха, желаю я тебе, чтобы сбылось твое самое сокровенное желание». Тут вскакивает из-за стола сильно нетрезвый полковник Воронин: «Ты бы подумал, прежде чем Счастливеццу такого желать. Без работы останемся!».

Смерти капитана жаждали не только солидные люди, которым он дорогу перешел. В уголовном мире у него тоже имелись враги. Блатные «вечного» знали и побаивались. Бытовало мнение, что Счастливец – «фартовый псих». Такую характеристику ему выдал Леня Седой, стараниями капитана третий год загорающий на зоне. Фарта Счастливеццу действительно было не занимать. И по мере того, как росло досье, я все больше убеждался, что эта емкая характеристика Лени Седого очень точна.

Психом Счастливец был классическим. По молодости несколько лет провел в стенах желтого дома. Согласно некоторым сведениям страдал провалами в памяти, чего, кстати, не скрывал, хоть и говорил о своем недуге с неохотой. Психическое заболевание стало основной причиной, почему он не продвигался по служебной лестнице – был частично нетрудоспособен. Но работал, как я уже упоминал, отменно, и руководство предпочло закрыть глаза на некоторые странности в его поведении и биографии.

Биография капитана Счастливецца поставила бы в тупик любого архивариуса. Хотя последние двадцать лет были прописаны весьма детально, временами история жизни зияла дырами, которые так и не удалось залатать. Где в эти периоды был Андрей Счастливец? Что он делал? Неизвестно. Первый значительный эпизод, когда будущий поборник справедливости проявил себя, относится к середине девяностых. Тогда он едва не залетел на тюремный срок за жестокую драку. Молодой человек не смог пройти мимо, когда трое подвыпивших парняг пристали к девушке. Вот чего не одобряю – так это вмешательства в личную жизнь. Может, у них все неплохо бы заладилась. И зажили бы вчетвером. Хе-хе. Но нет. Счастливец уже тогда в совершенстве владел приемами рукопашного боя. Хотя, если брать этот конкретный случай, не совсем рукопашного – противников Счастливец отходил куском металлической арматуры. Да так удачно, что все трое скончались на месте. Следователь заподозрил в нем буйнопомешанного. Тем более, молодой человек твердил, что ничего об этом случае не помнит.

Как клиенту психбольницы удалось затем оказаться на воле – история умалчивает. Известно только, что сразу после возвращения в общество нормальных людей молодой человек устроился на работу в ГУВД. Опять же, непонятно, каким образом. Как его после психушки могли взять на службу в милицию?.. Я, конечно, слышал, что гребут всех подряд, даже с шестью классами образования, даже приезжих из ближнего зарубежья, потому что желающих примерить милицейскую форму мало, но, во-первых, случается подобное не так уж часто, и для того, чтобы взяли откровенного психопата, должна быть хорошая протекция.

Сопоставив факты, я пришел к выводу, что капитан Счастливец относится к очень редкой породе людей. Несомненно, он сумасшедший. Но представляет собой редкий подвид психопатии. Патология, порождающая гениальность. Капитан Счастливец был гением оперативной работы. Единственное, что ограничивало его гений – он был один против всех. Если бы в органах охраны правопорядка работала хотя бы пара сотен таких вот «вечных» ментов, не

сомневаюсь, им удалось бы полностью одолеть организованную преступность. А в одиночку войну не выиграешь.

По крайней мере, мне стало совершенно ясно, почему наняли именно меня. Они хотели, чтобы гениальный киллер завалил гениального поборника справедливости.

О родственниках и о месте рождения ничего узнать так и не удалось. Вообще, все сведения о Счастливецеве до девяностого года, словно кто-то специально вымарал из личного дела. Как будто не было до девяностого года такого человека, как Андрей Счастливецев.

Был у меня однажды объект, проходивший по программе защиты свидетелей. Это в Штатах подобные уловки действенны. У нас же свидетели долго не живут. Даже если имя сменяют и внешность. Все равно такой специалист, как я, их найдет. Если сотрудники органов не продадут сведения, проколется пластический хирург, или кто-нибудь еще, совершенно случайно посвященный в тайну – практика показывает, без утечки данных никогда не обходится.

Если он и менял имя и фамилию, то лет ему было вовсе не сорок, а все восемьдесят. Владик раздобыл в военных архивах фотографию сороковых годов, на которой был изображен Андрей Счастливецев в военной форме среди боевых товарищей. Точнее, конечно же, не он сам, а его двойник. Я искренне подивился, насколько похож. Как известно, у Господа бога набор физиономий не слишком велик. Порой даже люди разных рас схожи лицом, как братья.

– Я думал, может, дед его, – сказал Владик. – Но кроме фото – ничего найти не удалось.

– Не надо мне фото двойников подсовывать, – попросил я. – Кстати, где ты его раздобыл?

– Простое совпадение. Сайт военных архивов. Наш клиент – Счастливецев. А этот солдат на фото – Счастыин. Прикольно, да?

– Бывает, – сказал я. – Только все равно, фамилия другая. Копай по последним годам двадцати. Узнай, где родился. Подкидыш он, что ли, в самом деле?

С девяностого по двухтысячный год биография Андрея Счастливецева изобиловала героическими историями. В стране царил беспредел и жестокие нравы. Братва окучивала бизнесменов. Те искали защиты у ментов. Менты брали их под свою защиту, требуя за это те же самые деньги, какие просили бандиты. А наш капитан боролся за справедливость. Не брал взятки. Зато брал с поличным своих же товарищей по службе – если удавалось доказать наличие преступного сговора с ворами.

Количество покушений на капитана Счастливецева за эти десять лет превышает все мыслимые пределы. Его пытались застрелить, взорвать и похитить с целью запятать до смерти. Но он чудесным образом выходил сухим из воды. При этом никому спуска не давал, пер бесстрашно и напролом, и всегда побеждал – как танк вооруженных копьями аборигенов.

Вот лишь одна история из девяностых. Ее поведал Владиду все тот же несчастный сиделец Леня Седой. Давал зуб, если хоть слово соврал.

Однажды интересы Счастливецева пересеклись с неким братком, чье погоняло – Стриженный – знала все бандитская Москва. Время было лихое, и большинство милиционеров предпочитали со Стриженным не ссориться. Многие даже водили с ним дружбу. Но только не Счастливецев. Он и в девяностые годы находился в плену своей навязчивой идеи, имевшей характер мании, – победить преступность в России.

Стриженный чувствовал себя в столице очень комфортно, в отделение милиции заходил, как к себе домой – «побазлать о делах», так он говорил. И привык все вопросы с властями решать через наличный расчет. Только вот беда – уперся в Счастливецева. Тот деньги брать не пожелал, и парочку его верных соратников, вместе с которыми бомбили коммерсов, засадил за решетку. Да и самого Стриженного с трудом вытащили с нар те нечистые на руку оборотни в погонах, с которыми он водил дружбу. Вышел браток на волю, пребывая в дикой злобе, взял и, недолго думая, вызвал Андрюшу Счастливецева на стрелку. Привык решать все вопросы, даже с милицией, одними и теми же методами. Знал, среди представителей органов честные милиционеры редко встречаются, время не то. К тому же, оборотни его предупредили, за Счаст-

ливцева никто впрягаться не будет. Так что Стриженный был спокоен, предъявил претензию, забил стрелку и отправился к братве – волены смазывать и ножи точить.

А капитан, получив вызов, пошел домой, выпил стакан портвейна «777», на ночь он всегда его принимал, и лег спать. Кстати, я не упомянул. Выпить Счастливец очень любил. Но с утра всегда вставал свежий, как огурец, будто и не пил вовсе. И направлялся в отделение на своих двоих. Автомобиля не водил. То ли не любил автотранспорт, то ли, что весьма вероятнее, по принципиальным соображениям. Наблюдатели донесли, капитан имел несколько раз общение с коллегами по родному отделению, где, в частности, говорил следующее: «в то время как отдельные категории граждан нашей многострадальной родины получают гроши, на которые невозможно прокормить семью, я не имею морального права иметь частный автотранспорт, и вам не советую».

Конечно, коллеги его не любили. Впрочем, «не любили» – это слабо сказано, ненавидели. И почти все, за исключением разве что полковника Воронина, жаждали от него избавиться. Слишком сильно капитан Счастливец своей честностью наступал оборотням на нетрудовые мозоли. Только лапы у них были коротки. Как ни пытались некоторые особенно оборотистые покусать Андрюшу Счастливецова, результатом всегда становились обломанные зубы и очередное закрытое дело по факту злоупотребления служебным положением.

В начале двухтысячного года распространился среди сослуживцев некий слухок, что, дескать, есть у Андрюши Счастливецова покровитель на самом верху. Речь, конечно, не о мистическом покровителе, а о самом, что ни на есть земном доброжелателе, способном сделать жизнь своего протеже счастливее и богаче. Якобы, кто-то из ближайших родственников капитана ходит с давних пор в друзьях у самого главы ГУВД Москвы, обучает его кататься на горных лыжах и пьет вместе с ним в кулуарах элитный коньячок.

Я в очередной раз подивился противоречивости сведений. Ведь в личном деле не содержалось никаких данных о родных и близких. Следовательно, их просто не было.

Но сослуживцы не унимались. Говорили, Счастливец до сих пор погоны капитана носит только потому, что принципиальный очень. Настолько принципиальный, что даже родной отец предпочитает от него подальше держаться. С самого детства. И биографию поэтому Счастливец себе подправил – чтобы высокопоставленным предком не светить. Но тот, хоть и не желает видеть сына, а разверзнуться над ним хлябям небесным не позволяет. Все-таки, родной отец.

Слушок этот, между прочим, не подтвердился, хоть и заинтересовал меня чрезвычайно. Сложно представить сына генерала, который ходит в капитанах и выше забираться не желает из-за собственной принципиальности. Нет, в жизни оно, конечно, по всякому бывает. Но чаще получается почему-то так, что сынки за таких папок держатся обеими ручонками. И те тянут их наверх, тянут...

Я пришел к выводу, что Счастливец – круглый сирота. Мою уверенность подтверждали слова полковника Воронина, сказанные на одной из служебных попоек (они случались регулярно): «Парень – кремень. Вам всем на него равняться надо. Совсем один. Но не сдастся, держится молодцом».

Правда, тут же вылез один лейтенантик:

– А что это он один, может, п.дор?

– Молчать, скотина! – рявкнул Воронин. – Я тебе покажу п.дора! – Положил ладонь на плечо своего любимого сотрудника: – Не обращай внимания, Андрюша. Это они тебе завидуют. Все завидуют. У них принципов и морали – с гулькин хер. Только и могут языками чесать. – Полковник обвел сидящих за столом тяжелым взглядом. – Эх, вы. Одно слово, менты...

Глубоко ему, видно, Андрюша Счастливец в душу запал – со своей неподкупной честностью и прямоотой «идиота».

Но вернемся к нашей истории. Перескажу в том виде, в каком слышал от источника. Напоминает байку. Поверить в то, что все именно так и было, довольно сложно. Разумеется,

история со временем обрасла кучей недостоверных деталей и теперь было неясно, где правда, а где вымысел. Но личность капитана Счастливецва этот эпизод в его карьере характеризует очень хорошо...

Злополучная стрелка состоялась на следующий день после визита Стриженного в отделение.

Поддержать бандита прибыло бойцов тридцать, все при стволах, злые, как голодные псы, готовые с цепи сорваться. Скалятся щербато, сплевывают, трут небритые подбородки. Между собой гавкаются. В общем, братва.

Счастливецв пришел один. Странной походкой – глубоко погруженного в себя человека – пересек пустырь. Остановился, смотрит на них бледно-голубыми, как у бельмастой рыбины, глазами и молчит.

Стриженного не проведешь, он вор – тертый, когда Леня Брежнев с трибуны вещал, он уже год свой гладкий череп, рано лишившийся растительности, полировал маслом подсолнуха. Чтобы лучше блестел, и еще, чтобы издали было видно – Стриженный идет. Узрев, что опер явился на стрелку героем-одиночкой, бандит стал с подозрением обозревать окрестности. Думал, ловушка ментовская, меткие снайперы вокруг попрятались, и ждут – не дождутся сигнала, чтобы всех завалить. Своим друзьям-оборотням Стриженный не слишком доверял. И правильно делал.

– Окрест никого, – сказал Счастливецв тихо. – Только воронье одно.

– Воронье? – насторожился бандит. Обернулся. Над тополями с громким граем кружили черные птицы. – Че, один пришел? – Он прищурил заплывшие глазки.

– Истинно так.

– Порожняк гонишь, мент.

– К лжи с измальства не приучен. Чистая правда. А не веришь, можешь проверить.

– Чего ж не проверить... проверим.

Стриженный сделал знак, и братки разбежались по периметру пустыря – навестили ближайшие кусты, деревья, заглянули за бетонный забор, перевернули помойные баки и деревянные ящики. Никого.

Затем рядовые бойцы остались кучковаться у дорогих, но сильно побитых машин, а их предводитель выдвинулся в арьергард банды, чтобы побеседовать со Счастливецвым с глазу на глаз. Стриженный медлить не стал, сначала одарил капитана взглядом профессионального гробовщика – словно мерку снимал, снизу вверх, а затем громко понес на всю округу, так чтобы далеко было слышно:

с Слышь, ты, сявка поднарная, ты на кого, баклан, залупаешься? Вша ты подзаборная, ша по нарам, я – пахан, я – авторитет, я, в натуре, это я. Да ты знаешь, с кем ты связался? Ты, в натуре, что из себя Рембо корчишь? Или совсем страх потерял?!

Андрюша недолго слушал насыщенную блатным аргю речь, проговорил тихо:

– Дело обстоит следующим образом, Стриженный. Я сейчас подойду к твоим ребятам. К тем, которые возле авто скучают, побеседую с ними. Задам пару вопросов. А ты пока изволь тут постоять. Хорошо ли ты меня понял? Я хочу убедиться, потому что ты, похоже, человек не слишком понятливый.

– Шо-о? – отвечает тот. – Я правильно тебя понял, мусор, ты собрался с моими корешами за моей спиной перетирать?!

– Именно так.

– Не будет этого, – насупился Стриженный.

– Выходит, ты даже своим людям не доверяешь, а хочешь, чтобы мы с тобой общались по понятиям, – заговорил Андрей на понятном вору языке. – Я их порасспросить про тебя хочу. Может, ты и не авторитет вовсе, а так, фраер беспонтовый. А подтвердят твой статус, будем говорить.

– Ты что, Леху Стриженного не знаешь?!

– А ты не кипешишь. Я дело говорю. Если договоримся с тобой, тебе же лучше будет. Пару вопросов задам, только и всего.

с Ну... – Стриженный задумался надолго... – Ладно, давай, – говорит, – оглянулся на братву. Бойцы все при стволах, пара автоматов Калашникова имеется, а у одного даже гранатомет, на случай если тяжелой артиллерией давить будут.

Подходит Счастливец к браткам. Достает из кармана гранату, дергает чеку и говорит:

– Пожалуйста, не надо разбегаться, граната осколочная. Радиус разлета осколков – двадцать пять метров. Достанет всех. Если, конечно, среди вас нет героев. Поясню, герой упал бы на гранату, ценой своей жизни спасая своих товарищей. Судя по вашим лицам, вижу, что никто жертвовать собой ради других не желает. Против вас, милостивые государи, я ничего не имею. Пока не имею. А что касается вашего главаря, полагающего себя значительно авторитетнее закона, то он оскорбляет мои чувства, и в первую очередь чувство справедливости. Каждому воздастся по делам его, сказано. Застрелите этого негодяя, пожалуйста. Настоятельно вас прошу... Поверьте, если вы его застрелите, у меня не будет к вам никаких претензий. Как и у закона. Я обещаю вам, что преследовать за это благое дело вас не станут.

Повисла пауза. Братва впала в легкий ступор. Никто не ожидал такого поворота событий.

– Дай подумать, – говорит один, старый приятель Стриженного. – Такое дело перетереть надо.

– Перетирайте, – отвечает капитан Счастливец, – у вас ровно минута. А я буду внимать обсуждению этого сугубо простого вопроса.

Совещались меньше минуты. Все это время главарь банды мялся в отдалении. Что за чувства он испытывал, я могу только догадаться. Скорее всего, гнев и сомнения, правильно ли он поступил, разрешив странному капитану побеседовать со своими людьми. «Свои люди», между тем, долго обсуждать, как поступить, не стали – дали по Стриженному пару очередей из Калашникова.

– Все равно он давно уже спекся, – пояснили. – А нам еще жить и жить.

И среди братков встречались оптимисты.

– Подвезите, – просит Счастливец. – Далек добраться.

Отказать они не смогли. Не по доброте душевной. По малодушию. Он же от них ни на шаг. Даже на сиденье с гранатой запрыгнул. А выражение лица самое невыразительное. Будто его происходящее не особенно касается.

Останавливается возле отделения милиции черный BMW, он выходит.

– Благодарю, – говорит, – что подвезли, постарайтесь жить по закону, милостивые государи, и тогда мы с вами больше не встретимся.

Милиционеры, которые на крыльце курили, говорят, от удивления по струнке вытянулись, как на параде, когда серьезный авто к подъезду подкатил, и из него молодой сотрудник вышел, глянул невыразительно и вошел внутрь. Руку держал в кармане форменной куртки. Те из них, кто знал, куда Счастливец направлялся, и вовсе челюсти пороняли. Они его к тому времени уже похоронили. Очень надеялись, что кристально честного капитана на стрелке продырявят. Но вышло совсем по-другому.

Гранату Счастливец аккуратно дезактивировал в служебном туалете, вставив на место чеку. Впрочем, это уже домыслы. Начальство потом очень интересовалось, что это за номера с представительским BMW возле отделения. На все вопросы Счастливец отвечал лаконично:

– богатые друзья. Праздновали памятную дату.

Но ничто, как известно, не проходит бесследно. Так что эта история вскоре стала достоянием общественности. С тех пор, как приключился этот инцидент, к нему стали осторожнее относиться в родном отделении, пошли слухи, что он внедрен к ним из другого ведомства. Что

зовут его совсем не Андрей Счастливцев, а, к примеру, майор Пронин. И что он взят на службу в отделение, чтобы всех вывести на чистую воду. Ненависть все возрастала.

А он ни на кого внимания не обращал и руководствовался в делах только внутренним законом, то есть на службе делал то, что ему казалось правильным. В общем, зарекомендовал себя человеком, которого не только купить нельзя, при нем даже деньгами помахать страшно – может неправильно понять и оформить протокол изъятия в пользу какого-нибудь детского дома.

Андрей Счастливцев серьезных людей из уголовного мира, при виде которых некоторые готовы сами себе яму вырыть и лечь в нее, ни в грош не ставил. Для него они были, прежде всего, нарушителями закона. Взятки не брал, приглашения отобедать или сыграть на бильярде не принимал, в махинациях и пагубных пристрастиях, кроме чрезмерной любви к портвейну «777», замечен не был.

Зато то и дело рядом с капитаном всплывали трупы – по большей части, воры в законе и криминальные авторитеты, встречались и рядовые киллеры. За ним числился целый ряд убийств. Но ему все по-прежнему сходило с рук. Может быть, его прикрывал полковник Воронин. А может, и кто-нибудь посерьезнее. Только кто? Докапаться мне так и не удалось. Судя по тому, как благополучно складывалась судьба капитана в органах, покровители у него имелись в самых высших сферах.

Но это, как говорится, старые фактики, истории, покрытые паутиной, еще из девяностых годов прошлого века, а в двадцать первом он тоже успел отличиться.

Я с самого начала знал, что с этим человеком что-то не так. Какой-то он ненастоящий, что ли. Будто эпический герой, обросший легендами и мифами расейского ГУВД.

Чего о нем только не рассказывали. Я бы не удивился, к примеру, услышав, что он в одиночку покончил с колумбийской наркомафией и благодаря действиям Андрея Счастливцева все полевые командиры террористов в одночасье отправились на покой.

Но порой бравый капитан совсем не походил на киношного борца с преступностью – эдакого рыцаря без страха и упрека. Личностью он был сложной и многогранной, не без тараканов. Очень странными были некоторые увлечения Счастливцева, слишком часто он вел себя парадоксально и даже безумно, умудряясь каким-то чудом оставаться в живых.

Хотя с ворами и убийцами он боролся успешнее многих, и даже, если говорить точнее, успешнее всех, кое-кто его откровенно побаивался, ибо был капитан, как говорится, без царя в голове, то есть царь в его голове даже не ночевал. А ночевали там, как я уже упомянул, тараканы.

Личная жизнь «вечного мента» была скудной. Он почти не интересовался девушками. Лишь изредка, приняв на грудь портвейна «777», звонил своей знакомой по имени Оксана. Она приезжала в его холостяцкую берлогу и оставалась там до утра. В очередной раз посетив капитана, девушка исчезала, как тени под утро, и безропотно ждала, когда он снова ее позовет.

Увлечения капитана тоже были странными. Счастливцев более всего увлекался двумя вещами – классическим балетом и радиолампами. Последние он коллекционировал. Не то, чтобы я сильно удивился сему факту. Я знал убийцу, который бережно хранил альбом с фотографиями своих жертв. Но балет?!

Капитан посещал новые спектакли регулярно и даже встретился пару раз с примой Большого театра (редкий случай), но чем-то она ему не глянулась. А может, он ей. В конце концов, кто он такой? Обыкновенный опер, хоть и эксцентрик. А она – прима. К ней олигархи сватались. Хотя авторитетов, как я уже упоминал, для него не существовало. Он частенько говорил: «Не сотвори себе кумира». Его кумирами во все времена были закон и порядок.

Оружие Счастливцев носил только табельное. Что было само по себе странно. Любой оперативник с улиц обычно имеет на кармане левый ствол. На задержании, если что-то пой-

дет не так, стреляет из левого ствола. Ему же потом еще и благодарность выпишут за то, что обезвредил опасного преступника. А из табельного сделай выстрел на поражение – проблем не оберешься, затаскают по кабинетам... Его и таскали периодически, после очередного подвига со стрельбой и трупами.

Однажды брали вооруженную банду в Мытищах. Преступников обложили в небольшом двухэтажном доме. Осознав, что им никуда не деться, бандиты открыли огонь. Местные милиционеры прятались за деревьями, опасаясь получить пулю. Нельзя сказать, что они ничего не предпринимали – каждые пять минут один из них выкрикивал в мегафон призывы сдаться. Ситуация осложнялась тем, что у бандитов имелся ручной пулемет и гранаты. К тому же, они время от времени постреливали из обрезов. А рядом возвышался многоэтажный жилой массив. Не дай бог шальная пуля залетит в окно.

Счастливец, едва вылез из милицейского газика, расчехлил табельный «Макаров» и двинулся к дому. Напрасно ему кричали: «Стой! Куда, дурья башка?! Тебя же сейчас положат!» Он пер на цель, как легкий танк на позиции врага. Под шквальным огнем вошел в подъезд. В результате, на нем – ни единой царапины. А бандиты мертвы – все, как один. Четыре выстрела. Ни одного мимо цели. Три пули легли в головы. Одна – в сердце...

– Тебя, сынок, бог бережет, – сказал полковник Воронин, вешая на грудь подчиненного блестящую медальку. – Спасибо за службу.

– Служу отечеству и закону, – проговорил Счастливец невыразительно. Награда его не впечатлила. К орденам и регалиям он относился без лишнего пиетета, как и полагается скромному труженику органов внутренних дел и сумасшедшему.

Я имел дело с личностью необыкновенной, наделенной нездравым рассудком, зато с повышенной тягой к справедливости, с юношеским максимализмом желающей переделать мир. В чем-то я ему даже завидовал. Внутри меня прочно укрепилось зло, а он в свои годы – а ему уже было ближе к сорока, если верить источникам – оставался беспримерным романтиком, валил преступников, и знал, что делает правое дело. Я же пестовал в себе алчность, вместо морального удовлетворения копил материальные ценности и чувствовал все большую внутреннюю маету – давил груз грехов и невозможность от них избавиться.

В тот период времени я не сомневался, что легко справлюсь с этой задачей. После того, как убедился, с кем имею дело, возникла и личная заинтересованность в исполнении заказа. Это уже не просто убийство. Это поединок. Кто кого. Я должен проявить всю степень мастерства.

Проанализировав свои чувства, я сделал вывод: я хочу убить его еще и потому, что он может жить в ладах со своей совестью, не преступая уголовный кодекс и внутренний закон.

Вот тогда я испугался. Я понял, что моя мотивация изменилась. Раньше я убивал людей исключительно затем, чтобы пополнить свой банковский счет. Теперь же деньги перестали главенствовать – я шел убивать, потому что меня раздражал «вечный» мент. Похоже, у меня окончательно съехала крыша. Одно дело убивать за деньги и совсем другое – по идейным соображениям или ради удовольствия. Так поступают не наемные убийцы, а маньяки.

«Может, забыть об этом странном деле, – размышлял я, – вернуть деньги заказчикам. Я слишком ненавижу объект. А между тем, почти его не знаю. В этом деле есть какая-то странность».

Нечто неуловимое все время беспокоило меня. Словно я в чем-то просчитался. И расплата за ошибку неминуема. Но забыть об Андрее Счастлицеве я уже не мог. Меня обуревала жажда, во что бы то ни стало убить его. Только тогда, почему-то казалось мне, мир вернется в привычные очертания, исчезнут галлюцинации, и я смогу жить, как прежде. В этом стремлении пролить кровь поборника справедливости была маниакальная одержимость, сродни той, что питала «вечного мента» в его борьбе с преступностью. Ко всему прочему я слышал непре-

рывный ядовитый шепот: «Убей его... убей... погаси светоч справедливости». А может, мне только казалось, что я его слышу.

Судебный чертог 7519 год от Сотворения Мира

Если вы неожиданно умерли, то с большим удивлением обнаруживаете, что со смертью бытие не кончается. Сознание схлопывается в черную точку. И некоторое время ничего не происходит. Вас просто нет. Но потом разум, лишенный брэнной оболочки, оживает для новой жизни.

Реальность прояснилась. Василий Харитонович Жмуль захлопал глазами. Перед ним еще некоторое время стелился белесый туман, но затем пелена рассеялась, и умерший увидел толпы людей, укутанных в белые простыни. Все они следовали в неизвестном направлении. Некоторые шли сами. Других поддерживали под руки крылатые и рогатые существа. Жмуль и опомниться не успел, как его тоже подхватили и повлекли куда-то вместе с остальными. Обернулся налево – увидел страшную харю, острый подбородок, черные лохмы. Обернулся направо – встретился взглядом с чистым лицом юношей с чертами приятными, как у девушки. Василий Харитонович сразу решил, что вопросы будет задавать только этому привлекательному молодому человеку. А на патлатого постарается не обращать внимания. Тем более что были подозрения, с кем имеет дело.

– Где я? – спросил он юношу.

Тот немедленно откликнулся, словно ждал вопроса.

– Судебный чертог.

– А за ним низвержение! – хрипло возвестили слева. – На вечные муки. А мне – медаль на грудь!

– Это мы еще посмотрим! – возразил юноша и ласково обратился к Василию Харитоновичу: – Не бойтесь. Все через это проходят.

– Судебный чертог? – переспросил умерший. – А судьи кто? – При жизни он был преподавателем литературы в вузе, и монолог Чацкого знал едва ли не наизусть. Теперь классическая формулировка очень кстати всплыла из памяти.

– Хорошие судьи... – поведал юноша. – Справедливые.

– Хорошие, – согласилась страшная харя. – Но судят строго. И отнюдь не по совести. По делам земным. Осуждают на вечные муки.

– За что же меня судить?.. Я же ничего плохого не сделал.

– Еще как сделал! – возразил рогатый.

Жмуль осекся. Он вдруг вспомнил отчетливо, как стрелой боли ударило сердце. Сдавило грудь, сбилось дыхание. И сразу понял по знакомым симптомам – пятый инфаркт. Пятый – значит последний. Хотя были такие, кто выживал и после седьмого. Но про себя он знал, пятый не переживет. И не пережил.

Ему вдруг стало страшно. Василия Харитоновича пугали все эти люди в белых простынях на манер греческих тог. Все эти полуобнаженные растерянные люди. Ведь они... мертвецы. И он в толпе мертвецов бредет на скорбный суд.

Тут самообладание окончательно оставило преподавателя литературы, он истошно закричал, забился в руках держащих его под локти беса и ангела.

На Василия Харитоновича заозирались. Некоторые с осуждением. Но больше с любопытством. «Что это? Кто это кричит?» – слышались вопросы.

– Праведнику отверстие под крылья и нимб режут! – проорал бес, чем едва не вызвал всеобщую панику.

Волосатая ладонь зажала Василию Харитоновичу рот. Жесткий кулак ткнул под ребра.

– Давно хотел это сделать! – обдала зловонием хриплая образаина. – Да возможности не было. Ну да ничего, теперь попляшешь, праведник хренов!

– Не смей! – возмущенно выкрикнул юноша, и за его спиной забились два больших белых крыла. Василий Харитонович даже залюбовался, глядя на сияющее первозданной чистотой оперение. Над головой провожатого он только сейчас заметил едва различимый обруч нимба. Тоненькая, светящаяся сусальным золотом полоска.

– Ну, все, пришли, – отозвался хриплый и резко остановился, пребольно дернув усопшего за локоть.

Василий Харитонович оказался в хвосте длиннющей очереди. Она обвивала холм и терялась в перистых облаках.

– Сколько мы будем здесь стоять? – обратился он к ангелу. Теперь усопший окончательно уверился, что перед ним божественный посланник. Скорее всего, его ангел-хранитель.

– Сколько потребуется! – рыкнула образина.

– А я не к вам обращаюсь! – осадил грубияна Жмуль.

В ответ рогатый презрительно фыркнул.

– Каждое дело требует рассмотрения, – мягко ответил юноша, – наберитесь терпения.

– Все понял?! – рогатый басовито хохотнул. – Мы здесь надолго.

– Надолго? – пробормотал преподаватель литературы и почувствовал обиду: – Что же это получается... При жизни в очередях. И после смерти тоже? Безобразие.

– Во козел! – рогатый скривился. – Недоволен он, видите ли. Может, хочешь без очереди пролезть? Не получится.

Василий Харитонович решил не обращать внимания на грубияна. Он часто поступал подобным образом при жизни, разумно рассудив, что хулиганов много, а он один – слишком много чести. Вместо того чтобы слушать бранные ругательства, которыми награждал его лохматый незнакомец, похожий на черта, Жмуль обозревал окрестности. Пейзаж Судебного чертога разительно отличался от всего виденного Василием Харитоновичем при жизни. Более всего это место походило на обширную мощеную черным булыжником площадь, посреди которой почему-то произрастал зеленый холм. Вокруг холма вилась дорога, запруженная усопшими и их сопровождающими в мир теней – по рогато-крылатой паре на каждого.

«Если это сон, предсмертное видение, то оно удивительно, – решил Василий Харитонович». Видение, и вправду, было настолько реалистично, что в него хотелось безоговорочно верить. В том числе и потому, что оно доказывало возможность посмертного существования. А в последние годы, думая о смерти, Жмуль с тоской представлял, как его сознание угаснет и дальше не будет уже ничего. То есть совсем ничего... Поэтому теперь Василий Харитонович отчаянно радовался, что ошибся, и очень боялся, что видение развеется. А вместе с ним и надежда на то, что бытие продолжается.

Бывший учитель литературы обернулся. За ним уже выстроилось в очередь множество умерших. По большей части, все это были пожилые люди. Но было среди них и несколько молодых. А неподалеку, заметил Василий Харитонович, ангел держит за руку маленькую девочку лет пяти, не больше.

– Могу я поговорить с теми, кто умер? – обратился он к крылатому юноше.

– Это не возбраняется.

– Извините, – Жмуль тронул стоявшую перед ним старушку. Та обернулась. – Что с вами случилось?

– Не знаю! – возмущенно буркнула она. – Говорят, будто померла в одночасье. Но что-то не похоже на то. Я-то знаю, как помирают. В прошлый-то раз извелась вся, пока скорую дождалась.

– А почему, умерев, мы не стали выглядеть моложе? – обратился Василий Харитонович к крылатому юноше.

– А почему ты должен выглядеть моложе?! – проорал бес. – Не нарывайся, Жмуль! У меня кулаки так и чешутся!

Глянув на своего напарника с осуждением, ангел поведал:

– Суд не только карает, но и награждает. Если они признают, что вы были праведником при жизни, то позволят вам после смерти выбрать любой облик.

– Значит, пока не время, – Василий Харитонович пощупал свой дряблый живот, прошелся пятерней по редким волосам и подумал: а было бы неплохо снова стать молодым. Он вспомнил, как быстро, без всякой одышки, поднимался по лестнице, как бежал за автобусом, не чувствуя потом острой боли в правом боку, и мог при желании переставить стенной шкаф – сколько было сил и энергии.

– А что происходит в раю? – задал он следующий вопрос ангелу. Но ответить тот не успел.

– Размечтался! – взревел бес. – Рай тебе не светит! Напомнить тебе о грехах?! Или забыл? Кто бросил семью ради молоденькой школьницы. Как развлекался с ней каждую ночь. Как ты вообще мог заинтересоваться шестнадцатилетней девочкой, педофил?

– Мне было всего двадцать семь, – пробормотал Жмуль. Смущение его отчасти было вызвано осознанием вины. Дочка действительно выросла без его непосредственного участия в воспитании. А жена Анна так никогда и не смогла его простить.

– Любовь?! – кричала она. – Ты просто похотливая мразь! Мразь! Мразь!

И хотя с Тоней Василий Харитонович впервые почувствовал себя счастливым, чувство вины не покидало его долгие годы и порядком отравило жизнь.

– Я же поддерживал ее деньгами... всегда, – забормотал умерший, – и потом, я просто не мог больше жить с Аней. Мы не совпадали темпераментами. Она была холодной, скарденной на ласку, столь необходимую мужчине, женщиной. Нет, нет и нет. Мы были совершенно разными людьми... Меня можно понять.

– Пустые оправдания! – констатировал бес. – Хочешь сказать, никогда не изменял своей второй жене?

Это был удар ниже пояса. Василий Харитонович действительно однажды сорвался. Всего только раз, во время поездки на российские юга, куда впервые поехал отдыхать один. Атмосфера располагала. И девушка на фоне морского пейзажа была такой юной и прекрасной. Она практически сама соблазнила его – зрелого мужчину, преподавателя литературы. Романтический ореол порядком развеялся, когда Жмуль понял, что подцепил болезнь – постыдную и совсем не вяжущуюся с тонкими чувствами хворь. Южный доктор отнесся к проблеме с пониманием – с подобным диагнозом к нему приходили каждый день... Домой Василий Харитонович вернулся абсолютно здоровым, окончательно убежденный в том, что нет ничего дороже семьи, и всякие любовные приключения ведут только к неприятностям. С тех пор он ни разу не изменял жене. Тем обиднее теперь были бесовские упреки.

– Грехи должно замаливать, – проговорил ангел. Он с печалью во взгляде смотрел на Василия Харитоновича.

– Хотите сказать, в раю мне не место? – выдохнул Жмуль.

– Именно так! – гаркнул бес. – Будешь низвергнут в ад, грешник! – И радостно захохотал, запрокидывая голову. – Буа-хаха! Буа-хахаха!

От ужаса Василий Харитонович весь покрылся испариной, подумав, что известная поговорка не верна – и мертвые потеют. Когда обстоятельства складываются для них причудливым и не самым обнадеживающим образом.

– Нет, – возразил ангел, – этому не бывать! Вы – светлая душа, хоть и оступились. Думаю, мы сможем их убедить. Вы отправитесь в чистилище. А оттуда на небеса.

– Но это же еще не все! – вскричал бес.

– Пожалуйста, не надо, – взмолился Василий Харитонович. – Я все понял.

Ему казалось, что другие умершие с интересом приглядываются к нему, внимая историям о его грехопадениях.

– Ну, почему же?! – возразил злонамеренный бес. – Такое каждому нужно послушать. Помнишь, тебя просили о помощи? Донести больного старика до скорой?

– Какого старика? – удивился Жмуть.

– Не помнишь?! – торжествующе вскричал бес. – Я и не сомневался. Тебя попросили донести соседа-старика до скорой. А ты сказался больным. Знаешь ли ты, что старик умер. Просто потому, что они не успели никого найти. А когда наняли какого-то алкаша за бутылку, было слишком поздно.

– Не может быть, – Василий Харитонович весь похолодел. И увидел, как смотрит на него мертвая старуха. С осуждением, выпятив покрытую седыми волосками челюсть. – Откуда мне было знать?! – вскричал Жмуть. – Что я, черт побери, провидец?! Я всего лишь человек.

– Всего лишь человек, – повторил ангел печально. – Тебе не стоит корить себя слишком сильно. Не думай об общественном порицании. Большинство тех, кто окружает тебя, совершили куда больше злодеяний. По большей части, они и не вспоминают о них, как и ты забыл о больном старике.

– Да! Да! Да! – выкрикнул бес. – Здесь одни только грешники!

Кругом послышались одобрительные голоса – падшие торжествовали, предчувствуя, что сегодня состоится большое низвержение в ад. Для каждого из них сегодня тоже должен был состояться суд – суд их состоятельности в качестве искуителей, суд их заслуг перед Сатаной, суд, определяющий степень их награды или порицания.

– И как там, в чистилище? – осторожно поинтересовался Василий Харитонович. – Жить можно? – Он с надеждой смотрел на ангела.

– В чистилище души очищаются от грехов и скверны посредством страданий, – ответил тот. – Чтобы войти в Царство Небесное и созерцать божественное Величие, нужно быть совершенно чистым, ибо святость Божия бесконечна. Не войдет в него ничто нечистое.

– Боже мой, – пробормотал Жмуть.

– Раньше кричал «черт побери», а теперь он зовет к небесам, – заверещал бес. – Раньше думать надо было. Когда ту девку безобразную трахал.

– Она вовсе не была безобразной. На меня словно что-то нашло. Это было наваждение.

– Меньше меня слушать нужно было, – горделиво возвестил рогатый.

– Как это? – не понял Василий Харитонович.

– Это же я тебе на уши шептал: «Трахни ее, трахни»...

– Я ничего не слышал.

– Это потому, что я тебе прямо в голову шептал. Вот так вот. Ты трахал ту безобразную девку, а я трахал твой мозг, – довольный скабресной шуткой бес снова расхохотался...

Василий Харитонович весь затрясся от возмущения и подумал, что если бы уже не умер, его, пожалуй, хватил бы очередной инфаркт.

– Мерзавец! – бросил он. И тут же получил сильный и болезненный пинок копытом.

Жмуть вскрикнул.

– Не позволю! – Сдвинув тонкие брови над переносицей, ангел надвинулся на обидчика.

– Все-все, – замахал руками рогатый, – сам же видел, он заслужил...

Последовала небольшая перепалка, после чего потусторонние сопроводители заняли прежние позиции по левую и правую руку от своего подопечного.

Очередь медленно, но все же двигалась вперед. Солнце здесь не заходило, и усопший преподаватель учитель литературы вскоре потерял счет времени. В этом чертоге, как называли его потусторонние существа, оно текло медленно. А мысли наоборот пронеслись в голове бешеной чередой. По дороге к холму Василий Харитонович припомнил всю свою жизнь, и в первую очередь неутешительные подробности земного бытия, обрекающие его на посмертные муки.

– А эти страдания, – обратился он к ангелу, – носят душевный характер?

– Телесных мук много больше, – последовал ответ. – Но и душевные муки с целью очищения будут регулярны и яростны.

После этого откровения Василий Харитонович пришел к выводу, что крылатый юноша вовсе не так добр, как ему представлялось ранее.

– И надолго мне в чистилище? – поинтересовался он хмуро.

– Зависит от тех, кто пока жив. И насколько истово они станут молиться за твою душу, томящуюся в чистилище.

– А если они атеисты? – спросил Василий Харитонович, подумав, что жена Тоня в церковь сроду не ходила. А последнее время вообще увлеклась буддизмом.

– Коли так – долго, – ответил ангел. – Ведь день поминовения усопших не просто так людям дан. А чтобы помочь тем, кто страдает в чистилище, быстрее очиститься, и направиться затем к Господу, в небеса.

– Какая же самая страшная мука в чистилище? – поинтересовался Василий Харитонович, решив сразу узнать все самое ужасное и на этом успокоиться – не было мочи и дальше ожидать этих чудовищных терзаний, которые ему пророчили.

– В чистилище души страдают от временного лишения блаженного лицезрения бога, – поведал ангел.

После этого откровения Жмуль сразу же пришел в хорошее расположение. Ну, это я как-нибудь перенесу, решил он.

Однако по мере того, как он поднимался по тропинке к вершине холма, настроение его все больше портилось. Впереди маячила неизвестность. Неясно было, как незнакомые судьи распорядятся его судьбой. А вдруг сочтут, что груз его грехов настолько тяжек, что он и чистилище не заслужил, и обрекут на вечные адские муки?.. Тем более что и греховные мысли, кажется, идут в зачет. А от греховных мыслей не застрахован никто. У Василия Харитоновича они имелись в избытке.

На самой вершине холма располагался отделанная серым мрамором зала. Дорические колонны, расставленные в совершеннейшем беспорядке, упирались в небесный свод – то есть попросту терялись в синеве, способные посоперничать высотой с любой телебашней.

Василий Харитонович ожидал любого зрелища, но только не того, что он увидел. За широким столом черного дерева сидели двое – ангел с сияющим нимбом и ослепительно белыми крыльями и некто, кого сложно было определить точнее – злобная красная физиономия, широченные плечи под черной мантией и витые рога на голове. Рядом за небольшой кафедрой сидело странное существо в роговых очках с шишковатой башкой и стремительно водило пером по бумаге, занося данные в толстую книгу. Судьи почти не интересовались делами умерших – в основном, решения принимались мгновенно, иногда после краткого обсуждения. Присутствующие в зале бесы утаскивали осужденных налево. В случае оправдательного приговора праведника под трубный гул торжественно уводили ангелы. Те души, которым было уготовано чистилище, немедленно становились бесплотными духами. Выглядело это так, словно они в мгновение ока испарялись и, издав слабый крик, уносились куда-то вверх.

При виде всего этого безобразия, Василий Харитонович в очередной раз испытал ужас и ощутил дрожь в коленях. Очень не хотелось, чтобы злобные существа увели его с собой – осужденные кричали и плакали, предчувствуя чудовищную участь. Но и испариться, став ничем, тоже было страшно. Он подался назад, намереваясь кинуться с холма. Но ангел и бес, ощутив настроение своего подопечного, подхватили его под руки.

– Все через это проходят! – шепнул крылатый юноша успокоительно.

– Без глупостей! – рыкнул рогатый. – Или я тобой в аду лично займусь!

Подошла очередь Василия Харитоновича. Судьи глянули на него сурово.

– Запиши, – повелел красномордый, – этого грешника направить в ад!

– Слишком суровое наказание, – не согласился ангел. – Чистилище, конечно же...

Они яростно заспорили, приводя в качестве аргументов факты биографии учителя литературы. Он только диву давался – откуда им все известно. Весь сжимался, когда слышал об очередном неблагоприятном поступке, и лелеял надежду, когда ангел принимался рассказывать о его благодеяниях.

«Господи! – взмолился про себя Василий Харитонович. – Прости и помилуй! Я исправлюсь! Непременно исправлюсь!»

– Черт с вами! – неожиданно буркнул краснорожий. – Забирайте в чистилище.

– В чистилище! – немедленно отозвался ангел.

– Это произвол! – выкрикнул бес, и осекся... – Простите, ваше темнейшество. – Юркнул в толпу и затерялся среди умерших и их сопровождающих.

Василий Харитонович почувствовал, как тело его становится невесомым, воспаряет над мраморным полом и тянется к небесам. Он хотел было обрадоваться новому, доселе неведомому ощущению, но в сознание словно вбили железнодорожный костыль – от яростной душевной боли преподаватель литературы едва не сошел с ума. И понял вдруг, что физические страдания ничто, в сравнении с невозможностью лицезреть бога. Он отчаянно закричал, уносясь в край очистительных мук и надежды.

Онтологическая иллюзия *2010 год от Рождества Христова*

Когда после длительной подготовки профессиональный киллер выходит на дело, он всегда на подъеме. Кипит насыщенная адреналином кровь. Мышцы – в тонусе, походка легка, будто не идешь, а паришь над землей. В мыслях – ничего лишнего. Только четкое следование заранее просчитанному до мелочей плану – вот залог успеха тонкой операции с неизменным смертельным исходом. Я не сомневался, что она пройдет гладко. А значит уже к вечеру я смогу сообщить заказчикам, что объект упокоен, а я готов получить причитающийся мне по праву гонорар.

Я пронесся по летнему городу, как предгрозовой ветер – стремительный и почти незаметный. Скользнул взглядом по объекту, и проследовал дальше – в подъезд, затем наверх на лифте, по лестнице на чердак... Я выбирал это место почти неделю, посетив его дважды, в разное время суток. Неожиданностей быть не должно.

Андрюша Счастливец расположился в летнем кафе. Очень неудачно для себя расположился. Впрочем, откуда капитану было знать, что его любимое кафе – удобная точка для обстрела? Агентура донесла – объект любит это дешевое заведение, проводит здесь несколько часов каждую среду. Сидит обычно за крайним столиком. В одиночестве. Судя по досье, общительностью он никогда не отличался. Даже пить предпочитал один. Что в народе, как известно, осуждают.

«Честный» мент заказал пару кружек пива, бутылку портвейна «777», и, закинув ногу на ногу, приготовился расслабляться, – таким же способом, какой используют для релаксации многие российские граждане, даже те, кто это дело осуждает.

А погоды стояли такие, что всякого, кто интересуется чем-то кроме личного дохода, непременно охватило бы упоительное чувство жизни. Солнце повисло ослепительной вспышкой в небесах настолько голубых, что их цвет казался неприличным. Прыгали воробьи, собирая с асфальта хлебные крошки и шелуху семечек. Юные девы спешили мимо Андрюши, цокая по асфальту каблучками. А счастливчик Счастливец, – тавтологичный, но при этом очень точный каламбур, – сидел без дела и никуда не спешил – потягивал с задумчивым видом пиво, да иногда поглядывал в небо, словно наблюдал за кем-то, кто оттуда наблюдает за ним, и следит, чтобы все у него было хорошо.

Облака стремительно пронеслись над головой мента и роняли тяжелые тени на кровельный скат старой крыши, где лежал я. Некоторые умеют получать удовольствие от самых простых вещей, думалось мне, а вот я давно уже разучился радоваться хорошей погоде, красоте природы, да просто тому, что живу. Меня прельщало созерцание совсем другой зелени и надежда, что когда-нибудь я отойду от дел – и вот тогда заживу по-настоящему, где-нибудь в Монте-Карло, или в Ницце. А может, на далеком австралийском континенте. Испытывая черную зависть, я смотрел на счастливого человека в оптический прицел винтовки Heckler-Koch G3 – мой любимый образчик снайперского оружия. Такие стволы на вооружении у бойцов НАТО.

Обзорность с крыши сталинского дома открывалась отличная. Андрюша Счастливец и предположить не мог, что напоминает вошь на лысине – и мне осталось лишь прицелиться и спустить курок, чтобы его прихлопнуть. Кафе находилось в спальном закутке тихого района, рядом с платформой «Маленковская». Людей здесь совсем немного, так что уйти будет несложно.

Счастливец отпил разом половину кружки, пригубил портвейн «777» из пластикового стаканчика. Сомнительный коктейль. Простого человека довольно быстро свернуло бы с копыт, но этот, – спасибо агентуре, все раскопали, – останется трезвым.

Следом за завистью явилась здоровая злость. Хорошо ему улыбаться. Пока одни строили жизнь – и наслаждались ею, других родная страна отправила в самое пекло – и душа их обратилась ядовитым облаком. Попробуй-ка относиться к жизни с любовью, если все время ожидаешь удара в спину. Сегодня заказали мента, а завтра пожелают избавиться от тебя самого. Трусом меня не назовешь. Но без здоровой паранойи выжить в звериных условиях российской действительности с моей профессией невозможно. Проще пересечь джунгли Амазонки с одним армейским ножом.

Некоторое время я наблюдал за славной идиллией, – Счастливец заказал еще пару кружек и ополовинил бутылку, – прицелился менту в грудь, перевел ствол выше – если повезет, попаду в середину лба. Редкая обзорность. С такого расстояния можно прострелить голову, да еще успеть всадить несколько пуль в туловище. Я уже совсем было собирался спустить курок, даже представил очень ясно, как опрокинется Счастливец, когда свинец толкнет его в черепушку, как вдруг послышалось хлопанье крыльев, и на винтовочный ствол сел белый голубь.

Я никогда не был суеверным, но в эту секунду у меня по спине пробежал холодок, и сердце екнуло. Я неловко взмахнул «Джеем», отгоняя птицу, непроизвольно спустил курок. Сухо щелкнул выстрел, в доме напротив раскололся и с диким грохотом осыпался, – будто бомба рванула, – двухметровый стеклянный витраж. Пронзительно завизжала не в меру впечатлительная гражданка в розовом платье.

– Вот черт! – выдавил я, отполз назад по неровному скату крыши и стал торопливо разбирать винтовку. Мне показалось, что надо мной гуляет эхо. «Вот черт! Черт! Черт!» – разногласицей. Сиплым шепотом и громогласными раскатами. Это что еще такое?! Неужели опять?! Я на мгновение остановился, прислушиваясь. Странный акустический эффект исчез. Должно быть, показалось.

«Заговоренный он, что ли?» – думал я, упаковывая части винтовки в ничем внешне не примечательный дипломат. Некоторые любят оружие камуфлировать в скрипичный или гитарный футляр. Знал я одного умельца, изображавшего из себя фехтовальщика. Очень, говорил, у них сумочки подходящие – вместительные и похожие на «одежду» для контрабаса. Однажды его с этой «подходящей» сумочкой и повязали. Опера попросили сыграть им на контрабасе «Наша служба и опасна и трудна», а он не смог...

Хотя в мистику я никогда не верил, в голову полезли самые разные мысли. Голубь, помешавший мне спустить курок, был не какой-нибудь сизой и безродной птицей, он был породистым и белый. С богатым оперением на толстых лапах. Крупная, упитанная, наглая птица. Будь моя воля, я бы продавал таких в турецкие рестораны. Откуда только он мог взяться?!

Я, наконец, убрал все детали винтовки в кейс, захлопнул крышку, щелкнул замками. И побежал по крыше к слуховому окну. Под ногой вдруг предательски хрустнуло, и в следующее мгновение я, так и не осознав толком, что произошло, провалился по пояс через жестяной настил и застрял в насквозь прогнившем деревянном каркасе старой крыши. Рванулся, силясь выбраться. Доски затрещали, и сломались.

Я вскрикнул и рухнул в кучи птичьего помета и перьев. Птицы обеспокоено заматались, издавая недовольное курлыкание. Сверху посыпались обломки досок и мусор. Я с трудом мог что-то различить в темноте, наполненной хлопающими крыльями, перьями и удушливой вонью. Сжимая заветный дипломат, я пополз в неизвестном направлении и уткнулся в запертую снаружи дверцу. Отошел назад, разбежался и ударил в нее плечом, но дверца только тихо хрустнула, но не поддалась.

Я огляделся, глаза привыкали к полумраку, к тому же, остатки проломленных мною досок осыпались, и сквозь отверстие на чердак проник косой солнечный луч. Неизвестный любитель птиц устроил под крышей голубятню. Судя по царящим тут ароматам и обилию помета, он никогда не убирал за птицами и приходил навестить пернатых друзей в лучшем случае раз в неделю. С противоположенной от дверцы стороны имелось окошко с закопченными стеклами.

Одно из них было частично выбито, через эту дыру голуби, очевидно, выбирались наружу. Во всяком случае, один из них – если бы понять, какой именно, я бы сразу свернул его маленькую шейку.

Я еще некоторое время побился в дверцу, но она была слишком крепкой, чтобы поддаться. Я оказался в ловушке. Придется снова собрать винтовку, понял я, и попробовать выстрелами сбить замок. Но кейс открыть так и не успел, снаружи вдруг послышались торопливые шаги, и в замке заворочался ключ. Дверь распахнулась, в глаза хлынул яркий свет. Любитель птиц притащил с собой мощный фонарь. Лишившись зрения, я, тем не менее, ринулся вперед. Меня ожидал сюрприз. Оказалось еще, с чердака на лестничную площадку верхнего этажа, ведет железная приставная лестница. Ослепленный, я выпихнул голубятника наружу, и вместе мы выпали вниз, рухнув с почти трехметровой высоты. Бетонный пол показался мне очень жестким. Я приложился об него левым плечом и коленом, взвыл от боли. Чемоданчик улетел к лестнице и загрохотал по ступеням. Мне хватило пару секунд, чтобы придти в себя, – сказывались многолетние тренировки. Затем я сгрел голубятника за ворот, – на меня пахло застарелым перегаром, – и, дав ему в ухо, отпихнул прочь. Не обращая больше внимания на алкаша, – как выяснилось через секунду – зря, – я заковылял к лестнице. Дипломат лежал на верхних ступенях. Я склонился, взялся за ручку, и в этот самый момент мне на плечи приземлился любитель голубей, и я сам толкнул закамуфлированную винтовку, причем, там неудачно, что она полетела вниз, минуя лестничные проемы, к самому входу в подъезд. Это было полбеды. Поскольку нападавший отличался крупным телосложением, а мое правое колено было отбито при падении, я не удержался на ногах, и мы покатались вниз. При этом я поминутно бился то головой, то локтями о ступени. Последний удар пришелся о радиатор отопления, так что от боли я едва не запел фальцетом... Но каким-то чудом увернулся от направленного мне в голову кулака, ударил неожиданно ловкого голубятника поддых, сведенные в замок руками опустил ему на затылок, коленом пихнул обмякшее тело. И услышал, как хлопнула подъездная дверь. Это означало только одно – моя винтовка в дипломате сейчас будет обнаружена. А на ней мои отпечатки пальцев.

В этот миг я впервые за всю карьеру киллера ощутил себя неудачником. И внезапно осознал, кто виноват в обрушившихся на меня неприятностях. Андрей Счастливцев. «Вечный мент», от которого даже самые опытные наемники предпочитали держаться подальше. А что если в подъезд вошел он сам?! Витрина разбилась, привлекла его внимание, он проследил направление, понял, откуда могли стрелять. И сейчас он, наверное, стоит там, у подъездной двери, и осматривает находку, расстегивая кобуру – с пистолетом объект не расставался никогда...

Лифт пришел в движение, а я побежал вниз, обращаясь с просьбой ко всем потусторонним силам, да хоть бы и к самому дьяволу, чтобы только тот, кто вошел в подъезд, не нашел дипломат. Попутно я пытался очистить одежду от птичьих перьев, но безуспешно. Я был весь, с ног до головы, заляпан птичьим пометом. Голубиные какашки стремительно застывали, делая невозможным избавление от перьев, превращая меня в ограбившего курятник бродягу.

Внизу не оказалось ни Андрея Счастливцева, ни кейса. Значит, его кто-то нашел, увез на лифте и сейчас звонит из квартиры в милицию, сообщает о том, что обнаружил в подъезде ствол. Разумеется, именно так и поступит законопослушный гражданин. Наряд приедет, обыщет дом, найдет полудохлого голубятника, черт бы его побрал, пролом в крыше, ведущий на чердак, позицию, откуда удобно вести стрельбу. Если мозгов у них хватит, то они будут искать человека, с ног до головы заляпанного птичьим пометом и перьями. Получат мое описание... Конечно, получают, ведь я непременно выйду из подъезда и пойду искать машину. На меня обратит внимание человек сто, не меньше. А я-то, дурак, наивно надеялся скрыться из этого района незамеченным... Потом они снимут отпечатки пальцев с винтовки, пробьют по картотеке. Сначала по своей, где я не числюсь. Затем по армейской. Они это обязательно сделают. Слнш-

ком много ветеранов подалось в криминальный бизнес. И все... Уже завтра у них будет мой портрет. Можно, конечно, лечь на дно. Сменить имя и фамилию. Или инсценировать гибель – погибнуть в перестрелке, сгореть в автомобиле, умереть от сердечного приступа в кресле дантиста. Специалисты имеются. Могут даже пышные похороны организовать и могильную плиту из белого мрамора. Но для меня это будет означать одно – надо начинать все с нуля. Прощай репутация. Прощай наработанная клиентура. Да и деньги, которые я регулярно кладу на банковский счет, чтобы однажды свинтить за бугор, начнут таять, вместо того, чтобы приумножаться, приближая тот светлый час, когда я, наконец, отойду от дел.

Решение пришло мгновенно. Я бросился вверх по лестнице. Попутно пнул пребывающего в отключке голубятника. Лифт стоял на пятом этаже. На лестничной площадке было всего четыре квартиры. Я позвонил сразу во все.

Если рекламные агенты и политические агитаторы могут позволить себе такую наглость, почему так же не поступить попавшему в серьезные неприятности наемному убийце?!

Одна из дверей приоткрылась. Я рванулся к ней, ударил в дверь плечом. Звякнула и натянулась цепочка. Женщина испуганно вскрикнула, попыталась захлопнуть ее у меня перед носом.

– Дипломат... – прохрипел я. – Ты! Сука! Дипломат отдай!

Позади щелкнул еще один замок. Я развернулся всем телом. На пороге другой квартиры стоял испуганный паренек лет десяти, с открытым ртом. В ярко освещенной прихожей на стуле лежал кейс. Мой кейс. Я в два прыжка преодолел лестничную площадку, втокнул паренька в квартиру, захлопнул дипломат.

– Отец дома?!

Он ничего не ответил, только хлопал испуганно глазами. Пришлось встряхнуть его хорошенько. И повторить вопрос.

– Никого нет, – наконец выдал он. – Только я... и... Цезарь.

– Кто?

– Собака.

– Собака?!

Собак я люто ненавидел. Но Цезарь, по счастью, оказался безобидным пуделем. Получил пинка и забился под диван.

А вот папаша у мальчика был непомерных размеров толстяком. Я вышел из подъезда в его парадном костюме, проклиная тот день, когда взялся за этот чертов заказ.

Первое, что бросилось мне в глаза, Андрей Счастливец. Не проявив не малейшего интереса к разбитой витрине и моей персоне, капитан сидел в том же летнем кафе и потягивал очередную – шестую, не иначе, – кружку пива. Перед ним стояла пустая бутылка портвейна «777». На меня неуязвимый мусор кинул полный безразличия взгляд и отвернулся. Его внимание привлекли симпатичные девушки в открытых блузках и коротких юбках.

И хотя ничто человеческое было ему не чуждо – я имею в виду пиво, портвейн и девушек – после досадного происшествия на чердаке мне стало казаться, что парень не от мира сего. Нет, не так – не из мира сего. Может, он и вовсе не человек. В самом деле, разве обыкновенному человеку может так везти?

Я стоял в каких-то тридцати метрах от него, одетый в мешковатый костюм не по размеру, и комкал лицо в гримасе ненависти. Мне хотелось подойти и ударить мерзавца кулаком в благообразную морду, чтобы он опрокинулся вместе со стулом – и больше уже не встал. Я буквально скрежетал зубами от злости, но, все же, сумел сдержать порыв. Настоящие профессионалы не поддаются низменным инстинктам. Будем чтить старинные традиции наемных убийц. Выдержка и еще раз выдержка. Все они сейчас, начиная с древних ассасинов и кончая современными коллегами по опасному бизнесу, взирали на меня с осуждением: «Не совершай

опрометчивых поступков, Вася! Будь спокойнее!». Голос этот я слышал так отчетливо, словно кто-то нашептывал эти слова мне прямо в ухо...

Я проехал пару остановок на электричке, вышел и поймал на площади трех вокзалов такси. Попросил водителя отвезти меня в центр. Он поинтересовался с нехорошей усмешечкой, где я раздобыл такой замечательный костюм. Парню хотелось пошутить, у него было хорошее настроение, и я немного его испортил, сообщив, что недавно сел на диету и результат – он может лицезреть, и кстати, ему бы не помешало тоже похудеть, ближе к зиме, ага, а то с такой мордой его голова не влезет ни в одну ушанку. От Красной площади на другой машине я доехал до дома. Хорошая и нужная привычка – замечать следы, даже если порой кажется, что это совершенно ни к чему.

Говорят, некоторые находят свое призвание еще в утробе матери. И как только появятся на свет, сразу тянутся к ремеслу. Будущий певец выводит ноту «ля-а-а». Будущий писатель, комкая в горсть мягкие, пока непригодные к писанине, пальцы, требует авторучку со стола и лист бумаги. А будущий киллер, надо думать, смекает, как бы получше накинуть удавку на шею старшего акушера. По мне, все это полный бред. Я осознал, кем стану, только попав на войну. В первом бою, во время атаки на блок-пост, когда пуля, выпущенная из моей винтовки, угодила боевику в область груди, и он, замерев на мгновение, словно вдруг узрел истину, исчез в воронке от взрыва.

После этого пару секунд мы лежали, не двигаясь, – я и палец на спусковом крючке. Я никак не мог придти в себя от внезапного наплыва новых ощущений. В мир, будто, плеснули ярких красок, и он, прежде тусклый, пастельно-серый, сделался радужным, наполненным богатыми цветами и звуками.

Так я обрел свое призвание, понял, как стану зарабатывать себе на жизнь. Винтовка стала моим продолжением. Я ухаживал за ней, как опытный любовник за юной девушкой. Регулярно смазывал детали, чистил ствол, проверял спусковой механизм.

Ничуть не покривлю душой, если скажу, что у нас были самые доверительные и страстные отношения, какие только можно представить. Таких не бывает даже у юных любовников. Скрепя сердце я решил отложить G3 до лучших времен и убрать заговоренного мента самым что ни на есть надежным, дедовским способом – чтобы ни червоточинки в лаконичном и очень четком плане. Когда лезешь с винтовкой на верхотуру, ждешь, пока появится объект, всякое может случиться. А бомба – она и есть бомба. От нее никуда не денешься. Жаль, у него нет своего автомобиля. Мне бы существенно облегчил задачу его водительский стаж. Я однажды взрывал кое-кого по спецзаказу. Начинять четырехколесных друзей взрывчаткой мне было не впервой. Я справлялся с этой задачей вполне профессионально.

Я немного покружил вокруг дома, где обретался «вечный мент». Нашел подходящую машину – старенький сорок первый «Москвич», от которого остались только дырявый кузов и колеса. Московские власти, по счастью, никак не могут заставить граждан выполнять закон о вывозе старых авто. А между тем, такая машина – замечательная оболочка для тротиловой бомбы. Если рванет, каждый подшипник по шарикку разлетится. Винтики, как пули, будут свистеть. А кузов метров на пять взлетит и там сложится.

В общем, я постарался на славу, чтобы ни одной заговоренной роже не уцелеть. Пришел к его дому ночью, со спортивной сумкой через плечо. Видения продолжали меня преследовать, но я с ними свыкся. Да и они тоже, увидев, что мне нет никакого дела до кружащих вокруг хоровод теней, выглядывающих из всех щелей страшных морд и прочих искажений привычной реальности, стали высовываться все реже. Никому не приятно, когда тебя игнорируют. Даже галлюцинациям.

Я вскрыл капот, затем багажник, сделал вид, что очень озабочен состоянием двигателя. Прохожие не обращали на «владельца» старой машины никакого внимания – тем более что

одет я был весьма неприметно. Приладил механизм куда следует и как следует. Домой летел на крыльях, пребывая в отличном настроении. Даже мелькающие в небе летучие мыши и ничего не отражающие темные, словно нефтяные, лужи не смогли уничтожить хорошего настроения. Пока все шло просто замечательно, в четком соответствии с планом. Дело за малым. Придти на место утром. Как только увижу, что объект шагает мимо заряженного автомобиля, нажму на заветную кнопку – бабахнет на весь район, только его и видели... жильцы верхних этажей, он пролетит мимо них по уверенной вертикальной траектории. Прямо к боженьке в объятия. А я скажу: «Спасибо, Тринитротолуол!» и отправлюсь за второй половиной гонорара – потому что заслужил.

Должен признаться, к тому времени я так проникся мистикой, что даже сходил в церковь, где не был лет эдак десять – поставил менту свечку за упокой. Может, поможет?

Вот теперь можно будет спокойно вздохнуть, думал я, выходя из церкви, вот теперь-то точно ему конец. На пороге споткнулся и рухнул плашмя на мостовую. Отбил всю морду о камни. Верующие ко мне кинулись, подняли на ноги, отряхивают. Возле храма люди всегда добрые и отзывчивые, не то, что в других частях родного города. А я стою столбом, сообразить не могу, где нахожусь и что, собственно, происходит. Вроде бы, только что была середина июля, и праздников в России не намечалось, так откуда же в небе этот веселый разноцветный салют?! Только через пару минут стал в себя приходить. Гляжу, а крови-то, крови. Нос расквасил, подбородок разбил – он у меня заметно выдается. Во всяком случае, выдавался до этого инцидента. Как зубы не выбил – удивительно даже. А вокруг меня уже целая толпа собралась, обсуждают, надо ли скорую вызвать или мне уже ничего не поможет.

– Я в порядке, в порядке, – забормотал я, и, расталкивая толпу, попытался скрыться.

Только скорой мне не хватало. Я направился к метро, а люди за мной двинулись, как на крестном ходе, увещевали остаться, не хотели отпускать, думали я пребываю в шоке. Так и тащились следом, пока я не развернулся и не гаркнул на всю улицу:

– А ну нах!

Рассосались. Только поворчали с осуждением, что вот, дескать, мол, какой хам. О нем проявляют заботу, а он...

Пока ехал в метро, народ на меня сочувственно косился. Еще бы. Морда вся распухла. Рубашка в крови. Сразу видно, досталось парню. Отсыпал боженька от щедрот. Вот всегда со мной так. Когда физиономия в порядке, не замечают. Стоит только на морде нарисоваться фингалу или повреждениям посерьезней, вот как сегодня, жалеют, будто я им родной.

Я хмурился и глядел в пол. И тут мне показалось, будто кто-то ко мне склонился и быстро зашептал в ухо: «Молодец, все правильно сделал...». Я даже обернулся. Никого. «Все правильно, молодец. А морда, что?.. Морда – тьфу. Заживет морда».

– Кто это?! – выкрикнул я. – Кто это со мной разговаривает?!

У сердобольных пассажиров вытянулись лица, они поспешили отойти от сумасшедшего подальше. Я же яростно озирался. Но так и не узрел никого, кто мог бы со мной говорить. Разве, что вот этот лысый толстяк, притворяющийся спящим?

Я наклонился, ухватил мужика за ворот.

– Это ты со мной говорил?!

– Что-о... – Дыхнул перегаром толстяк. – Ты чего, паря?

Голос у него оказался пронзительный, почти фальцет.

– Ничего, – я выпустил ворот, брезгливо отряхнул руки.

И за что мне такое? Что у меня с головой?! Что, черт побери, вообще происходит, если стойкий профи не может выполнить заказ по такому простому объекту?!

А на выходе из метрополитена меня обругала странная тетка.

– Таких, как вы, молодой человек, – выкрикнула она, – надо изолировать от общества и лечить электрошоком!

Ошарашенный неожиданным нападением, я даже не нашелся, что ответить. Пробежал мимо, трогая ушибленную физиономию. А после долго думал, с чего это тетка на меня взъелась. Пришел к неутешительным выводам – со мной что-то не так. Стоит задуматься, если случайные прохожие на тебя кидаются с подобными заявлениями.

«На тебе печать зла, – шепнул тот же злополучный голос за левом плечом, – некоторые это чувствуют!»

На сей раз, я даже оборачиваться не стал, только ударил себя кулаком в лоб – может, мозги встряхнуться и встанут на место. Не помогло. До самого подъезда меня преследовали тени, перебежали дорогу черные кошки, и голос вкрадчиво шептал в уши, что я все делаю правильно.

Вечером включил телевизор: посмотреть новости, послушать любимого психолога. И сразу наткнулся на репортаж: «Силами сотрудников милиции обезврежено самодельное взрывное устройство...» Показали Андрея Счастливецва. Он невыразительно поведал, что, дескать, старый автомобиль сразу привлек его внимание, чем-то показался ему подозрительным, и он решил проверить жестянку на предмет взрывных устройств – под капотом нашел бомбу, вызвал саперов. Потом большой начальник, хлопая пронизательного сотрудника по плечу, сообщил, что принято решение о предоставлении Андрея Счастливецва к награде, медали «За отличие в службе».

Нервы у меня совсем расшалились. Вытянул руку – дрожит. Никогда раньше за собой такого не замечал. Таблеткам я не доверял. Но есть же народное средство борьбы со стрессом. Правда, пить я себе всегда запрещал. Но это тот самый случай, когда стоит нарушить правила.

Побежал в ближайший гастроном. По закону подлости, все магазины в округе оказались закрыты. Какой-то невзрачный субъект, чье лицо я не запомнил, продал мне на углу шесть бутылок портвейна номер «13». Никогда не пил портвейн. А этот неожиданно хорошо пошел. Посидел, почёкался с собственным отражением, не только нервы подлечил, но и уважил известную расейскую традицию: по любому важному поводу обязательно надо выпить – и тогда все сложится, все уладится, все пойдет, как по писаному. С непривычки надрался так, что стены закачались, и пол заплясал. А в результате, вместо спасительного успокоения меня охватил необъяснимый страх. Да еще стало казаться, будто за мной кто-то неустанно следит. Я услышал в коридоре подозрительные шорохи. Подошел к входной двери, припал к глазку. А там... толпа. Все, кого я убил за долгие годы своей кровавой карьеры. Стоят с серыми лицами, смотрят, ждут чего-то. И среди них Кристина...

Я очень постарался стереть все воспоминания об этой девушке. Слишком больно было думать о ней. Ясное дело, она мне привиделась. С чего бы ей заявляться ко мне в компании мертвецов. Ее-то я не убивал. Жива-живёхонька. Скорее всего...

Наверное, когда сходишь с ума, все, что накопилось в сознании, проецируется в реальность вполне зримыми галлюцинациями. Если бы это была прежняя Кристина, я бы, может, и обрадовался такому приятному, хоть и иллюзорному гостю, но эта девушка разительно отличалась от той, что я знал. Злое лицо, тонкие губы, и волосы оттенка воронова крыла. При мне они были каштановыми. И глаза у той, моей, Кристины были добрые, даже ласковые. Особенно поначалу, когда наши отношения только начинались.

– Пошли прочь! – выкрикнул я, испытывая состояние близкое к истерике. Отшатнулся. Сейчас бы пулемет. Я бы открыл дверь и всех покосил. Только вот беда. Они же уже мертвы. Что толку всаживать в них пули, если не можешь причинить им никакого вреда. Пьяный бред, осознал я...

Когда первоначальная паника немного отступила, я осторожно подкрался к двери, боялся, что ее вот-вот вышибут, выглянул в глазок. Мертвецы никуда не убрались, только придвинулись еще ближе, прямо к дермантину, и тяжело дышали, вывалив синие языки. А впе-

реди всех мой самый первый, с окровавленной грудиной, пробитой пулей. А в глазах такая вселенская тоска, что, кажется, сейчас завоет. И слезы по щекам все текут и текут. Шепчет: «О душе твоей загубленной плачу».

Тут у меня совсем нервы сдали. Я ринулся к столику, где стояла полупустая бутылка, налил полный стакан портвейна до краев и залпом выпил. Прислушался к ощущениям к себе. Сначала ничего не происходило. Потом комната качнулась, поплыла, в зеркале возникло мое отражение, погрозило пальчиком. Все остальное помню, как в тумане...

Внезапно с грохотом распаивается входная дверь, слетает с петель, и мертвецы, сохраняя тягостное молчание, бредут ко мне. И, не дойдя всего пары шагов, рассыпаются в прах. Потом начинает раскачиваться абажур под потолком, отбрасывая причудливую тень на стену. Тень эта обрисовывает очертания крылатой фигуры с мечом...

Комната завертелась, будто я сидел в кабине аттракциона из Парка Горького, я почувствовал, что падаю... падаю... падаю... и мир померк.

Мне снился блок-пост и самоуверенный дедушка по имени Ваня, которому я чем-то не угодил. Я потом забил его камнем, когда пошли в ближайший кишлак за спичками, и сбросил в обрыв. Руки тряслись несколько дней. Все казалось, дознаются. Не дознались. Через неделю почти весь блок-пост расстреляли боевики. А тех, кто выжил, командование вывезло, поспешно наградило и комиссовало из доблестных вооруженных сил.

Сон вышел однообразным. Ваня стоял за дверью и следом за убитым боевиком как заведенный повторял: «О душе твоей загубленной плачу... О душе твоей загубленной плачу... О душе твоей загубленной плачу».

И хотя я кричал и стонал во сне, но, по крайней мере, этот сон не был похож на все остальные. Последнее время мне снилось одно и то же. Ревущее пламя. Человек отчаянно кричит, сгорая заживо. Я приближаюсь, чтобы рассмотреть его, и понимаю, что это я, превращенный в угли, испытывающий невыносимые страдания, и все еще живой... Я просыпался в горячке, на мокрой от пота постели и долго еще в ушах звучал иступленный вопль. Горло порой саднило после очередной ночи, проведенной в плену ночного кошмара, и я понимал, что своими криками наверняка пугаю соседей.

У соседа шумят, понял Пал Палыч Криволапко, в прошлом геодезист и большой ученый. Странные шорохи за дверью очень не понравились Пал Палычу. Как всякий тихий алкоголик, он не любил, когда шумели. Сосед Вася впечатления человека пьющего не производил, но Пал Палыч по себе знал, как обманчива бывает внешность. Пьет по-тихому, за закрытыми дверями, считал Криволапко. Людей она давно уже подразделял по простому ранжиру – пьет, не пьет. Если не пьет, значит, субъект подозрительный. И вообще, сволочь. Если пьет, значит, несчастный. Но с душой. Хотя тоже сволочь, чего там. Насчет человечества в целом и каждой личности в отдельности Пал Палыч давно не питал никаких иллюзий. Соседа он определил во вторую категорию. Сильно злился, что тот не желает разделить с ним застолье. Хотя предлагалось неоднократно. «Брезгует, гад, – думал Криволапко, – а я за него кровь проливал». Ни на какой войне он, конечно, не был, а под пролитием крови подразумевал героическое донорство. Раньше, если очень нужны были деньги, на опохмел души, или просто гостей принять, Пал Палыч шел, как он сам говорил, «навстречу медицине». Кровь Криволапко сдавал регулярно, пока внешний вид позволял. Но однажды ценную жидкость из организма брать отказались. Прогнали пьянчугу взашей. Хоть он и кричал на медсестру и даже замахнулся костылем. Не было в докторях христианского сочувствия к страждущим. А было одно только стремление – накачать побольше свежей крови из молодых, сильных и непьющих тел.

«Упыри!» – привычно ругал их Пал Палыч. Порой ему представлялось, как кто-то из людей в белом халате прикладывает к пробирке с кровушкой и пьет ее, причмокивая ярко-красными от переизбытка гемоглобина губами.

Выпить хотелось мучительно.

«Когда-то я же умел останавливаться», – подумал Криволапко, и в душе его возникли светлые картины из юности, писанные маслом нетрезвых воспоминаний. Пару стопок водки, и ему начинало казаться, будто он воспарил над толпой, его посещало такое изумительное остроумие, что он всех окружающих без исключения разил словом метким и злым. И руки тогда не дрожали, и душа не сжималась в истерике, мучимая экзистенциальным ужасом существования. А теперь едва не допился до белой горячки. И во снах к нему является бледная алкогольная ведьма-зависимость. «Ну, что, Пал Палыч, – говорит ласково, – пропил стоп-кран?»

Криволапко снова припал к глазку. На лестничной площадке происходило что-то совсем уже жуткое...

– Delirium tremens ⁹, – шепнул чей-то вкрадчивый шепоток в самое ухо, и Пал Палыч вскрикнул. Сердце застучало неестественно громко. Он и слов-то таких не знал.

– Кто здесь? – спросил он.

А за дверью продолжали шевелиться странные людишки – все пообтрепанные, лоскуты кожи свисают с кистей рук и черепов, с тоской в кровавых глазенках и всё скребут-скребут ногтями соседскую дверь.

«Может Хелловин наступил, – подумал Криволапко с надеждой – видел недавно сюжет по телевизору, – вот детишки и балуются». Снова припал к глазку.

– Ох, не наш это праздник, – проговорил убитым голосом, – не русский. Заграничный. Дурной.

Маскарадные костюмы внушили ему такой острый приступ страха, что он едва не опорожнил кишечник. С пищеварительной системой в последнее время было неладно. Однажды вышел в магазин за парой «белых», да и не дошел. Если бы его организм к тому времени не пропитался бутылкой портвейна «13», так и умер бы от стыда. А так ничего. Только прохожие носы отворачивали.

В дверь вдруг вкрадчиво постучали.

Только этого не хватало. Пал Палыч попятился и сел на пол. Затаился. Авось, пронесет.

Стук повторился. На этот раз звучал настойчивее. Криволапко даже послышался вкрадчивый шепоток:

– Открывай!

– Никого нет дома, – проговорил он едва слышно, на что последовал незамедлительный ответ:

– Я тебя слышу!

Потом в дверь ударили, да так что замок тут же дал слабинку – железный язык треснул и отломился. Створка распахнулась, и на пороге возникла полуголая красotka – выпрыгнула, как черт из табакерки. Черный бархатный плащ ниспадал до пола. Между полами видна была полная грудь с бордовыми напряженными сосками и плоский живот с глубокой впадиной пупка. За спиной девицы маячили безобразные ряженые, празднующие нерусский праздник Хелловин. Но войти в дом не пытались, все больше толпились возле квартиры соседа. Пал Палыч от неожиданности грохнулся на задницу, спиной уперся в стену. Облизал сухие губы, – неимоверно хотелось выпить, – прищурился, приглядываясь к визитерам, и обомлел – таких маскарадных костюмов ему видеть еще не приходилось. Натуральная жуть.

⁹ Delirium tremens (Горячка белая) – психоз, возникающий при хроническом алкоголизме, основными симптомами которого являются: беспокойство, тремор, сильное потоотделение; а также яркие и ужасающие зрительные и сенсорные галлюцинации, в которых часто присутствуют животные и насекомые.

– Вы... вы кто? – задыхаясь от волнения, проговорил Криволапко. – Да неужто все это наяву?! Господи!

– Одни надеются на Господа, – заметила черноволосая девица наставительно, – другие на то, что бога нет. – И вдруг извлекла из-под плаща полусерп турецкого ножа. Пал Палыч начал подниматься с пола, предчувствуя страшное, когда она ударила его под подбородок – резко и неожиданно. Криволапко булькнул, схватился за поврежденное горло обеими руками и повалился на линолеум, забрызгивая кровью бумажные обои в мелкий желтый цветочек.

Девица хихикнула и направилась в комнату. Здесь она провела совсем немного времени, осмотрела пустые книжные полки – всю библиотеку хозяин квартиры давно пропил, схватила пустую бутылку и запустила в сервант, распахнула створки окна и выпрыгнула в ночь.

Наслаждаясь полетом, она неслась над ночным городом, и бархатный плащ развивался у нее за спиной. Ей нравилось быть ведьмой и ощущать себя почти всесильной.

Пробуждение мое было ужасным. Я лежал щекой на чем-то твердом. Неестественно вывернутая кисть руки затекла и при первом же движении отозвалась болью. Открыл глаза, и в первое мгновение никак не мог сообразить, где нахожусь. Я бы не удивился даже, если бы оказался в аду. Потом понял, что вижу доски родного ламината. Подавляя рвотные позывы, с трудом встал на корточки. Напиться в стельку, да еще тогда, когда имеешь дело с таким сложным заказом. Такое со мной случилось впервые. Но, с другой стороны, мне нужна была разрядка. Все эти кошмарные видения... Мистика, от которой хотелось бежать куда подальше...

Входная дверь оказалась на месте. Но в ней было вырезано несколько странных символов – перевернутая звезда, крест, свастика в обратную сторону, и торчали два кухонных ножа. Они, по всей видимости, и послужили инструментами для подобного вандализма. Увиденное меня порядком раздосадовало. Выходит я, пребывая в плену галлюцинаций, могу натворить все, что угодно. Даже начертать странные символы, явно мистического характера.

Пока я брлся, жужжащий над ухом комар не давал мне покоя. По зеркалу ползали здоровенные жуки-носороги. Плитка в ванной вся растрескалась и местами обвалилась. Еще я слышал бесконечные бормотания. Но поскольку я уже понял, все это происходит лишь внутри моей головы, то постарался не обращать на эти скорбные обстоятельства моего нынешнего бытия никакого внимания.

Я взял со столика ключи от машины, документы. По городу я перемещался на старенькой красной пятерке, не привлекающей лишнего внимания, – возьмите на заметку, именно так выглядит идеальная машина для наркокурьера или киллера.

В боевиках часто показывают, как герой ведет стрельбу, высываясь из окна автомобиля, мчащегося на полном ходу. Метко простреливает шины преследуемой машины, да еще умудряется ухлопать водителя. На деле, стрелять на ходу очень неудобно. Да и потом, для профессионала всегда существенна возможность произвести контрольный выстрел. И все же, я принял решение разобраться с объектом, нагнав его на автомобиле. Счастливец обычно возвращался с работы поздно, уже в сумерках. Воспользуюсь пистолетом «АПБ», на основе Стечкина.

Люблю эту простую, незатейливую машинку. Для бесшумной стрельбы – самое то, что нужно. При желании из него можно даже стрелять очередями, достаточно прикрепить к рукоятке проволочный приклад с плечевым упором. Однажды эта полезная особенность конструкции спасла мне жизнь. Преследователи решили, что я вооружен чем-то вроде автомата «Калашникова», и решили в драку не ввязываться. Пока думали, что да как, я ушел дворами.

Между прочим, некоторые мои коллеги по опасному бизнесу любят оригинальничать в выборе оружия. Просто потому, что большинство из них – больные на голову придурки. Один душегуб из Питера, к примеру, предпочитал на шею жертве набрасывать рояльную струну. Не то чтобы в подобной жестокости была необходимость. Мог бы и просто пристрелить человечка. Просто он считал, что так надежнее. В конце концов, его самого придушили струной дружки покойного. Другой, большой любитель истории, использовал спортивный арбалет. Когда его взяли, то никак не могли поверить, что такого расстояния можно так точно вести стрельбу, да еще успеть за столь короткое время сделать несколько выстрелов. Но на следственном эксперименте парень продемонстрировал такое мастерство, что ему сразу же дали пожизненное. Третий предпочитал забивать жертву молотком. Тот еще садист.

Все они мелко плавали. Для наемника, работающего по крупным объектам, лучший инструмент – снайперская винтовка, взрывчатка и пистолет.

Когда иду на дело с оружием, первым делом пишу заявление о находке. Мол, нашел ствол, иду в ближайшее отделение милиции – сдавать. С этой бумажкой можно на совершенно законных основаниях разгуливать по городу с огнестрелом. Но лучше, конечно, не попадаться...

Оставив свою машину в одном из переулков, я вышел на шоссе. Поднял руку. Сразу выстроилась очередь подрабатывающих частным извозом. Я выбрал неприметный ИЖ, сел на заднее сиденье. Водитель ничего не заподозрил, покрутил радио, настроился на любимую радиостанцию и нажал на газ...

– Вот здесь сверни, – попросил я, когда мы проезжали поворот на один из строительных рынков. За ним была неприметная роща и весьма примечательная свалка, растущая день ото дня. Как только мы оказались в непосредственной близости от нее, я ткнул водителя стволом в затылок. – Туда сворачивай.

Он послушно крутанул руль.

– Теперь тормози.

– Парень, чего тебе?..

Я ударил его рукояткой пистолета. Он сразу повалился на руль и затих. Я вытащил владельца моего нового транспортного средства с водительского сиденья и загрузил в багажник. Можно было ехать к объекту, не опасаясь, что милиция задействует план «перехват». Из багажника водителю будет непросто пожаловаться на меня в органы. Главное, изъять у него мобильный телефон. А то придет в себя и начнет трезвонить в 02: «Помогите, я в багажнике собственного авто. Меня похитили». Оно мне надо?..

Я всегда использовал чужие машины, если требовалось замести следы. С моей стороны было бы большой глупостью совершать убийство на своем авто. Моя красная пятерка еще мне пригодится – чтобы скрыться от преследования, например...

Около двух часов я сидел в украденном ИЖ-ике, рядом с отделением милиции. Когда Счастливец, наконец, завершил все свои дела и вышел из здания, я медленно поехал следом.

Он поравнялся с автобусной остановкой...

Я собирался подъехать, окликнуть его, чтобы остановился, сделать несколько выстрелов, выйти из машины, завершить дело контрольным в голову. И сразу же запрыгнуть обратно в авто. Пока мирные обыватели сообразят, что к чему, меня уже и след простынет.

Я приостановился, проверил пистолет, вставил на место магазин. Взялся за руль правой рукой, зажав ствол в левой, опустил стекло.

Объект остановился у палатки, купил бутылку пива, распечатал ее, приложился. Ничего не подозревая, направился дальше, в сторону дома.

Я нагнал его в считанные секунды. Крикнул: «Эй!» и вскинул руку. В ту же секунду он метнулся в сторону, уходя с линии огня. Одновременно он швырнул в меня пивной бутылкой. Я успел нажать на курок, – спасибо рефлексам, – но пуля ушла в молоко. Зато бутылка угодила точнехонько мне по мордасам. И раскололась с противным звоном – он еще долго звучал у

меня в голове, не меньше часа. Только чудом я не лишился сознания. Но был порядком контужен. Весь в крови, в пиве, левый глаз вообще ничего не видит, но руль чудом удержал, машину вывернул, едва в бэу не впечатался на перекрестке. Свернул за угол, проехал метров сто и остановился. В зеркало уставился – морда распухает со стремительностью надувного матраца с автоматическим насосом. Левый глаз превращается в узкую щелку, как у старика Мао – поразительное портретное сходство. Хорошо хоть правый так же яростно и широко на мир смотрит. Да уж, ярости мне в этот момент было не занимать.

Тут меня словно кто-то за язык дернул.

– Будь ты проклят! – кричу что было сил. Выскочил из машины, разорался, руками размахиваю, и вдруг надо мной громадная крылатая фигура проступает. Смотрит на меня так, словно я заслужил кару небесную. И извлекает из-за широченного плеча громадный меч. Я попятился, но он не дал мне уйти. Как рубанет клинком со всего маху, аж вжихнуло. Я только и успел голову в плечи вжать и зажмуриться.

«Надо же, как быстро, – одобрительно подумал. – И совсем не больно. Знали бы все те, кого я пришил, что умирать так легко, меньше бы цеплялись за жизнь».

Открыл глаза. Никого. Только в воздухе странное мерцание, какое бывает после салюта.

Гляжу, а ко мне постовой спешит через улицу, за кобуру держится, и вид у него очень решительный...

Я в машину запрыгнул, пока меня снова галлюцинации не обуяли, дал по газам и уехал. Авто через пару кварталов бросил – засветилось. Багажник предварительно открыл. Не то, чтобы водителя было жалко... Просто, кто мне за него заплатит? А бесплатно я не работаю.

Ушел через парк, прикинулся алкашом. Иду, пошатываюсь, морда разбита – а на выходе патруль дежурит. Отвезли в вырезатель. Только утром отпустили – хоть и протрезвел почти сразу после задержания, и требовал медицинского освидетельствования – дескать, не пил – все равно оформили протокол нарушения правил общественного порядка и штраф.

Второго, ровно в полдень, позвонил какой-то тип. Представился заказчиком. Голос у него был злым.

– Почему тянешь?! – говорит, и через паузу: – Почему тянешь, я спрашиваю?

Как будто я волшебник – заговоренного мента за пару дней грохнуть.

– Все путем, – отвечаю, – делаю все, что в моих силах...

– Значит мало их у тебя, – вконец охамел незнакомец. Тут я чуть было с ласковых интонаций на яростный рев не перепрыгнул.

– Сил у меня, – рявкаю бульдогом, – на всех хватит. И на тебя тоже, гнида!

– Но-но... Гляди, как бы не пожалеть о своих словах.

– Ты мне что, угрожаешь?! Были уже такие. Угрожали. Запугивали. Даже не знаю, куда их кости вороны занесли.

– Да, ладно тебе, – голос в трубке немного помягче сделался, его обладатель нутром почувал, что грубить мне не стоит, – ты там не очень-то. Я тут, вообще, не при делах. Думаешь, я главный в этом деле? Нет, не я. Сказать, кто заказчик?

– Плевать мне, кто заказчик. Дело сложным оказалось, требует особой подготовки. Ясно?

– Не совсем, – голосок у незнакомца дрогнул, я эти боязливые интонации за километр чую – не зря мне такой жизненный опыт достался.

– Знаешь что, друже, – тут меня буквально прорвало, – я по жизни, – говорю, – много разных людей видел, но ни разу так не случилось, чтобы кто-нибудь так нагло со мной разговаривал – и потом долго и счастливо жил... И вообще, заказец странный, ты не находишь? Ты, друг мой, знаешь, сколько на этом объекте моих коллег рога пообломало? Или лезешь в бутылку, не обладая даже достаточной информацией?!

Моя тирада произвела должное впечатление. Он помолчал. Только сказал напоследок:

– Поторопись.

И отключился. Видно, ждал от меня очередной грубости.

Тут у меня нервы не выдержали, и я засветил мобильником в стену – с такой силой, что только обломки полетели.

Сами бы попробовали по такому клиенту поработать. Я ж после каждой попытки мусора пришить на волосок от смерти. Только чудом жив остался.

Ну, ничего, мы еще поборемся. Посмотрим, кто кого.

Самые простые поступки приводят порой к наиболее ощутимым результатам. На этот раз я решил действовать наверняка – никакой изысканной фантазии, никаких оригинальных идей, четкое следование плану. Я отправился к объекту на дом, с гостевым визитом, захватил с собой взрывчатку в аккуратной розовой обертке. Такие подарки наша фирма дарит только самым дорогим клиентам. Заслуженный презент. Иного мнения быть не может. Аккуратно вскрыл квартиру, чтобы ненароком не побеспокоить соседей, и стал прилаживать гостинец. Вот тебе, мент, тротила под левую ножку, и под правую немножко. Так оно вернее будет. Растяжка получилась отменная, как иллюстрация в учебнике юного взрывника. Дверку прикрыл. И поспешил на наблюдательный пункт – в дом напротив. С крыши открывался отличный вид, лестничная площадка в армейский бинокль просматривалась замечательно. По моим расчетам, дома он должен быть около восьми вечера. Самое время ему было появиться. Скоро, очень скоро он бодрой походкой прошагает к подъезду, поднимется по лестнице на четвертый этаж – в таких хрущобах лифтов не бывает, распахнет дверь – и грянет салют победы, унося с собой большую проблему в лице опера Счастливецва.

Несмотря на то, что каждый вечер в восемь часов он был дома, в этот раз мент отчего-то задерживался. Скорее всего, по закону всемирной подлости. К восьми тридцати я окончательно задубел – как назло, в Москве сильно похолодало. В принципе, я бы мог покинуть наблюдательный пост, и узнать из газет о трагической гибели московского милиционера, но уж больно мне хотелось удостовериться в том, что в этот раз все точно выгорит.

В девять часов я начал волноваться. Все, думаю, не выдержал кто-то более удачливый ментовской экспансии и пришил Андрюшу Счастливецва, чтобы он солидным людям глаза не мозолил. Наблюдал я – наблюдал за заминированной квартирой и не выдержал. Решил осмотреться на месте. Вдруг он куда-нибудь уехал? Да не на день-два, а на целый месяц. Положил я полевой бинокль в сумку, оставил наблюдательный пункт и побежал к его дому. Замочком щелкнул – ключики у меня давно были сделаны. Они же изгатавливаются элементарно, по слепкам. Ловушку разряжать не стал, просто придержал проволочку, перешагнул аккуратно, и вошел в квартиру.

Обычное место холостяцкой дислокации, на первый взгляд ничего особенного, хотя типичного беспорядка для квартиры, где обитает одинокий мужик, не наблюдается, только возле холодильника стоит целая батарея бутылок из-под портвейна «777». Да еще повсюду разложены радиолампы. На серванте их было не меньше ста.

Тут я вспомнил, что надо торопиться, не дай бог вернется объект. Стал в бумажках на столе копаться. Но ничего ценного не нашел, только, смотрю, в блокнотике аккуратно так написано на последней страничке: «Руссо-тур», и размашисто: «Сочи». У меня аж упало все. Решил, значит, «вечный мент» здоровье поправить. Дилемма получается, если он уже уехал, что же мне, за ним на юга чесать? Или остаться в Москве, дожидаться его и слушать нравоучения заказчика? А заказчик нервничает не по-детски. Вот и выходит, что придется мне тоже в Сочи ехать. Я еще немного покумекал и решил все разузнать подробнее – может, он не сам в Сочи едет, а для кого-нибудь путевки оформляет. Иначе мне мои агенты непременно донесли бы. Хотя, с них станется, могли и упустить важный факт – работают-то, как самые обычные менеджеры, за зарплату. Хотя Владик мог бы и расстараться. В крайнем случае, решил я, поеду

вместе с ним. Утоплю его в море. Столь изящное избавление от объекта наверняка неплохо повлияет на мою профессиональную репутацию. Многие после этого станут мне только такие заказы поставлять: «И, пожалуйста, пусть он утонет в море. Вот ваш билет на самолет в Турцию». Мне представилось, как Счастливец будет медленно погружаться в бездну, словно бедный художник с «Титаника».

Блокнот со стола я на всякий случай прихватил. Там много всего полезного может быть. Полистаю на досуге, может, телефончик какой интересный отыщется – и он сам ко мне прибежит, чтобы дорогого его сердцу человечка из беды выручить. А может, будет в той книжке адрес отдаленной местности, где он бывает по делам, и где его можно наверняка шлепнуть без свидетелей. Вдруг, он, к примеру, имеет привычку посещать сельский клуб, и топает до него от электрички пару километров по бескрайним полям и лесам Подмосковья. Вряд ли, конечно, – мне бы уже доложили о таком замечательном увлечении.

Дай-ка, думаю, я еще по шкафам пошарю – глядишь, найду что-нибудь путное. Тут на крыле соседнего дома дамочка вышла белье вешать. И почти не одета, зараза, в одной маечке драной, с надписью «МВД России». Вот бы мне тогда на маечку эту внимание обратить, это же знак был свыше, хоть и давали квартиры в этих домах только сотрудникам внутренних органов, но верю я, что это знак был, божественное, так сказать, предупреждение – остерегись Вася Кулаков, не надо, но я тогда на это внимание не обратил... Гляжу, как она вытягивается вся, и сосочки сквозь майку отчетливо просвечивают, и млею, а сам руку в нижний ящик стола засунул и шарю там, шарю... Вдруг КЛАЦ!!! – и я тут же рассудка лишился. Орал так, как никогда в жизни. На этот вопль все ментовские жильцы должны были бы сбежаться, поэтому я пасть захлопнул и медленно руку из ящичка потянул, а на ней, мама моя родная, капкан висит.

Что же он за изувер такой, думаю, если открытые капканы по всему дому ставит. А у самого глазки уже закатываются от боли. Не знаю, как сознание не потерял. Вспомнилось почему-то некстати, что попавшие в капкан звери частенько напрочь себе конечность отгрызают и ломятся через лес в поисках спасения. Но я же не зверь, человек, все-таки! Стал я эти стальные челюсти разжимать, а они не поддаются, только скрипят, а кровушка капает, капает, капает... Тут мне уже не до конспирации стало.

Раненым зверем ломанулся к выходу, дверь распахнул, шагнул. Слышу краем уха – шелкнуло внизу. Только тут я все вспомнил и понял, что настали мне кранты. Оттолкнулся что было сил, сиганул к лестнице и покатился, словно на велосипеде с квадратными колесами, мордой по ступеням, а сзади как вдарит, да как швырнет меня взрывной волной прямо в окошко. Так я через него и вылетел на улицу с третьего этажа. Совсем бы мне плохо пришлось, но на втором этаже меня, по счастью, встретил очень твердый козырек. Я только охнул, когда на него упал. Замолчал минут на пять. Не то чтобы говорить или шевелиться не мог. Все куда хуже обстояло. Такое чувство, будто я уже в аду, и веселые черти меня на сковороде переворачивают стальными трезубцами. Потом что-то во мне наладилось, и я залопотал по-детски.

– Гу... гу... гу... – говорю.

Очухался. Вокруг никого. Я лежу на козырьке, и только вдалеке какая-то сурово настроенная гражданка на меня с подозрением шурится. Еще бы ей не шуриться. Не каждый день из окон люди выпадают. Я понял, что надо срочно делать ноги.

Сам не помню, как дополз до края, как перевалился через него, приземлился на ноги. Как заправский парашютист, повалился на асфальт, чтобы не сломать конечности. С трудом поднялся, заковылял прочь, прижимая к себе злополучный капкан.

В травмпункт притащился уже совсем к ночи. После того как меня освободили от капкана и осмотрели руку, выяснилось, что отделался ушибом. Посоветовали, меньше пить.

– Да не пью я! А что лицо у меня такое синее, так это я ударился, об бутылку, а потом на нем по лестнице спускался. Работа у меня такая... Опасная. Я, может быть, пожарник.

– Иди-иди, пожарник, – фельдшерицу мои откровения не убедили. – У меня муж такой же. Иди уже, туши... внутреннее возгорание. А то, небось, трубы горят, головка бо-бо...

Головка у меня, и правда, болела не по-детски. И трубы горели. Но я вовсе не собирался их тушить. Я собирался действовать.

В детстве я мечтал о велосипеде. Но родители были людьми очень правильными и жили исключительно по средствам. А средств у них было мало – на велосипед явно не хватало. Тогда я решил, что если попрошу бога о том, чтобы у меня был велосипед, то он у меня обязательно появится. Однако как я не молился, велосипеда у меня не появилось. Тогда я украл велосипед и стал просить бога, чтобы меня не поймали. Но меня все равно поймали. Тогда я понял, что бог несправедлив, что он ничего не дает, не знает прощения, и слухи о его милосердии сильно преувеличены. Зато из этой истории я извлек замечательный урок. Я осознал, что с милицией лучше дружить. И подружился. Правда, не со всеми. А только с теми милиционерами, которые могли принести пользу.

– Иваныч, – позвал я. В трубке царило угрюмое молчание. Только тяжелое дыхание говорило в том, что меня слышат. – Это Василий.

– Слушаю, – отозвался, наконец, Сергей Иваныч. Его помощью я иногда пользовался, когда нужно было получить определенную информацию. Услуги щедро оплачивалась, поэтому я закономерно полагал, что вправе рассчитывать на более приветливый тон.

– Я по делу. Как обычно. С меня причитается.

– Пишу, – отозвался недовольный голос...

Этот Сергей Иванович был очень ворчливым типом, с подчиненными угрюм, с начальством молчалив, а дома, насколько мне было известно, превращался в настоящего тирана. Его забитая тихая жена и две крохотные дочурки как-то раз встретились мне по чистой случайности в центре города, где семейство совершало моцион. При виде моей персоны, Иваныч сделался пунцовым. Я понял, что не доставлю ему радости, поприветствовал, и быстро нырнул в подземный переход.

– Завтра позвоню, – пообещал мой «друг» в органах правопорядка...

Свое обещание он сдержал. Теперь я знал, каким поездом и когда именно Андрей Счастливец отправляется в Сочи. Благо, все пассажиры проходили обязательную паспортную регистрацию. Ехал он, якобы, в служебную командировку. Но на самом деле полковник Воронин решил, что его лучшему сотруднику пора немного отдохнуть.

Я тоже приобрел билет, в тот же вагон. До отъезда оставалось целых три дня в запасе, и я намеревался употребить их с толком. Если за эти три дня удастся отправить на тот свет заговоренного мента, думал я, то я все равно поеду в Сочи, расслаблюсь. Нервишки поправлю, а там, глядишь, и мозги на место встанут.

В очередной раз смазал ушибленную руку траксевазином, замотал эластичным бинтом. Пошевелил синюшными пальцами, результатом остался доволен. Перелома нет, это главное.

Все то время, пока я наматывал бинт, несколько черных котов сидели напротив и, не мигая, наблюдали за процессом. Они порядком меня нервировали, но я старался не замечать эфемерных животных. Убедился, галлюцинации очень не любят, когда их игнорируют. Посидят, походят, полетают, поползают – и исчезают сами по себе. Не иначе, питаются эмоциями – и, прежде всего, страхом. Не на того нарвались.

Набрал чайник абсолютно красной воды. Наверное, она должна была символизировать кровь. Собственно, и пахла кровью. Но я знал – это всего лишь иллюзия. Заварил кровяной чай, переселил себя, с отвращением отхлебнул. И удовлетворенно заметил, как яркие цвета тускнеют, и напиток приобретает нормальные чайные тона.

Я понял, что победил. Мне удастся справляться со своим патологическим состоянием. Пока удастся...

Одно из самых серьезных нарушений закона – незаконная торговля оружием. Этим ребятам все равно кого снабжать всякой-убийственной-всячиной, к примеру, напалмом, рядового наемника вроде меня или предводителя террористической группировки. Их интересуют только деньги.

Из бюджета я пока не выходил, поэтому решил пополнить арсенал. Объект попался живой, значит, в третьем акте вместо кордебалета пригласим на сцену братьев Гробовых. Кто-то, узнав, что я решил предпринять, скажет, что я вконец озверел. И будет совершенно прав. Моя покалеченная рука отзывалась болью. А лицо выглядело как палитра художника-мариниста.

Андрей Счастливец служил на самой окраине Москвы, в Митино. Отделение приткнулось к району с дальнего края. Сбоку – лесок. Заброшенная стройка. Красота... Если, конечно, под красотой понимать удобную позицию.

Выяснить, где находится кабинет Счастливецова, сложности не представляло. Есть у меня одна хорошая штука – называется полевой бинокль. При определенных обстоятельствах вещь незаменимая. Оказалось, что окно кабинета смотрит прямо на стройку. Вот так удача. Я даже растерялся немного – начал привыкать, что меня сопровождают неприятности.

В этот подстраховался, надел бронежилет. Бегать с ним будет тяжелее, зато, если кому-нибудь из ментов захочется меня продырявить, простой пулей броник не возьмешь. Вместо винтовки я решил использовать гранатомет, известный в армейской среде под насекомофильской кличкой «Муха». На языке профи – «РПГ-18». Хорошая штука. Надежная. И самое главное, достать ее очень просто. Связался по мобильной связи с одним не в меру предприимчивым прапорщиком в подмосковной армейской части, он и уступил недорого. У них бизнес по продаже боеприпасов был давно отлажен. Из числа новобранцев подбирали военных сидельцев за хищения, оплачивали им «отпуска» в дисбате и продолжали развивать сбыт казенного вооружения.

Поскольку бегать с гранатометом – занятие утомительное и опасное, «Муху» спрятали прямо на стройке. Подогнали «ГАЗ», якобы машина сломалась. Парочка солдат в камуфляже прогулялись за забор, незаметно отгрузили товар.

Правда, имелся в такой адресной доставке неприятный нюанс. Какие-нибудь не в меру резвые ребяташки могут найти гранатомет и шмальнуть по зданию родной школы. Но обычно все обходилось. И в этот раз тоже обошлось. «Муху» спрятали в самом темном углу подвала и завалили железной арматурой. Перестарались, как обычно. Потратив полчаса на разгребание железок, я сполна ощутил на себе все тяготы скорбного бытия простого разнорабочего.

На стройку я пробрался со стороны лесополосы. Забор давно снесли. Ходи, не хочу. Оно и понятно – все, что можно было украсть, уже украли. А домину не вынесешь. Кому этот заброшенный объект современного зодчества нужен.

Выстрел я решил произвести ближе к шести вечера. Обычно в это время мент возился с документами. У всякого опера, даже действующего в отряде оперативного реагирования, бумажной работы выше крыши. Так он и сидел, вбивая данные в компьютер одним пальчиком, хмурился. По всему видно, не нравилась ему рутина – хотелось настоящего дела. Еще бы, такому-то герою. А время неспешно протекало в кабинете, за беседами с подследственными и тяжелой борьбой с отсталой техникой. Счастливецову выделили старенький компьютер, он часто подвисал, после чего приходилось все начинать сначала. В отличие от моего высококлассного ноутбука системный блок капитана отличался такой дряхлостью, что в смысле функциональности мог посоперничать с обычными счётами. Это к вопросу о том, почему киллером быть лучше, чем милиционером. У меня и зарплата выше, и работа интереснее...

Я поднялся на второй этаж – выше построить не успели, то ли деньги кончились, то ли владелец здания. Лег на живот, подполз почти к самому краю. Здесь возвышалась, скрывая меня от посторонних глаз, бетонная плита и валялась пара деревянных ящичков. Откинул крышку прицела. Прицел у гранатомета не такой, как у винтовки. Точно целиться из «Мухи» нет необходимости. Шухер будет такой, что все в кабинете разворотит. На всякий случай, глянул в бинокль. Ошибку допустить нельзя. И так затянул я с этим чертовым заказом. Нет, он, точно он. Сидит, разбирает бумаги. Бородка светлая, белое лицо, тусклые глаза. Вид такой, словно позирует иконописцу. Сейчас я тебя отправлю в иной мир, святоша. Палец лег на курок.

Меня отвлекло хлопанье крыльев. Поскольку я весь был настороже после предыдущих неудач, то мгновенно среагировал. Гранатомет на плиту, из-за пояса верный «АПБ». Развернулся в позиции стрельба снизу. Ну и где этот поганый голубь?! На арматуру, торчащую из стены, сел смоляной ворон, большой, я таких никогда не видел. Он сидел и рассматривал меня умными черными глазами.

– А это ты, приятель, – сказал я. Отчего-то присутствие птицы меня успокоило. Ворон – хорошая птица. И никаких тебе белых голубей, от которых одни неприятности. Но разве они водятся в Москве?! Я пригляделся к ворону внимательнее. Благородная посадка головы, крепкий клюв, которым можно и черепушку разможжить, серые лапки. Мне захотелось дотронуться до птицы. Потянул руку. Ворон вдруг вспорхнул и уселся мне на запястье. Ощущение было странным. С виду он должен весить не меньше трех килограммов. А на самом деле почти ничего не весил. Повернул голову и снова посмотрел на меня. Потом слетел на плиту, прошелся вдоль края, едва не касаясь гранатомета. Казалось, железка его порядком заинтересовала.

– Так, приятель, занимайся своими делами.

Я отогнал ворона, помахав рукой. Он отлично понял, что надо уйти с позиции, и довольно ловко отбежал подальше. А я залег за ящички и снова взял кабинет на прицел. Теперь мент был не один. Принимал посетительницу. Женщина то что-то оживленно рассказывала, то хваталась за платок и прижимала его к лицу.

Упустил момент. Ну, ничего, я подожду. Долго она не задержится.

Действительно, уже через десять минут посетительница покинула кабинет. Я решил, что медлить больше не стоит. Поднял «Муху». И вот тут случилось нечто совсем невообразимое. Послышался дикий вопль. Я обернулся. И увидел, что со стороны лестницы ко мне несется светловолосая девочка с обезумевшим лицом в белой ночной рубашке. Девочка визжала так громко, что, думаю, ее вопли слышали во всех окрестных домах. Я так опешил от этого диковинного зрелища, что даже не успел вытащить «АПБ». Да и кто же станет стрелять в безобидных маленьких девочек? Я же не зверь. Девчушка нацелилась на гранатомет. Ухватила его за основание и рванула на себя. От неожиданности я выпустил оружие из рук. И очень об этом пожалел, потому что она развернула его, направив на меня. Палец лег на спусковой рычаг, словно она всю жизнь только и делала, что отнимала у опытных убийц гранатометы.

– Нет, – только и успел сказать я. Хотел метнуться к ней. Но не успел... Меня опередил ворон. Налетел на девочку, словно голодный ястреб на беззащитного грызуна. Несколько раз ударил ее крепким клювом в светлую головку. От этого стука у меня мурашки побежали по позвоночному столбу. Малышка вцепилась в птичьи лапы. Волосы ее в считанные секунды окрасились кровью. И вместе они рухнули со второго этажа, унося с собой и мой гранатомет.

Я стоял, как громом пораженный. Пошевелиться не мог. Все не верилось в то, что я только что увидел. Потом подошел к краю, аккуратно выглянул. На земле никого не было. То есть совсем никого. И ни единого крика не доносилось. Только по-прежнему с гулом проносились машины по ближайшей улице. И в отдалении покрикивали птицы в лесополосе. Я пребывал в растерянности. Все увиденное, выходит, было галлюцинацией. Но я отчетливо чувствовал птицу на своем запястье, и, когда девчонка схватила «Муху», я ощущал, как она тянет оружие

на себя. Я поднял полевой бинокль, и пошел к лестнице. Все быстрее и быстрее. Вскоре я уже бежал. Осмотрелся внизу. Ни девочки, ни ворона, ни гранатомета. Даже следов борьбы нет.

Я побежал к лесополосе. Она отделяла район Митино от Красногорска. Лучше уходить той же дорогой. Вид у меня сейчас не самый нормальный. В глазах отражается безумие. Мне казалось, я справился с психозом, но теперь он принял новые формы. Задействована моторика тела. Я совершенно неадекватен.

Я вспомнил символы, начертанные мной на двери, когда я надрался в стельку. Вот он, первый звоночек, предвещающий скорое сумасшествие. Я не придал своему странному поступку никакого значения, списав все на сильное опьянение.

Может, это пристрастие к телевизионному психологу довело меня до ручки?.. Не сходить ли мне к профессиональному мозгоправу? С другой стороны, что я ему скажу?! Вижу, дескать, постоянно странные картины. Из последних – ворон и белобрысая девчонка, они унесли мой гранатомет. Хорошо, если он мне просто порекомендует провести пару недель в сумасшедшем доме. А ведь может и к принудительному лечению склонить. Вроде бы, они обязаны сообщать обо всех случаях с ясной клинической картиной. А у меня она на лицо.

Надо ехать отдыхать, решил я, куда-нибудь в Турцию, или, на худой конец, в Геленджик. Это работа меня довела. Когда день за днем занят убийством людей, стресс накапливается. А потом дает себя знать. Даже если ты его не ощущаешь, он все равно присутствует, делает тебя поначалу нервным и подавленным, а потом сводит с ума. И ты начинаешь видеть то, чего нет. А потом и осязать неосязаемое. Но, позвольте, куда делся гранатомет? Он ведь не мог испариться сам по себе? А был ли тот гранатомет, вообще?

Я достал мобильный, позвонил предприимчивому типу из военной части.

– Привет, слушай, а товар, вообще, был?!

– Чего?.. – обиделся он. – Мы все отгрузили по договоренности.

– Да-да, конечно, это я так, уточнить...

История становилась все мрачнее и мрачнее.

Я шел по дороге, ведущей от Красногорска к окружной. Моросил мелкий дождь. В сером небе кружили птицы. Не вороны ли? Нет, не вороны. Я остановился. Широкие крылья с оперением. Ноги и руки. Круглые головы... Люди!

Они неспешно парили прямо у меня над головой. Одни, тяжело взмахивая крыльями, поднимались выше, другие, выписывая плавные круги, опускались к земле...

Испугаться я не успел. Видение отхлынуло внезапно, так же, как и пришло. Никаких летающих людей, никаких птиц. Только серое небо и мелкий холодный дождь в лицо.

Все понятно. Галлюцинации. Телевизионный психолог рассказывал об этом. Как он там говорил?! Так бывает, если человек слишком много времени посвящает работе, забывая о своей внутренней жизни. В один прекрасный день он просто возьмет и утратит рассудок.

И как я теперь выполню задание с таким серьезным психическим расстройством?

Стараясь не смотреть вверх – вдруг там еще кто-то объявится, я прибавил шагу и через двадцать минут выбрался к тому пустынному месту на шоссе, где оставил машину. Впереди замаячил мой красный жигуленок. Я мог бы поклясться, что вокруг него толпились смутные темные сгустки, но при виде меня они тут же растворились, смешались с тенями кустарника, деревьев, дорожного ограждения. И еще мне почудилось, что за рулем сидит некто, держится за баранку и пристально смотрит на дорогу. Не я ли сам? Я был готов к любому повороту событий. По мере того, как я приближался, незнакомец становился все выше и выше, вытягиваясь вверх, под самую крышу, но, когда я подошел ближе, то понял, что это просто моя тень – Луна оставалась за спиной. Я повернул ключ в двери, при этом руки у меня изрядно дрожали. Было ощущение, что все прочие тени сейчас соберутся и набросятся на меня сзади. Я сел в машину, завел двигатель, включил радиоприемник. Немного полегчало. Попсовый мотив и противный девичий голосок навевали мысли о простом и привычном мире, где я еще недавно жил.

Глянул в зеркало заднего вида. На дорогу из леса напал туман. Такой густой, что казалось, будто это и не туман вовсе, а белый зверь, тянет лапы, чтобы схватить машину. Я развернулся и решительно поехал сквозь плотную пелену. Включил фары, противотуманки. Из белесого киселя вынырнул грузовик, пронесся мимо, напугав грохотом. Я сделал музыку громче. Сжал руки на руле, выжал газ на полную. Вскоре я уже был на эстакаде, ведущей на МКАД – очень не хотелось проезжать мимо поста ГИБДД перед Волоколамкой.

Ведьма приземлилась близко к вершине холма, отбросила метлу и побрела через почти непроглядную тьму. Небо сегодня ночью, будто бы, заволокло черным дымом, он клубился вверх, лишал землю света Луны и звезд. Вскоре ведьме удалось нащупать преграду, воздвигнутую темными силами. Она шагнула сквозь плотную стену, и в ту же секунду оказалась в объятиях демона – человеческое тело и черная козлиная голова – Бафомет, хозяин шабашей. Слюнявые губы лобызали ее со страстью, а сильные руки демона срывали одежду. Ощувив внезапно прилив слабости, ведьма полностью отдалась во власть тьмы. В полудреме она разглядела, что на окруженной магической преградой поляне пылают пять костров, а между ними бродят обнаженные люди с чашами, наполненными густым бордовым напитком. Неподалеку белокурая ведьма совокуплялась с парой поросших черным волосом бесов. Кто-то хохотал диким голосом, кто-то завывал, как безумец, рыдали жертвенные младенцы. И все это называлось дьявольским весельем. Ведьма почувствовала, что Бафомет кладет ее на траву, и сам опускается сверху. Демон вошел в нее рывком, и разум ведьмы помутился. Она поняла, что сегодня Бафомет выбрал ее королевой шабаша...

На следующий день я посетил психиатрическую клинику, где по информации, добытой Владиком, Счастливец провел несколько лет. То, что мой объект долгое время пребывал в желтом доме, не вызвало у меня удивления. Сдвиг по фазе может с каждым приключиться. Даже члены правительства и опытные сотрудники ФСБ иногда оказываются в дурке. Да и какое мне дело до того, что он где-то там лечился. Меня куда больше интересовали реальные зацепки, которые дадут возможность прощупать его личность. Хочется от сплошных мистических странностей наконец перейти к ясной клинической картине.

Хотя, если честно, теперь, после того, как я сам стал готовым клиентом психиатра, желтый дом стал интересовать меня по многим причинам. И прежде всего, как заведение, где мне, возможно, придется провести лучшие годы, если мое состояние усугубится.

На входе даже не оказалось солидной охраны, что меня порядком покорило. Скрученная старушенция в синем выцветшем халатике возила тряпкой по коричневому кафелю. А сразу за стеклянной дверью сидел на стуле вялый толстый дядька, и клевал носом. Пожалуйста, психи, выбирайтесь на волю, вас никто не держит.

Может, все они содержатся за решетками и железными дверями, обколоты транквилизаторами так, что даже передвигаются с трудом? Воображение нарисовало унылую картину – я со связанными за спиной руками в смиренной рубашке, сижу на койке и гляжу на противоположенную стену. И так несколько лет... Интересно, Андрюша Счастливец так проводил время?! Или совсем по-другому – кидался на стены и пытался расправиться с санитарями? Сейчас мы это узнаем.

Псевдоохранника я беспокоить не стал, проследовал дальше, на территорию больницы. Там, среди буйной зелени, мне встретился человек в белом халате.

– Здравствуйте, – я поспешил ему навстречу.

– День добрый, – сухо ответил незнакомец.
– Вы доктор?
– Практикант.
– Мне нужен кто-нибудь из врачей. Я бы хотел побеседовать с ним об одном из пациентов.
– Из милиции, что ли? – поинтересовался он и, не дождавшись ответа, сказал: – Туда идите. Во второй корпус. На третьем этаже. Можете поговорить с профессором Тумасяном. Викентий Палычем. Он тут всем заправляет.

Тумасян оказался занят – общался со студентами. Пришлось ждать почти час. За это время я успел изучить целую галерею буйнопомешанных, развешанную по стенам. Только к окончанию лекции профессора Тумасяна я разобрал, что это портреты известных психиатров.

– Викентий Палыч, – обратился я к высокому доктору в роговых очках.
– Да? – Обернулся он ко мне. – Чем обязан?
– Я из милиции, – поведал я, решив не разрушать наметившуюся легенду. – Хотел бы кое-что прояснить. У нас проходит по делу один из бывших пациентов этой больницы...

– Полагаете, я смогу вам помочь?
– Не знаю, хотелось бы. – Я извлек из кармана сделанную накануне фотографию.

Тумасян уставился на нее с таким видом, словно увидел на фото родного дядюшку, которого похоронил много лет назад.

– Пойдемте со мной, – пригласил Викентий Палыч, – в мой кабинет.

Как только дверь за нами закрылась, профессор обернулся ко мне. Лицо его сделалось страшным – глаза расширены, уголки рта подрагивают. Я сразу вспомнил недавнюю галерею лиц – Тумасян отлично вписался бы со своей нынешней физиономией.

– Это он, – заявил доктор. – Где вы взяли это фото, можно полюбопытствовать?
– Сделали, на днях.
– Дайте взглянуть еще разок... Ишь, вырядился в милицейскую форму...
– Ну да, – начал я импровизировать. – На самом деле, я немного ввел вас в заблуждение поначалу. Боялся, вы не захотите помочь в столь деликатном деле. Дело в том, что это один из наших новых сотрудников. Весьма перспективный. Так считает начальство.

– Да он же форменный псих! – выкрикнул Тумасян. – Из неизличимых. Между прочим, бежал из клиники. Вы, вероятно, меня разыгрываете.

– Та-а-ак, – протянул я, – все ясно.
– Что вам ясно? – врач посмотрел на меня над очками.
– Ясно, почему он так странно себя ведет. Придется доложить начальству.
– Да, модели его поведения действительно отличаются от общепринятых, – Викентий Палыч нервно хихикнул. – А вы что, собственно, хотели? Мы имеем дело с буйной психопатией. Это вам не обыкновенный невроз. Типичный случай шизофрении. Клинической шизофрении. Томограмма его мозга – это же тихий ужас. Я такого в жизни не видел.

– И разгуливает на свободе... – заметил я. – Хорошо, что я к вам заглянул.
– Не просто хорошо, а замечательно, – согласился доктор, – но я здесь совершенно ни при чем. Если хотите знать, да будь моя воля, молодой человек, я бы все сделал, чтобы он из моей клиники никогда не вышел. Этот субъект просто опасен. Если бы вы только знали, что здесь происходило, пока он находился в этих стенах.

– А что здесь происходило? – осторожно поинтересовался я.
– Ну, во-первых, с ним отказывались работать санитары.
– Почему?
– Среди них прошел слух, что со всяким, кто с ним работает, непременно происходит нечто ужасное. Разумеется, речь идет о досадных случайностях. Все эти грубые суеверия, которые бытуют среди персонала. Они никак не могут понять, что имеют дело с буйнопомешанными, и должны быть предельно осторожны. Взять, к примеру, санитару Синицына.

– А что Синицын? – насторожился я.

– Выпал из окна. Повредил позвоночник. Не знаю, ходит ли сейчас. Сильно сомневаюсь. Кукин. Споткнулся на ровном месте, скатился по лестнице. Результат – многочисленные переломы и ушибы. Уволился по собственному желанию. Я уже не говорю о Минадзе...

– Сильно досталось?

– Не то слово. У него перед лицом взорвался ламповый плафон. Бедный парень. Его очень сильно посеколо осколками. Операция по их извлечению длилась несколько часов – тридцать швов наложили. Едва не потерял ухо. В общем, кошмар, кошмар! Пойдите-ка, – оживился Тумасян, и глаза его радостно заблестели, – если вы его нашли, и собираетесь передавать дело вышестоящему начальству, нельзя ли сделать так, чтобы мы его потом забрали. Он для меня очень важен. То есть не для меня, конечно, а для науки. Это же уникальный экземпляр. По всей видимости, раздвоение личности. К тому же, он считает себя почти бессмертным. Представляете, больной полагает, будто жил еще в эпоху татаро-монгольского нашествия. При этом описывает быт той эпохи скрупулезно, до деталей. И все настолько достоверно...

– Ничего не могу обещать, – сухо ответил я, – это уже наверху будут решать, что с ним делать, и как бороться с его психопатией...

– Как? Как они собираются с ней бороться? – на лице психиатра было написано столько неподдельного любопытства, что я осекся.

– Никак, – сказал я, – скорее всего, просто к стенке поставят, да и все.

– Не смейте! – выкрикнул Тумасян. – Вы что же, не понимаете, что должны действовать в интересах науки! Я буду жаловаться! Я до самого министра дойду!

– Жалуйтесь, – рассердился я, – в конце концов, это вы его на свободу отпустили. А мне теперь разбирайся с ним. – Возмущение мое было отнюдь неподдельным.

– А хотите, – предложил психиатр, – я вам даже заплачу за труды, если только вы отдадите его нам.

– Заплатите? – изумился я. – Вы что же, предлагаете взятку должностному лицу?

Доктор по выражению моего лица понял, что сболтнул что-то не то, и забормотал:

– Правда, зарплата у меня совсем небольшая, но, сколько смогу, как говорится, ради науки... – Тут в голову Тумасяна пришла очередная безумная идея. – А ну! – Он надвинулся на меня. – Говори, кто ты такой?! Ты, ведь, не из милиции, так? Узнал, что его нашли, и решил почву прощупать. Аспирант Капитонова? Я угадал?

– Да вы что!?! – возмутился я. – Какого еще Капитонова?!

– Не прикидывайся дебилом, парень. Я как только тебя увидел, сразу понял, ты от Капитонова.

Я решил, что все мозгоправы немного с придурью. Взять хотя бы моего любимого психолога. Но он, по крайней мере, не орет, как полоумный. А у этого глаза налились кровью, и стали похожи на две спелые вишни. Складывалось ощущение, он вот-вот кинется на меня с кулаками.

– Убирайся! – проорал доктор. – И передай Капитонову, что Счастливец я ему не отдам! Мой будет! Так и знай!

– Хорошо, – только и сказал я, после чего поспешно ретировался.

– Капитонов, какая же сволочь, – бормотал Викентий Павлович, никак не мог успокоиться после визита этого типа с холодными глазами. – Надо же, подсылать ко мне своих... своих... – Он никак не мог подобрать нужного слова, а потому нервничал еще больше. – Псов! – выкрикнул он. И вдруг увидел, что в кабинете уже не один. На него, отчаянно жестикулирую-

щего и потрясающего кулаками, не мигая, смотрела высокая черноволосая девушка в белом халате.

«Студентка, – понял Тумасян и тут же собрался, – надо же какой стыд. Разошелся, как мальчишка. Что это я, в самом деле? Опытный психиатр, педагог. И такой конфуз».

– Вы ко мне? – спросил он.

– А как же, – ответила посетительница и уселась на стол, положив ногу на ногу.

Ноги у нее оказались исключительной красоты и стройности. Как всякий армянин, пусть и не чистокровный, Викентий Павлович женщин очень любил. Он немедленно ощутил трепет в области брюк и желание положить на колено руку. С трудом сдерживая естественные порывы, он подчеркнуто холодно поинтересовался:

– Что вам угодно?

– Вы же мужчина, – откликнулась девушка, – сами все понимаете. – И поманила доктора психиатрических наук указательным пальчиком.

– Что это вы?.. – растерялся Тумасян.

– Иди сюда, дурачок.

Она расстегнула пуговицу и одним движением сбросила с плеч халат, обнажив роскошную грудь.

– Ох-х, – только и сказал Викентий Павлович, ноги сами понесли его к странной посетительнице. Несмотря на стремительность перемещений, оказавшись рядом, психиатр решительным жестом запахнул халатик. – Уходите! – потребовал он, проявив поистине героическую стойкость. Обусловлена она была не только умением взять себя в руки, но и воспоминаниями о недавнем скандале. После одной не слишком приятной для него истории Викентий Павлович дал себе зарок навсегда покончить с интимными приключениями на работе, последние три месяца две недели и четыре дня он свято хранил верность супруге, и намерен был следовать зароку впредь. – Потом поговорим, – нашелся доктор, будучи не в силах изгнать девицу навсегда. Мало ли как изменятся его представления о нравственности к концу семестра. То, что это студентка с его потока, Тумасян не сомневался.

– Ах, вот ты как! – лицо девушки вдруг стало таким злым, что психиатр испугался. Ему почудилась пара чертиков, отбивающих чечетку в темных глазах соблазнительницы, но он тут же спохватился и осознал, что слышит отнюдь не стук набоек, а ритм собственного... удар ножом под сердце заставил профессора вскрикнуть. Второй крик обратился в сдавленный хрип, когда она вонзила ногти ему в горло и впилась в окровавленные губы долгим страстным поцелуем...

Посещение психиатрической клиники произвело на меня самое пагубное впечатление. Не дай бог когда-нибудь попасть в желтый дом. Такие врачи, как этот Тумасян, ради научного интереса залечат до смерти. Будут пичкать наркотой, давать слабительное и бумкать электрошоком, пока не превратишься в безразличный ко всему овощ. Повезло Счастливецеву, что вышел оттуда живым. Что там кричал этот психопат доктор?! Передай Капитонову, что Счастливецев я ему не отдам! Ты сначала заполучи его в собственность, одень в смирительную рубашку, запи в палату, а потом не отдавай. Тоже мне нашелся, эскулап-собственник.

У меня и раньше вызывала опасения наша российская система здравоохранения, все эти оборотни в белых халатах, торгующие органами, вымогающие у пациентов деньги – мзду за спасение жизней. Строят из себя людей, преданных делу Гиппократов, а сами возводят каменные хоромы за кольцевой автодорогой. По мне, так я куда честнее этих зажиточных господ. Они лицемерно делают вид, что заинтересованы в спасении человеческих жизней, а сами помыш-

ляют только о наживе. Я же за деньги лишаю жизни, и совсем не строю из себя праведника. Если церковники говорят правду, и после жизни всех нас ждет рай и ад, то пылать мне головешкой, жариться на сковородке или вариться в котле.

Я добрел до бульвара и упал на скамейку. Мучительно хотелось курить, хоть я и бросил много лет назад, когда снайпер, определив меня по огоньку сигареты, едва не отправил раньше времени на тот свет. Хорошо, что минутой раньше сержант попросил затянуться. Отчитал, правда, сначала порядком. Мол, ты что, салага, на тот свет захотел? Затянулся. Зажмурился от удовольствия. Хлоп, и нет сержанта. Только два молодых солдата сидят за укрытием, с лицами, заляпанными кровью. И ведь, опытный был боец. А туда же. Слаб человек, слаб... А вот я с тех самых пор не курю.

Зато теперь выпиваю время от времени. Надо же как-то бороться со стрессом.

Спиртное странным образом снова добыть не удалось. Зато на углу нарисовался старый знакомый с портвейном «13» из-под полы. Взял на этот раз ящик, с тем условием, что пойло мне доставят прямо на дом.

– Сделаем, шеф.

Я кивнул и быстрым шагом направился к дому. У подъезда меня уже ждал ящик портвейна и долговязый продавец.

– Поймал машину, – поведал он. – На какой этаж заносить?

– Тринадцатый, – сказал я и усмехнулся. Забавное совпадение. Значит, буду пить портвейн «13» на тринадцатом этаже...

Три дня я провел в отключке. Телефон выдернут из розетки. Телевизор молчит. А я накачиваюсь под завязку алкоголем, приобретая свойства неодушевленного предмета. На третий день параноя стала отпускать. Галлюцинации, правда, еще время от времени проявлялись, но уже в гораздо меньшей степени. Парочка уже привычных черных котов разгуливали по квартире с хозяйским видом. Какие-то типы с бледными лицами и темными глазами порой мерещились в зеркалах. Перебегали там с места на место, скрываясь в зазеркальном интерьере.

На четвертый день я поднялся с дивана. Едва не упал, так сильно меня замутило. Портвейн вызывает чудовищное похмелье. Принял контрастный душ. Соскоблил с лица щетину. Оделся во все свежее. Через силу заставил себя съесть тарелку быстрорастворимого супа. Трудно сказать, оживил меня суп или душ, но вскоре мне стало значительно лучше. Проводив взглядом очередной усатый фантом (хвост трубой, направляется в сторону кухни) я прошел к комоду, взял заранее приобретенный билет на поезд. Деньги. Пистолет.

«Сегодня объект уезжает на юг, – думал я. – Мы, конечно, поедем вместе. А вот в Москву, к заказчикам, я вернусь один».

По дороге к лифту я сунул руку в карман куртки и нащупал давно забытый там кулон – золотой глаз с красным камешком зрачка. В голове зашевелились подозрения мистического характера, припомнилось, как я нашел эту странную вещицу, и что именно после этой находки меня стали одолевать чудовищные галлюцинации. Я недолго размышлял, как поступить. Спустился в лифте с лупоглазым призраком, лишенным очертаний, вышел из подъезда и вручил кулон сидящей на лавочке бабушке.

– Бери, бери, мать, тебе, – великодушно разрешил я.

Она поначалу опешила, с недоверием глядя на столь дорогой подарок, потом сцапала презент и торопливо спрятала в складках цветастой юбки, пока щедрый благотворитель не передумал.

Я развернулся и заспешил от подъезда. Шел быстро, опасаясь последствий. Они не заставили себя долго ждать. Подтверждая мои подозрения, сзади раздался истошный крик пожилой женщины.

«Что ж, – рассудил я, – жизнь ее теперь не будет ограничиваться просмотром убогих сериалов и подсчетом крошечной пенсии. Она станет насыщенной и интересной».

По дороге на вокзал я постоянно озирался, ожидая появления очередных посланцев иных миров, но они, похоже, сгинули окончательно.

Никогда не верил в мистику. Но факты говорили сами за себя – это кулон сделал меня сумасшедшим. Оставалось надеяться, что заговоренный мент после того, как я удачно избавился от проклятого «глаза», утратил свою удачу, и я смогу, наконец, отправить его в последнее путешествие с билетом в один конец.

На Казанском вокзале я остановился возле киоска с квасом. Удобная позиция для наблюдения. Стоял, цедил хлебный напиток и ждал. Мент появился за двадцать минут до отправления поезда. Разговаривал с каким-то типом. Тот настойчиво пытался всучить ему сверток. Если бы я доподлинно не знал, что мой объект взяток не берет, решил бы, что мужик хочет дать Счастливицу на лапу.

А может, он, и вправду, где-то имеет левый бакшиш, подумал я, и при этом строит из себя святошу. Да нет, в этом случае информаторы бы обязательно что-нибудь раскопали. Они у меня не первый год на полном пансионе, я в них уверен, как в самом себе.

Мужик, в конце концов, отстал. Счастливец прошел на платформу. Я поднял спортивную сумку и, не спеша, двинулся следом.

– Извините, – обратился ко мне тот же тип, что недавно приставал к менту, – вы с этого поезда?

– Ну.

– Посылочку не возьмете?

– Нет.

– Там лекарства. Для больной матери. Пожалуйста, я вас очень прошу.

– Сказал – нет, отстань.

Выглядел незнакомец слишком подозрительно, да и потом я уже не раз убеждался, что всякое доброе дело не остается безнаказанным. Стоило мне совершить добрый поступок, и он немедленно отзывался неприятностями. Карма у меня, что ли, такая?..

Счастливец, тем временем, развернулся и пошел обратно. Я торопливо отвернулся. Он проследовал мимо, прямо к типу со свертком.

– Давайте, я возьму.

– Спасибо вам большое. Я заплачу...

– Не надо.

– Там на вокзале в Сочи мать будет вас встречать. Я ей скажу номер вагона...

Дальше я не слушал. Терпеть не могу добреньких и доверчивых людей. Часто эта доброта приводит их на самый край. Я пошел по перрону к шестому вагону. Дежурил там, пока объект не вернулся со свертком.

Проводница мельком глянула в мой билет. Посторонилась, пропуская. Вагон-ресторан оказался рядом, через плацкарт. Что ж, очень неплохо. Можно будет перекусить в дороге. Пригласить попутчика поужинать. Не зря же я прихватил с собой специальные таблетки – они очень хорошо растворяются и очень плохо действуют на сердечную мышцу. Главное, наладить с объектом контакт, чтобы его не охватили подозрения. Необходимость провести вместе больше суток сближает людей, делает их разговорчивыми. А пообщаться нам уже пора. Хорошо, что второе место в СВ рядом со Счастливецом оказалось свободным. Иначе пришлось бы уговаривать случайного попутчика поменяться билетами. А так я просто сунул на лапу проводнице. Она даже не удивилась.

– Друзья?

– Ага. С детства дружим. А билеты нам продали в разные концы вагона...

Я прошел по коридору, заглянул в купе. В тот момент, когда я снова увидел благообразную физиономию «вечного мента», меня охватили самые дурные предчувствия, к тому же я слышал отчетливый колокольный звон и мог бы поспорить, что он звучит прямо у меня в голове. С визуальным восприятием действительности тоже далеко не все было в порядке. Между нами, как будто, возник на мгновение плотный полупрозрачный щит и разлетелся на куски, когда я прошел сквозь него и оказался в непосредственной близости от объекта. На расстоянии вытянутой руки. При желании я мог бы ударить его в лицо. Мне даже показалось, что если я сейчас так поступлю, то мне все сойдет с рук. Свалить его с полки, захлопнуть дверь купе и забить ногами до смерти. Что может быть проще? Потом я вспомнил, сколько раз меня охватывало такое же обманчивое чувство, и что из этого выходило, и решил, что лучше немного подождать, но зато бить наверняка. Ночью, когда он заснет, я воткну ему в горло заточку. Если, конечно, он не согласится пить.

Я сбросил с плеча спортивную сумку, уселся на свою полку и попытался придать своей отвратительно злобной физиономии выражение благостное и приятное. Неужели я ошибся насчет кулона, и галлюцинации вернулись, судорожно размышлял я. Хотелось надеяться, что я выздоровел окончательно. Но что здесь, все же, происходит? Мистика. Натруальная мистика. Ладно, разберемся по обстановке.

– День добрый, – сказал я. – Давайте знакомиться.

– Андрей, – отрекомендовался он, пожимая мне руку. В голосе его звучала тихая грусть, как будто он недавно пережил тяжелую жизненную трагедию.

– Василий.

Он вдруг посмотрел на меня внимательно и заметил:

– Если у вас какие-то проблемы, можете тоже смело поделиться со мной.

– У меня?! Да нет, никаких проблем...

У него была очень странная манера общаться. Он, словно, обволакивал собеседника, смотрел тебе прямо в глаза и проникал прямо в душу. Именно такое ощущение у меня сложилось, когда мы начали говорить. В самом деле, для него мы знакомы всего пару минут, а он уже спрашивает меня о моих проблемах. Редко, очень редко случайных знакомых интересуют наши проблемы. Да и если интересуют, то лишь в порядке мнимого участия. Всякому хочется продемонстрировать, что он человек редких душевных качеств и доброты. Только не мне.

– Зато у меня есть кое-какие трудности с общением, – сообщил капитан Счастливец безрадостно, – к несчастью, у меня случаются провалы в памяти, и во время этих провалов я склонен к насилию. Мне обещали, что в это купе никого не поделят. Но, как видите, подделили вас. Если хотите, я могу поговорить с проводником...

– Ничего страшного, – быстро ответил я, – то есть это, конечно, неприятно, но меня эта особенность вашей психики нисколько не волнует.

– Рад встретить мужественного человека, – он недолго помолчал, улыбнулся: – Ну что ж, я действительно рад знакомству.

– И я... рад.

Когда поезд начал набирать ход, я ощутил прилив вдохновения и предложил:

– Почему бы нам с вами по случаю знакомства не выпить немного?

– Почему бы и нет.

– Прогуляемся в вагон-ресторан? Я угощаю.

Он замялся лишь на секунду.

– Не откажусь.

Что ж, отлично, если удастся растворить в его стакане одну маленькую таблеточку, все пройдет чисто, и, что самое главное, бескровно. Даже у самых здоровых с виду людей случаются сердечные приступы. И затем его коченеющее тело выгрузят на ближайшей станции для отправки в морг. А я поеду дальше. На заслуженный отдых. Один в двухместном купе.

Такие мысли проносились у меня в голове, пока мы шли по составу, минуя плацкартные вагоны. Я не обращал внимания на пассажиров поезда. Единственное, что меня сейчас интересовало, чтобы его душа упорхнула вверх, а моя насладилась причитающимся мне гонораром. Зеленые Франклины порядком заждались. Я убью его даже не из-за денег, и не из-за того, что смерть «вечного мента» так требуется заказчикам, кто бы они ни были. Теперь это дело принципа и моей репутации. А своей репутацией я дорожу. Она меня кормит. Я не намерен ее спускать в сортир из-за того, что кому-то фартит не по-детски.

В вагоне-ресторане было пусто. С тех пор, как на каждой станции стали продавать горячие обеды, желающих платить за сомнительный путевой сервис значительно поубавилось.

– У вас есть портвейн? – поинтересовался я у молоденькой официантки.

– Портвейн? – удивилась она. – Я спрошу. И упорхнула в сторону кухни.

– Я люблю портвейн, – заметил Счастливец. – Три семерки.

– А я все больше пью тринадцатый.

– Никогда не пробовал.

Официантка вновь нарисовалась возле столика.

– Портвейна нет. Только сухое вино, водка и пиво.

– Несите водку, – сказал я. – Бутылку. – Полистал меню. – И вот это под водку. Вы как?

Счастливец кивнул.

– Скажите, я мог вас где-то раньше видеть? – спросил он, когда нам принесли бутылку водки и холодные закуски.

– У меня такое лицо, что я одновременно напоминаю очень многих. Недавно, к примеру, один врач принял меня за какого-то своего знакомого.

– Врач?

– Психиатр.

Лицо капитана на мгновение омрачилось. Помнит, понял я, как проводил дни и ночи в желтом доме. Это ничего. Даже неприятные воспоминания – это всегда жизненный опыт.

– Ну, за знакомство, – сказал я, поднимая рюмку. Чокнулись. Он выпил залпом. Я тоже. Информаторы докладывали – поддаться Счастливец любит, умеет пить долго и хорошо. Вот только он предпочитал в этом деле одиночество, к тому же заливал в себя исключительно портвейн. А теперь у него был очень особенный собутыльник, способный любого напоить до смерти.

– Может, отполируем пивом? – предложил я и улыбнулся заговорщицки. Подобная улыбка должна вызвать ответное понимание в любом алкоголике. Она и вызвала.

– Конечно, – он поднял руку, – девушка, принесите, пожалуйста, четыре кружки пива...

– Сразу четыре? – переспросила официантка.

– Да, мы быстро пьем. – Понимание было достигнуто.

Пока мы пили пиво, я соображал, как бы отвлечь его, чтобы растворить таблеточку. Следом за первыми четырьмя кружками он заказал еще по паре пива.

Вскоре язык у Счастливецова развязался, и разговор приобрел доверительный характер, потек свободно, как водка в рюмки.

– Самое главное, – говорил Счастливец спустя пару часов бурных возлияний, – это справедливость для всех. Вот искореним преступность в России – и тогда заживем. Только вдумайся, Василий, какая жизнь будет. Без страха, без обмана, без зависти. Все будут счастливы. И женщины тогда будут рожать много детей. И с демографией в России все будет в порядке.

– Женщины рожают больше всего в Африке, – возразил я. – А там уровень жизни невысокий.

– При чем тут Африка? – капитан тепло улыбнулся, и я понял, что его уже повело – редко, кто мог похвастаться, что видел улыбку на лице «вечного мента». – Это же совсем другая культура.

– Вот именно. А у нас культура – один, два ребенка. Это укоренилось. Это в российских традициях. В русских традициях.

– Позволь не согласиться, – возразил Счастливец. – До революции в семьях было по шесть-семь детей. И не только в крестьянских семьях, но и в семьях дворян. Я отлично это помню... – Он осекся.

– А каком смысле, помнишь? – удивился я.

– Я хотел сказать, знаю, – поправился капитан. – И у нас так будет. Главное, чтобы все было по справедливости. Для всех и для каждого. А преступность, – он сжал кулак, – вот у меня где будет. Всех татей под корень изведу. Всю их воровскую породу.

– Девушка, – крикнул я, – принесите еще бутылку водки. – И предложил: – За справедливость надо выпить!

– Не вижу никаких препятствий, – согласился Счастливец. Я понял, что мне удастся напоить капитана.

– Преступность совершенно распоясалась, – говорил он, хмурия светлые брови, – дошло до того, что в нашем городе законопослушный гражданин выглядит белой вороной. Грабежи и квартирные кражи случаются ежедневно.

– Некоторые умеют себя защитить, – заметил я.

– Вынуждены. Просто потому, что власти не справляются. Воры совершенно обнаглели. Даже в мою квартиру на днях забрался какой-то негодяй. Полагаю, он сильно пожалел об этом.

Я поспешно спрятал под стол левую руку, на которой были отчетливо заметны следы стальных челюстей капкана.

Мы выпили еще по кружке пива, потом еще водки, и снова за справедливость, должествующую воцариться в мире, затем Счастливец заказал еще по паре пива. Мне уже не хотелось пить, но капитан настаивал. Тосты говорил он, перейдя на тихие приглушенные интонации. Или мне в пьяном угаре чудились вкрадчивые нотки в голосе заговоренного мента. Затем мы выпили за честь русских офицеров. За то, чтобы не было войны, «ибо войны в двадцатом столетии постоянно сотрясали Русь и нанесли ей непоправимый ущерб». Потом тосты пошли один за другим. Поскольку право слова перешло ко мне, то в самом конце мы пили за то, чтобы бабки были и бабы любили. Сознание мое настолько затуманилось, что я напрочь запомнил о таблеточках и о том, что мой собутыльник сегодня должен отправиться в морг. Я вообще забыл обо всем. Зато начал делиться с объектом собственными переживаниями. Говорил, что у меня работа очень нервная, что я постоянно испытываю стресс, и дошел уже до того, что меня посещают галлюцинации, да такие жуткие, что даже телевизионный психолог не помогает. Он оказался более стойким – тащил меня на себе по коридору в наше купе, сетовал, что русские не могут культурно пить, что его это всерьез расстраивает, потому что он тоже русский, хоть и самый старый из всех русских. Эти его слова меня несколько удивили, но значения я им не придавал, потому что уже мало что понимал. До такой степени не наливался даже портвейном «13».

В тамбуре мы столкнулись с проводницей.

– Следи там, чтобы не наблевал, – крикнула она вслед.

Затем мы вломились в каюту, я грохнулся мимо полки и уснул...

Под утро я проснулся с мутной головой, зато на полке. Мой сосед заботливо подобрал меня с пола. Я осознал, что наговорил вчера кучу лишнего, и самое главное, так и не добился успеха в этом сложнейшем деле. Я встал, выглянул в окно, за ним были предрассветные сумерки. Яркие зарницы освещали горизонт. А Счастливец безмятежно спал. Беззащитный кадык манил и требовал немедленных действий.

Вчера мы, конечно, хорошо посидели, я даже проникся к «вечному менту» чем-то вроде симпатии. Но что поделаешь, мир несправедлив, и каждый должен хорошо делать свою работу.

Я аккуратно поднял полку, стараясь не шуметь. Расстегнул сумку, пошарил в ней, нащупал кобуру с пистолетом, осторожно надел на себя, накинул сверху пиджак. Если бесшумно решить проблему не получается, не будем чистоплюйствовать, воспользуемся единственной возможностью. Придется прыгать с поезда, но это несложно. Он идет медленно, будто специально, чтобы дать мне возможность сделать дело и уйти по-тихому.

«Да где же этот проклятый нож?», – подумал я. И в это самое мгновение меня кто-то схватил за плечо.

– В чем дело?! – спросил я, вздрогнув всем телом. Никак не думал, что объект проснется.

– Ты мне за все ответишь, стерва! – выдавил «вечный мент» шелестящим шепотом.

– Стерва? Я это – он. То есть я – это я! – Я резко обернулся. Счастливецва было не узнать. Страшная гримаса исказила лицо, даже не лицо, а морду... существа из кошмарных снов, вместо глаз – бельма, из перекошенного рта ключьями падает слюна, нос в складках, как у волка, подергивается. Вечный мент мотал головой, словно пытался сбросить морок.

– Не надо, – попросил я, чтобы задержать расправу, и сразу же ударил врага поддых. Я привык действовать без промедления. По опыту знал, в такой ситуации лучше опередить противника. И все равно не успел. Он перехватил руку, вывернул, а потом... подхватил меня и швырнул в окно. Я приложился ногами о столик, выбил головой толстое стекло и покатился по насыпи, ударяясь попутно то пострадавшей головой, то ушибленными ногами. И остался лежать в канаве, погрузив локти в воняющую навозом грязь. Из мыслей в травмированной голове осталась только одна: «Это пи.дец!» Да и та какая-то мутная. Всё стучалась в черепную коробку: «Впустите! Впустите!» Удар был такой силы, что я так и не понял – треснуло вагонное стекло или моя несчастная черепушка. Сознание витало где-то над телом, никак не желая в него возвращаться.

Я пролежал в канаве не меньше получаса. Наконец, понял – буду жить. Из небытия меня вернул к жизни дикий крик птицы-полуночницы: «Уа-уа-уа-а-а!».

Я пополз на четвереньках вверх, медленно поднялся и, шатаясь, ломанулся через лес, наугад. Догнать поезд, любыми средствами вернуть объект. Придется угнать машину. Перехвачу его на какой-нибудь станции, ворвусь в купе, и прикончу. К черту осторожность, все к черту! Вот, ведь, какая сволочь этот Андрюша Счастливец! Я к нему, как к родному. Жрал с ним водку, беседовал, делился сокровенными мыслями. Даже про таблеточку специальную забыл на время. А он меня в окно. Ну и сволочь! Редкая сволочь! Не зря на него психиатры так обозлились. Но как его такого, скажите на милость, в органах держат?! Это же психопат, опасный сумасшедший. В желтом доме ему самое место. Прав был доктор наук Викентий Павлович Туманян. Ему бы орден на грудь и очередную научную степень.

«Через окно панельной пятиэтажки я уже вылетал, – думал я, – через окно поезда тоже, осталось только выбить головой иллюминатор в самолете».

Была надежда, что это перелесок, и я выберусь к какому-нибудь шоссе. Но лес растянулся на километры. Я все брел и брел, а вокруг шуршали шаги неведомых существ, которые неотступно следовали за мной, – видения вернулись, – и гиеной хохотал некто – то слева, то справа.

– Больше вы меня не запугаете, – пробормотал я, – я и сам большой и страшный. Мы еще посмотрим, кто кого. Вечный он, видите ли. Все равно я тебя кончу.

Когда я уже отчаялся идти наугад и захотел вернуться к железнодорожному полотну, впереди забрезжил свет, и я выбрался на небольшую полянку. Возле весело потрескивающего костерка сидел подозрительного вида тип с маленькими рожками на абсолютно лысом черепе и задумчиво глядел в огонь. Обернулся, окинул меня спокойным взглядом – глаза у незнакомца оказались красные, будто два уголька, – и сказал:

– Явился, наконец.

– Ты кто такой? – прохрипел я.

– Как кто?! – Казалось, он искренне удивился. – Ах, ну да, ты ж меня никогда не видел. В общем, так, Васисуалий. Ты сильно не тушуйся. Кричать, что ты с ума сошел, совершенно незачем. Ломиться через лес тоже. Я твой бес – искуситель. Рад познакомиться.

Незнакомец протянул ладонь, чья тыльная сторона вся поросла густым черным волосом. Я поглядел на руку дружбы «беса-искусителя» с сомнением.

– Слушай, шутник, день у меня выдался не то, чтобы очень славный. Помимо того, что меня мучит тяжелое похмелье, меня к тому же только что вышвырнули с поезда. У меня такое ощущение, будто я отбил себе мозг. Так что мне не до шуток. Ясно? Если ты сейчас же не скажешь, кто ты такой и откуда знаешь, как меня зовут, клянусь богом, всажу тебе пулю в лоб. У меня это запросто.

Я вытащил из кобуры ствол и навел на лысую голову. Но мой собеседник и не думал пугаться и умолять о пощаде. Напротив, расхохотался, словно я только что рассказал отличный анекдот.

– Клянусь богом. Это ты хорошо сказал. Подходящая поговорка для великого грешника. Такого, как ты, Васисуалий. Можно я буду тебя так называть?

– Нельзя! – вскричал я. Только сейчас я понял, кого он мне напоминает. Телевизионный психолог. То же лицо. Только у мозгоправа рогов не было. И ехидным выражением лица он никогда не отличался, сохраняя серьезность.

– Да брось ты, Васисуалий. Мы же с тобой, в некотором роде, одно целое.

Рогатый психолог подмигнул, чем вызвал во мне яростную вспышку гнева. Утратив контроль над собой, я спустил курок. Пора уже было хоть кого-нибудь убить...

Мы шли мимо темных деревень и невысоких рощиц по проселочной дороге. Рогатый временами поглядывал на меня и посмеивался. От выстрела на лбу «беса-искусителя» осталось темное пороховое пятно, пуля же не причинила ему никакого вреда. После таинственного происшествия в лесу я испытывал сильное оцепенение – все казалось, что сейчас проснусь, и кошмары последних дней сами по себе рассеются, канут в мутные бездны сна. Вместе с этим рогатым типом, которому я не доверял. У него была такая хитрая физиономия, что к ней так и хотелось приложиться обоими кулаками сразу. Приходилось сдерживаться – во-первых, он обещал вывести меня к шоссе (как впоследствии выяснилось – обманул), во-вторых, неразумно бить того, у кого пуля рикошетит ото лба, как от стальной плиты.

Сразу после выстрела он растянул губы в улыбке, почесал место, куда пришелся выстрел, и заявил:

– Да, Васисуалий, я воспитал тебя жестоким убийцей!

Теперь мы торопливо шагали сквозь ночной сумрак и молчали... В мистику верить все еще не хотелось. Хотя вот она, идет рядом, несет надо лбом небольшие рожки и посмеивается. Никогда не понимал людей, увлеченных подобными вещами – эзотерика, магия, демонология. На мой взгляд, все они не совсем нормальны. Да и выглядят немного пришибленными. Если вдуматься, вера в потусторонний мир может существенно разнообразить жизнь. Но если принять на веру тот факт, что потусторонний мир существует, то насколько сразу девальвируются все достижения этого мира – материальные ценности, блага, которые можно купить за деньги. Нет, я решительно отвергал и отвергаю мистическую составляющую бытия. Но как быть с бесом, похожим, как две капли воды, на телевизионного психолога? Как быть с этим лысым юрким типом, отрекомендовавшимся моим искусителем? Пистолетный выстрел не причинил ему никакого вреда. Я видел все своими глазами. Значит, потусторонний мир существует? Даже если это так, я отказываюсь в это верить. Решительно отказываюсь.

Так я размышлял, пока мы шли по темной проселочной дороге, и белесая Луна освящала наш путь.

– Меня зовут Кухериал, – прервал затянувшуюся паузу рогатый.

– По барабану, – ответил я.

– Я полагал, тебе будет интересно узнать имя своего беса-искусителя. Такая возможность далеко не каждому предоставляется при жизни. Обычно люди узнают имена беса-искусителя и ангела-хранителя уже после смерти, перед судебным чертогом.

– Вот повезло-то. Что ж ко мне ангел не явился? А вместо него ты, образина.

– И этого человека я воспитывал, растил, – обиделся бес Кухериал. – Это же я тебя от опасности оберегал. А не какой-то там ангел-хранитель. А ведь Агирисион буквально жаждал тебя прикончить, как только тебе стукнуло тринадцать. Еле уломал его оставить тебя в живых.

– Кто? – переспросил я. Среди моих знакомых людей с таким именем не числилось.

– Демон, отвечающий за смерть первенцев. Убивает только тех, кто потом совершит какое-нибудь крупное прегрешение.

– Что ты мне зубы заговариваешь?! – я резко обернулся. – Говори, что тебе от меня надо?..

– Да ничего такого, что ты не смог бы сделать, Васисуалий.

– Не смей называть меня Васисуалием, – разозлился я.

– Постараюсь, Васисуалий, – пообещал бес. Он явно издевался.

– Можешь не сомневаться. Как только я найду способ тебя убить, считай, ты уже мертв, – пообещал я.

– Ну, вот. А я надеялся, мы подружимся.

– У меня нет друзей!

– Знаю. Лучше скажи, зачем ты какой-то бабке амулет прозрения подарил?

– Ты это о чем? Ах, об этой золотой штуковине, – догадался я, – которая галлюцинации вызывает.

– Отнюдь, – возразил бес, – она позволяет зреть в суть вещей. Конечно, не все, что ты видел благодаря амулету прозрения, существовало на самом деле. Но многие существа были вполне реальны. Я полагал, тебе будет полезно видеть то же, что вижу я. Но, похоже, я переоценил человеческие силы. Ты впал в весьма предосудительное и безнравственное буйство. Разве можно так напиваться?

– Значит это ты подбросил мне эту дрянь?

– Дрянь?! Да за эту вещь любой чернокнижник отвалил бы кучу империалов. Для того чтобы ее раздобыть, мне пришлось сильно потрудиться. И как, скажи на милость, ты догадался, что для того, чтобы избавиться от воздействия амулета, надо подарить его другому человеку?

– Не знаю, – буркнул я, – интуиция.

– Нет! – вскричал Кухериал. – Это не интуиция. Это он!

– Кто это он?

– Тот, кто не хочет тебе показываться. Долго ты собираешься скрываться?! – рявкнул бес.

– Я?..

– Я не к тебе обращаюсь.

– А к кому?! – удивился я.

– Да вот к этому, который у тебя за правым плечом.

Я в недоумении обернулся. Сзади никого не было.

– Разыгрываешь?

– Нет. Просто ты пока его не видишь. Аикиль, а ну покажи свою гнусную рожу.

Я услышал слабый дребезжащий голосок:

– Что же ты делаешь?! Зачем?

– Покажи, покажи, империал дам.

Мгновение спустя передо мной предстал ангел: жалкое создание – серые крылья, словно присыпанные многовековой пылью, сморщенное личико и тусклый, едва подернутый сиянием нимб.

Бывают лица выразительные, фактурные. В них отчетливо проглядывает личность. Такие лица обожают скульпторы-монументалисты. Достаточно передать всего несколько черт из такого лица – крепкую переносицу, высокий лоб, скулы, и монумент обретает силу, устремленность в будущее. А бывает так, что и наоборот. В лице своего ангела-хранителя я немедленно прочел бесхарактерность, глупость и предрасположенность к выпивке. Подтверждая мои умозаключения, он громко икнул, прикрыв рот пухлой ладошкой:

– Извиняюсь! Портвейн.

– Аикиль, – представил новоявленного божьего слугу Кухериал.

Я настороженно молчал.

– Твой ангел-хранитель, – поведал рогатый, – прошу не любить и не жаловать. А при всяком удобном случае бить его по балде. Самый жалкий тип личности, какой только можно вообразить – продажный неудачник.

– Давай, – потребовал Аикиль, протянув руку. – Трубы горят.

– Позже, – сказал Кухериал. – Ты не хочешь познакомиться со своим человеком? Между прочим, он видит тебя впервые.

– А... хм... ну да, – ангел опустил руку. – Чувствую смещение мыслей, – пробормотал он, глядя на меня с самым несчастным видом, – ты бы не слушал рогатого, Вася, он тебе зла желает. Доведет тебя до казенного дома. И бросит в одиночестве, молить бога о прощении. Раскольникова помнишь? Тот же случай.

– Вася, Вася, – передразнил ангела Кухериал, – раньше не до Васи было, когда империалы от меня получал?! А теперь, видите ли, Васю вспомнил. И свои обязанности.

– Тише, – взмолился Аикиль, – вдруг кто-нибудь услышит.

– Да не дрейфь, – скривился бес, – нет твоих поблизости. А ну говори, это ты нашептал, чтобы Васисуалий амулет прозрения другому человеку передал?

– Не я, – затряс головой ангел. – Истинно говорю, не я.

– Ладно, сейчас уже не важно, как дело было. Лучше прими к сведению вот что. Вон за теми холмами эманация темной энергии. Славный шабашик созревает. Так что свалил бы ты от греха.

– Ша-шабашик, – от волнения ангел даже стал заикаться, – ты хочешь моего человека на шабаш повести?

– Твоего человека?! Поглядите-ка на него святые негодники. Где твои благородные чувства помещались, когда ты Васисуалия за жалкие империалы продал?

– Я не продал! – Ангел выпятил грудь. – А всего лишь временно оставил без защиты. Но я бы все исправил. Честное слово.

– Так, а ну-ка заткнитесь оба! – Решил я вмешаться в перепалку. В конце концов, речь шла о моей персоне, и я имею право знать, что происходит. Единственное, что я сейчас понимал – так это то, что я вдруг, по воле каких-то сил, оказался в совершенно иной реальности. Теперь я либо найду в этом новом мире свое место, либо окончательно свихнусь. Последнее меня совсем не устраивало. – Во-первых, вы утверждаете, что ты – мой ангел-хранитель и... как там тебя?

– Бес-искуситель, – услужливо подсказал рогатый. – Твой наставник по жизни. И лучший друг.

– Насколько я понимаю, вы между собой поладили, так?

Ангел тяжело вздохнул.

– За империалы этот урод на все готов, – сообщил Кухериал, – так что, да, мы, можно сказать, поладили. Я же говорю, Васисуалий, мы с тобой одно целое. Между прочим, именно мне ты обязан тем, что сейчас ты такой сильный, красивый, уверенный в себе. Вспомни, в детстве тебя каждый мог обидеть. А ты только плакал, забивался в угол. Это же я научил тебя ударить Валеру Карпухина кирпичом по зубам. А Лешеньке Седову сунуть ракетку от бадминтона

в переднее колесо велосипеда. Лешенька отправился в больницу. А ты стал героем. Ты вырос героем благодаря мне, Васисуалий! – В последних словах улавливалась фальшивая патетика.

– Погоди-ка, ты что этим хочешь сказать? Что ты мой главный благодетель? – возмутился я, крайне недовольный тем, что он настолько осведомлен о моих детских переживаниях.

– Он хочет сказать, что ты убийца потому, что он так захотел, – Аикиль снова вздохнул, – убийство – тяжкий грех. А ты – скопище всех возможных пороков. Великий грешник.

Кухериал самодовольно улыбнулся.

– Видишь, он тебя даже не любит. Ты ему не нужен. Обвинять своего человека... Тьфу на тебя, ничтожество крылатое.

– Я не обвиняю, нечестивец хвостатый! – выкрикнул ангел, смахнул текущую по щеке слезу и добавил тихим голосом: – Я скорблю. Скорблю об утрате бессмертной души.

– Эй, – возмутился я, – ты что говоришь?! Не надо меня в утиль списывать. Я, между прочим, еще могу исправиться. Может, я заслужил прощение.

– Да пусть списывает, – Кухериал мягко взял меня под локоть, заглянул заискивающе в глаза, – кому это интересно?! Ты хотя бы представляешь, что такое рай? Сборище благообразных клоунов в светлых одеждах. Ни тебе выпить, ни тебе девицу с большими сиськами обнять и пощупать. Скука смертная. А у нас настоящий угар в аду. Лучшие девочки. Выпивка льется рекой. Вспомни, на Новый год ты однажды снял трех проституток, вы купили три ящика пойла, и гуляли три дня и три ночи. Разве это было плохо?

– Голова потом болела, – проворчал я, – к тому же, одна из них часы сперла.

– Скажешь тоже, часы, – Кухериал фыркнул, – да ты себе такие часы можешь купить, благодаря работе, которую я для тебя нашел. – Он покосился на ангела: – Я не понял, летун унылый, а ты почему до сих пор здесь?!

– Не ходите на шабаш, – заныл Аикиль, – ну, пожалуйста, не ходите. Ты же знаешь, Кухериал, я и так на плохом счету. С меня потом Иезиилия голову снимет.

– Отвертишься, – бес махнул на него рукой, – в первый раз что ли... С вашим всепрощением непременно отвертишься.

– Да нет, в первый, именно в первый. О шабаше уговора не было.

– Слушай ты, лицемер, – Кухериал нахмурился, – мы же с тобой все обсуждали. Ты деньги получил? Получил. Обещал не мешать нам ровно одну земную неделю? Обещал. Убирайся теперь вон.

– Надо бы добавить, – продолжал ныть ангел, – о шабаше уговора не было. Не было...

– Да на кой нам этот шабаш?! – возмутился я. – Мне домой надо. Переодеться хотя бы. Да и черепушку проверить, – я пощупал голову. В месте соприкосновения маковки со стеклом вздулась здоровенная шишка.

– Ты что?! – накинулся на меня Кухериал. – Шабаш – это знаешь как здорово! Это же просто восторг! К тому же, я всех предупредил, что тебя приведу. Все уже ждут...

В этот момент послышался громкий шорох, и на дорогу из рощицы выбрались два парня. Я сразу смекнул, что намерения у них не самые добродушные. Оба были слегка поддаты. Шли, опустив плечи, смотрели угрюмо. Я оглянулся, ожидая увидеть Кухериала, но беса-искусителя и ангела-хранителя уже след простыл. Исчезли внезапно, как и полагается потусторонним существам.

– Эй ты, псих, – крикнул один из парней, – чего сам с собой разговариваешь?! Совсем крышу сорвало?

Второй выдал стандартную формулировку:

– Закурить не найдется?!

– Убей их, – жарко задышал в левое ухо Кухериал, так что я едва не подпрыгнул от неожиданности.

– Нет, не делай этого... – Отозвался ангел. – Ребятахватили лишку. С кем не бывает? Оставь их в покое, Вася. Не обижай. Наверное, они очень нуждаются. У того, что справа, дома жена и малые детишки. Малюткам нечего есть. И вот он с другом вышел на преступный промысел. Но он еще вернется на праведный путь.

Я достал из кобуры пистолет, снял с предохранителя и два раза выстрелил. Парни пустились бежать со всех ног. Первый раз я стрелял под ноги, второй раз над головами. Бежали быстро. Только пятки сверкали.

– Ну, вот, – материализуясь, буркнул недовольный бес, – тебе что, в детстве подарили конфетку – и ты затаил на всех добро? Совсем ты меня не слушаешь, Васисуалий. Если бы ты их здесь пришел, тебя бы никогда не нашли. Такой случай упустили.

– Это все эманация зла, – забормотал Аикиль с отрешенным видом, – она всех вокруг с ума сводит. Так бы ребятишки ни за что на тебя не напали. И зачем надо было их пугать?! Не понимаю. Это так жестоко.

– Жестоко слушать твое нытье, – сказал я.

Кухериал расхохотался, заплодировал:

– Bravo, bravo. Так его. – Предложил: – Если хочешь, я могу дать Аикилю империл, и ты двинешь ему в челюсть. За деньги он способен на все. Я сам неоднократно пользовался этим его предложением.

Я смерил ангела пристальным взглядом, в котором читалось: что, неужели так нужны деньги?

– Да, нужны, – пискнул он к моему удивлению.

– Ага, мысли читает, – поделился Кухериал, – у-у-у, святые, они и не на то способны. Так что ты, Васисуалий, пока он рядом, поток мыслизъявлений контролируй. А то прочтет что-нибудь не то, доложит в небесную канцелярию. И пришлют к тебе попов с очистительными целями. Или маету вызовут в душе такую, что сам в церковь побежишь. Или к телевизионному психологу, – бес подмигнул мне, – хорошее дело, психоанализ. Наше, адское изобретение. Никакого духовного очищения не нужно. Все можно объяснить с научной точки зрения. Просто детство у тебя было неправильное. Тяга к матери одолевала. Желание отцу насолить. И прочие желания, вполне естественные для человека с его греховной сущностью.

– Послушай, Вася... – начал опять Аикиль, – будь благоразумен. Поверь мне. Сейчас он может и даст тебе немного удовольствий, но потом ты обязательно об этом пожалеешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.